

классика детектива

Джон
Диксон

КАРР

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

классика детектива

классика детектива

John Dickson

CARR

THE UNICORN MURDERS

■

THE JUDAS WINDOW

Novels

классика детектива

Джон Диксон

KAPP

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

Романы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2007

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К21

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Карр Дж.Д.
К21 Убийства единорога: детективные романы / Пер. с
англ. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 383 с.

ISBN 978-5-9524-3099-0 (Вып. 16)
ISBN 5-9524-1962-3

Очаровательный и неповторимый сэр Генри Мерривейл продолжает расследовать таинственные убийства. На этот раз они совершаются не просто в «запертой комнате», но и очень странным образом — с помощью необычных орудий: одно из них напоминает рог единорога («Убийства единорога»), а другое необходимо отыскать по странному обломку с оперением, напоминающим оперение стрелы («Окно Иуды»).

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-9524-3099-0 (Вып. 16)
ISBN 5-9524-1962-3

© Состав, перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2007
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф»,
2007

«ОКНО ИУДЫ»

Пролог

ЧТО МОГЛО ПРОИЗОЙТИ

Вечером в субботу 4 января молодой человек, который собирался жениться, отправился в дом на Гроувнор-стрит познакомиться с будущим тестем. Молодой человек ничем особо не отличался, за исключением того, что был богаче большинства молодых людей. Джимми Ансуэлл уродился крупным, светло-волосым и добродушным. Злоба отсутствовала в нем целиком и полностью. Его хобби, как вашим и моим, являлось чтение детективных историй с убийствами. Иногда он выпивал лишнее, а иногда поступал глупо, опять же как вы и я. Наконец, будучи наследником состояния покойной матери, он мог считаться выгодным женихом. Советуем держать в голове эти факты, читая о деле об убийстве крашеной стрелой.

А вот факты, касающиеся его визита на Гроувнор-стрит, 12. Во время рождественских каникул в Суссексе Ансуэлл познакомился с Мэри Хьюм. Их роман был внезапным и серьезным — он начался спустя двенадцать часов после первой встречи, а к Новому году они уже были помолвлены. На основании этого кузен Ансуэлла, капитан Реджиналд, который познакомил их, попытался раскошелить его на пятьдесят фунтов. Джимми дал Реджу чек на сотню и совершил еще ряд аналогичных безумств. Мэри написала о помолвке отцу, призвавшему в ответ поздравления. Это было весьма удачно.

Мистер Эйвори Хьюм, директор банка «Кэпитал каунтис» и ранее управляющий сент-джеймским офисом этого банка, не принадлежал к числу людей, легко воспринимающих подобные известия. Честность сочеталась в нем с подозритель-

ностью, и он демонстрировал оба качества с тех пор, как начал карьеру в городке на севере. Поэтому, когда 4 января Джиму Ансуэллу пришлось на один день покинуть Суссекс и отправиться по делу в Лондон, он решил немедленно нанести визит будущему тестю. Одной вещи Джим не мог понять. Почему, когда Мэри провожала его на вокзале в девять утра, ее лицо было таким бледным? Ансуэлл думал об этом по пути на Гроувнор-стрит в начале седьмого вечера. Ему не пришлось связываться с Эйвори Хьюмом по телефону. Старик сам позвонил ему домой и пригласил к себе. Он говорил вежливо, но с той холодноватой формальностью, которая, вероятно, приличествовала случаю. «Учитывая то, что я слышал, полагаю, нам лучше уладить дела, касающиеся моей дочери. Шесть вечера вас устроит?» Это не совсем походило на дружескую встречу, думал Ансуэлл. Старик мог хотя бы пригласить его к обеду. Джим опаздывал — туман ограничивал движение транспорта, и такси еле ползло. Черт возьми, думал он, вспоминая испуганное лицо Мэри, Хьюм не может быть таким уж страшилищем! В наш век нервничать перед встречей с семьей невесты — это отдает комедией. Но комедии вовсе не предполагалось.

Дом 12 по Гроувнор-стрит оказался именно таким солидным зданием из желтого песчаника с неудобными лоджиями, как ожидал Джим. Традиционно респектабельный дворецкий встретил его в традиционно респектабельном холле, наполненном тиканьем напольных часов, чьи стрелки показывали десять минут седьмого.

— Моя фамилия Ансуэлл, — сообщил Джим. — Мистер Хьюм ожидает меня.

— Да, сэр. Могу я взять ваши пальто и шляпу?

В этот момент Джим без всякой причины уронил шляпукотелок, и головной убор покатился в противоположный конец холла. Дворецкий невозмутимо подобрал шляпу. Чувствуя себя идиотом, Джим Ансуэлл выпалил первое, что пришло ему в голову:

— Я останусь в пальто. — Его голос прозвучал неожиданно грозно. — Проводите меня к мистеру Хьюму.

— Да, сэр. Сюда, пожалуйста.

Комната, куда его повели, находилась в задней части дома. Когда они проходили мимо большой лестницы в холле, Джим

увидел обращенное на него сверху довольно приятное лицо женщины в очках. Должно быть, это мисс Амелия Джордан, о которой говорила Мэри, много лет работавшая у ее отца. Его интересовало, не присутствует ли для официальной инспекции и брат старика, доктор Спенсер Хьюм?

— Джентльмен пришел повидать вас, сэр. — Провожатый Джима открыл дверь комнаты с высоким потолком, меблированной как кабинет, если не считать буфета.

На современном письменном столе с плоской крышкой в центре помещения стояла столь же современная настольная лампа. Еще одним намеком на кабинет (или даже комнату-сейф) были два окна, закрытые ставнями, которые выглядели как стальные. Комната, переделанная из гостиной прошлого века, была оклеена черными обоями с некогда золотыми узорами. В стене напротив двери находился белый мраморный камин, демонстративно лишенный каких-либо украшений. Единственное украшение в комнате было прикреплено к стене над каминной полкой — три стрелы, образующие треугольник, покрашенные в различные цвета и вроде бы помеченные датами; три пера, присоединенные к хвосту каждой стрелы, казались высохшими и искривленными. В центре треугольника находился бронзовый диск. Эйвори Хьюм поднялся из-за стола — свет падал на его лицо. Очевидно, он только что закрыл шахматную доску и положил шахматы в коробку, которую отодвинул в сторону. В свои шестьдесят с лишним лет Хьюм был крепким мужчиной среднего роста, с тяжелым взглядом. То, что оставалось от черных седеющих волос, было тщательно причесано на массивном черепе. На нем ладно сидел серый твидовый костюм с высоким старомодным воротником. Сначала Ансуэллу не понравилось выражение его выпуклых глаз, но оно быстро изменилось.

— Это все, Дайер, — обратился Хьюм к дворецкому. — Приведите машину для мисс Джордан. — Взгляд, устремленный на гостя, не был ни сердечным, ни враждебным. — Пожалуйста, садитесь. Думаю, мы должны о многом поговорить.

Хьюм подождал, пока закроется дверь, потом сел за стол и обследовал свои руки. Пальцы были толстыми, но ухоженными.

— Вижу, вы смотрите на мои трофеи, — внезапно добавил он.

Ансуэлл покраснел, чувствуя, что что-то не так, и отвел взгляд от стрел на стене позади хозяина дома. Он заметил на покрытой пылью нижней горизонтальной стреле желтовато-коричневого цвета дату «1934».

— Вы интересуетесь стрельбой из лука, сэр?

— Когда я мальчишкой жил на севере, мы стреляли из со-рокафунтового лука, как здешние ребята играют в крикет или футбол. — Тяжелый голос умолк. Казалось, Эйвори Хьюм обдумывает каждую фразу, словно обходя ее, как человек, обследующий дом. — Я член Королевского общества лучников и клуба «Лесники Кента». Эти стрелы — трофеи ежегодного состязания «Лесников». Тот, кто первый попадет в золото...

— В золото? — переспросил гость, чувствуя, что это слово было произнесено со зловещим оттенком.

— В центр мишени. Кто первый попадет в золото, становится главным лесником клуба на следующий год. За двенадцать лет мне удавалось это трижды. Стрелы еще вполне хороши. Ими можно убить человека.

Ансуэлл подавил желание выразить взглядом недоумение.

— Очень полезное качество, — сказал он. — Но, сэр, я пришел сюда не красть ложки и не убивать кого-либо, если только это не станет крайне необходимым. Дело в том, что я хочу жениться на мисс Хьюм и... как насчет этого?

— Вполне достойное желание. — Хьюм впервые улыбнулся. — Могу я предложить вам виски с содовой?

— Спасибо, сэр, — с облегчением отозвался Джим.

Хьюм встал, подошел к буфету, вынул пробку из графина, налил в два стакана виски, добавил в них содовой из сифона и вернулся к столу.

— Позвольте выпить за ваше процветание? — Выражение его лица слегка изменилось. — Мистер Джеймс Кэплон Ансуэлл, — задумчиво произнес он имя гостя. — Буду с вами откровенен — тот брак был бы выгоден... можно сказать, обеим сторонам. Как вам известно, я уже дал на него согласие. У меня не может быть никаких возражений — я имел честь быть знакомым с покойной леди Ансуэлл и знаю, что финансовое положение вашей семьи вполне надежно. Поэтому хочу сообщить... Да что с вами, приятель? Вы с ума сошли?

Ансуэлл видел, как хозяин дома застыл с наполовину поднесенным к губам стаканом и выражением испуга на лице. Но он видел это словно сквозь туман. Казалось, что-то обжигает ему горло, распространяясь на плечи. Закружилась голова. Стол наклонился вперед, и Джим понял, что падает на него. Последней мыслью перед обмороком было то, что в напиток что-то добавили, но ее заглушил шум в ушах.

Мысль о том, что в виски что-то было, вернулась вместе с сознанием. Ансуэлл выпрямился на жестком стуле, стараясь справиться с тошнотой. Глаза болели от света настольной лампы под зеленым абажуром. Мгновение полной паники сменило осознание происшедшего. Когда Хьюм благословлял брак, что-то вывело его гостя из строя. Должно быть, Хьюм подмешал что-то в виски. Но это чепуха. Зачем Хьюму это делать? И куда он подевался?

Чувствуя, что должен срочно найти Хьюма, Ансуэлл с трудом поднялся. Голова раскалывалась, во рту ощущался привкус мяты. Если бы он мог с кем-то поговорить, все было бы в порядке. Что произошло и как долго это длилось? На нем все еще было пальто, мешавшее поискам часов в кармане пиджака. Когда он вошел в этот дом, было десять минут седьмого. Сейчас часы в его руке показывали половину седьмого. Опершись руками на стол, Джимми посмотрел на пол, чтобы унять головокружение. Переведя взгляд налево от стола, он увидел старомодный ботинок со шнуровкой и несколько дюймов носка, а шагнув в этом направлении, споткнулся об ногу.

— Вставайте, черт бы вас побрал! — услышал он собственный голос, который жалобно добавил: — Встаньте с пола и скажите что-нибудь!

Эйвори Хьюм не шевельнулся. Он лежал на левом боку между окнами и краем стола настолько близко к столу, что вытянутая правая рука касалась его, словно пытаясь обнять.

Ансуэлл перевернул хозяина дома на спину. Что-то перевернулось вместе с телом, и он отпрянул, чтобы это к нему не притронулось. Потом он увидел кровь. Тонкий и круглый деревянный стержень торчал в груди Хьюма. К заднему краю стрелы, вонзившейся в сердце на восемь дюймов, были прикреплены три потрепанных и пыльных пера.

Хьюм был мертв, но тело еще не остыло. Лицо казалось удивленным и сердитым, высокий воротник и галстук смялись, на руках была пыль, а на правой ладони — порез.

Пытаясь отскочить и одновременно удержаться на ногах, Ансуэлл едва не упал на спину. При этом он почувствовал, как что-то оттопыривает правый карман его брюк под пальто, — хотя что это было, он узнал позже. Казалось нереальным, что Хьюм лежит на собственном ковре, пронзенный стрелой, в испачканном кровью костюме. Настольная лампа деловито отбрасывала свет на промокательную бумагу, светло-коричневый ковер и открытый рот мертвеца.

Охваченный паникой, молодой человек огляделся вокруг. В стене позади него была дверь, в стене слева — два закрытых ставнями окна, а на стене впереди висели стрелы, но теперь их осталось только две. Желтовато-коричневая стрела, образовывавшая основание треугольника и датированная 1934 годом, торчала в теле Хьюма; половина среднего из трех ее перьев, покрашенного в голубой цвет, отломалась или оторвалась. В глубине души Ансуэлл ощущал, что в доме что-то не так, с тех пор как вошел в него. Разговор с Хьюмом казался фантастичным. Седеющий дворецкий, тикающие в холле напольные часы, склонившаяся над перилами женщина — все выглядело частью иллюзии или западни. Кто-то вошел в кабинет, пока он был без сознания, и убил Хьюма. Но в таком случае где убийца? Отойдя назад еще дальше, Ансуэлл осознал, что что-то громко тикает у него в руке, спрятал часы в карман и подошел к двери. Повернув ручку несколько раз, он заметил, что дверь заперта на засов изнутри. Но ведь кто-то вышел отсюда! Джим медленно подошел к окнам. Стальные ставни на каждом из них были также заперты — плоская стальная перекладина вставлена в гнездо, как засов.

Ансуэлл быстро обошел комнату. Другого выхода не было. Единственной вещью, которую он не заметил раньше, оказалась электроплитка, вмонтированная в решетку белого мраморного камина. Войти и выйти через трубу было невозможно — дымоход имел всего дюйм в ширину и забит сажей, которую давно не тревожили. От камина словно исходило тепло, и Джиму стало жарко в его пальто.

Неужели Хьюм покончил с собой? Может быть, он сошел с ума и решил представить самоубийство убийством, совершенным его гостем, — ситуация весьма популярная в излюбленном Джимом литературном жанре? Чепуха! Единственная альтернатива... Конечно, никто не поверит, что это сделал Джим. Зачем ему могло это понадобиться? Кроме того, он может легко объяснить, что ему подмешали в виски наркотик. Правда, он не видел, как Хьюм добавлял что-то в стакан, но кто-то, безусловно, поработал над напитком. Это можно доказать. Джим вспомнил, что даже не допил свой стакан — почувствовав первую волну тошноты, он машинально поставил его на пол возле стула.

Ансуэлл начал искать стакан, но его не оказалось ни на полу, ни вообще в комнате. Не было также следов виски с содовой, которое Хьюм смешал для себя. С неопределенным чувством страха Джим обследовал буфет. На нем стояли графин из граненого стекла с виски, сифон с содовой и четыре стакана. Графин был полон до пробки, ни капли содовой не было выцедено из сифона, а стаканы выглядели абсолютно чистыми. Впоследствии Ансуэлл припоминал, что произнес что-то вслух, но понятия не имел, что именно. Он сделал это, чтобы помешать себе думать. Но думать пришлось — время не стояло на месте, а часы продолжали тикать. Если дверь и два окна были заперты изнутри, значит, только он мог убить Хьюма. Казалось, один из его любимых романов превратился в кошмар. В реальном мире полиция не поверит в его невиновность и отправит его на виселицу. Конечно, хорошо говорить об изобретательных приспособлениях, которыми дверь закрывалась на внутренний засов кем-то, находящимся снаружи, но он видел эту дверь и знал, что это невозможно.

Ансуэлл снова подошел к двери. Она была сделана из крепкого дуба и настолько плотно прилегала к раме и полу, что последний был процарапан в местах их соприкосновения. В панели не было даже замочной скважины — автоматический американский замок не действовал и был оставлен в положении «открыто». Длинный тяжелый засов, очевидно, использовали редко — когда Джим попытался повернуть его в гнезде, ему пришлось приложить всю силу.

Оставив засов, Ансуэлл посмотрел на правую руку и отошел к свету, чтобы лучше видеть. Пальцы и ладонь покрывала сероватая пыль, которая казалась песочной, когда он стиснул кулак. Джим знал, что ни к чему не прикасался с тех пор, как вошел в комнату. Он снова почувствовал что-то в брючном кармане, но не стал проверять, боясь узнать, что это. От гипнотического света настольной лампы его глаза скользнули к мертвому телу. Стрела от долгого висения на стене покрывалась слоем сероватой пыли, за исключением тонкой линии на стержне, где она, по-видимому, не касалась стены. Но теперь пыли не было только в одном месте — в середине стержня, где кто-то сжимал его пальцами. Наклонившись, Джим смог даже невооруженным глазом различить четкие отпечатки пальцев. Ансуэлл посмотрел на собственную руку, вытянув ее вперед, как будто обжог. В тот момент ему пришла в голову смутная идея насчет того, что могли в действительности означать телефонный звонок Хьюма, бледное лицо Мэри, кое-какие разговоры в Суссексе и письмо, спешно написанное накануне вечером. Но его внимание отвлек звук. Нет, это была не кровь, колотящаяся у него в голове, а стук в дверь.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ УГОЛОВНОМ СУДЕ

4 марта 1936 г.

КОРОЛЬ ПРОТИВ ДЖЕЙМСА КЭПЛАНА АНСУЭЛЛА

Обвинение: преднамеренное убийство Эйвори Хьюма.

Судья: м-р Рэнкин.

Обвинители: сэр Уолтер Сторм, генеральный прокурор.
м-р Хантли Лотон.

м-р Джон Спрэгг.

Защитник: сэр Генри Мерривейл, королевский адвокат.

ДОМ ФЛЕМИНГА

ПРОХОД МЕЖДУ ДОМАМИ

Степеньки

Дверь

Коридор

Дверь

Стол

Камин

Буфет

Задняя дверь

ХОЛЛ

ГОСТИНАЯ

ГОСТИНАЯ

Передняя дверь

Часы

1. X — положение тела.

3. Две оставшихся стрелы прикреплены к стене над камином.

5. Дверцы буфета в кабинете заперты, ключ найден в кармане покойного, но буфет пуст. (?)

5. Дверцы буфета в кабинете заперты, ключ найден в кармане покойного, но буфет пуст. (?)

Глава 1

И ВЫНЕСУ СПРАВЕДЛИВЫЙ ВЕРДИКТ...

— Все лица, которые могут сообщить что-либо, касающееся рассматриваемого дела, пусть подойдут и дадут показания перед судом. Боже, храни короля и милордов королевских судей.

В зале суда номер 1 судья Рэнкин занял свое место. Это был низенький толстый человек, которого алая мантия, отороченная черным, делала еще ниже и толще, но он носил ее весьма непринужденно. Лицо под седым париком, подходящим ему как собственные волосы, было круглым и румяным. Маленькие узкие глазки энергично поблескивали, придавая ему облик директора школы, стоящего перед классом.

Эвелин и мне, сидящим на зарезервированных местах позади обвинителей и защиты, помещение также напоминало скорее школьный класс, нежели зал суда. Даже столы были расположены как парты. Белый купол над судейским креслом оканчивался стеклянной крышей, сквозь которую проникали бледные лучи утреннего мартовского солнца. Скрытые под карнизами электрические лампы отбрасывали желтоватый свет на дубовые панели. Сходство с классом подчеркивали деловитая аккуратность и полное отсутствие суеты. С наших мест мы могли видеть только спины и затылки барристеров¹ в мантиях и париках с буклями. Слева от нас находилась сейчас пустовавшая скамья подсудимых, а напротив, перед столом солиситоров², скамьи присяжных и свидетельское место. Справа

¹ Б а р р и с т е р — адвокат, имеющий право выступать в суде. (*Здесь и далее примеч. пер., кроме примеч. авт.*)

² С о л и с и т о р — поверенный, подготовляющий дела для адвоката и имеющий право выступать только в суде нижней инстанции.

располагался ряд массивных стульев с высокими спинками, образующих судейскую скамью; над центральным из стульев вертикально нависал карающий меч правосудия.

Судья Рэнкин отвесил обвинению, защите, судебным чиновникам и присяжным низкий поклон, напоминающий мусульманское приветствие. Два секретаря суда за столом ниже судейского кресла тут же повернулись и поклонились в унисон. Оба были высокими мужчинами в париках и мантиях, чьи движения настолько совпадали с движениями судьи, что напоминали шоу Панча и Джуди¹. После этого суд занял места, и в зале начался кашель. Судья Рэнкин устроился на стуле слева от меча — центральный предназначался для лорд-мэра или одного из олдерменов². Надев очки в роговой оправе, судья взял ручку и открыл большую книгу записей.

Мартовский свет, проникающий сквозь стеклянную крышу, стал ярче, затем снова потускнел. В зал ввели обвиняемого. Невозможно долго смотреть на подсудимого, стоящего у огромной скамьи с полицейскими по обеим сторонам. По крайней мере, я не мог этого делать, так как чувствовал себя упырем. Мы с Эвелин впервые увидели Ансуэлла. Он выглядел вполне достойным молодым парнем — ничуть не хуже любого из сидящих в зале. Хотя Ансуэлл был хорошо одет, чисто выбрит и стоял по стойке «смирно», складывалось впечатление, что его не слишком волнует происходящее. Позади нас сидело несколько вампиров из прессы, и он не смотрел в нашу сторону. Когда ему зачитали обвинение, он ответил «невиновен» голосом, в котором неожиданно прозвучал вызов.

В зале не было произнесено ни одного лишнего слова. Казалось, судья предпочитает вести процедуру, обходясь в основном знаками. «Клянусь всемогущим Богом, — диктовали эти знаки-слова присяги членам жюри, — что буду честно разбирать дело между нашим повелителем королем и обвиняемым и вынесу справедливый вердикт, согласно доказательствам».

— Не могу этого понять, Кен, — с беспокойством заговорила Эвелин, прикрыв рот ладонью и глядя на ряд черных спин впереди. — Почему Г. М. захотел участвовать в суде? Ведь он всегда на ножах с правительственными чиновниками, а при

¹ Панч и Джуди — персонажи английской кукольной комедии.

² Олдермен — член городского управления.

встрече с министром внутренних дел едва не затевает драку, зато в хороших отношениях с полицией. Старший инспектор... как его фамилия?..

— Мастерс?

— Да, Мастерс. Он больше прислушивается к советам Г. М., чем собственного начальства. Если Г. М. может доказать, что Ансуэлл невиновен, почему он не доказал это полиции, чтобы они отозвали дело?

Я этого не знал. По этому поводу Г. М. хранил агрессивное молчание. Хотя барристеры располагались к нам спиной, разглядеть Г. М. не составляло труда. Он занимал левый край передней скамьи и сидел опершись локтями на стол; старая мантия делала его спину еще шире, а парик на голове выглядел нелепо. Справа от него сидели представители Короны — сэры Уолтер Сторм, мистер Хантли Лотон и мистер Джон Спрэгг, — которые шепотом совещались. Хотя стол перед Г. М. был относительно чистым, пространство перед обвинителями заполняли тома недавно отпечатанных отчетов, желтые буклеты с официальными фотографиями и розовая промокательная бумага. Хотя их спины выглядели вполне серьезно, я едва сдерживал ироническую усмешку, когда головы в париках поворачивались к Г. М. Эвелин испытывала те же чувства и была в ярости.

— Ему не следовало являться в суд, — настаивала она. — Г. М. стал адвокатом еще до войны, но Лоллипоп говорила мне, что он не вел дела в суде уже пятнадцать лет и его наверняка сожрут. Посмотри — он нахохлился, как филин, а если его начнут доставать, безусловно, выйдет из себя.

Я был вынужден признать, что Г. М. отнюдь не самый лощеный адвокат. Кажется, был какой-то скандал, когда он последний раз появился в суде. И я согласен, что с его стороны было невежливым начинать обращение к присяжным: «Ну, тупоголовые вы мои». Тем не менее дело он выиграл.

Пока жюри приносило присягу, зал наполняло бормотание. Эвелин посмотрела на длинный стол солиситоров. Каждое место было занято, а на столе лежали вещественные доказательства в аккуратных конвертах или пакетах. Еще два более причудливых доказательства были прислонены к маленькой кабинке судебного репортера-стенографиста. Потом Эвелин перевела взгляд на судью Рэнкина, отстраненного, словно йог.

— Судья выглядит... крутым.

— Он такой и есть. К тому же он один из самых толковых людей в Англии.

— Тогда, если парень виновен... — Эвелин оборвала фразу. — Думаешь, он сделал это?

Лично я полагал, что Ансуэлл либо виновен, либо безумен, либо то и другое вместе, и не сомневался, что его повесят. Во всяком случае, он приложил для этого все усилия. Но размышлять об этом было не время. Последние из присяжных, включая двух женщин, принесли присягу без отвода. Подсудимому снова зачитали обвинение. Послышался кашель, и сэр Уолтер Сторм, генеральный прокурор, поднялся, чтобы открыть дело от имени Короны.

— Ваше лордство, члены жюри...

В наступившем молчании зычный голос сэра Уолтера производил странное впечатление звучащего из бездны. Шерстяная макушка его парика устремлялась на нас, когда он вскидывал голову. Не думаю, что в течение всего процесса мы видели его лицо более чем один раз, когда он повернулся, — оно было продолговатым, с длинным носом и цепким взглядом. Выглядел он абсолютно бесстрастным, что производило особенно жуткое впечатление, иногда напоминая учителя, задающего вопросы туповатому ученику, и четко, как актер, произнося каждый слог.

— Ваше лордство, члены жюри, — начал генеральный прокурор. — Как вы слышали, подсудимый обвиняется в убийстве. Мой долг — указать курс, которого будет придерживаться обвинение. Можете поверить, что обвинитель часто с неохотой исполняет свои обязанности. Жертва этого преступления — всеми уважаемый человек, долгие годы работавший в банке «Кэпитал каунтис», а впоследствии ставший членом совета директоров этого банка. В то же время обвиняемый происходит из хорошей семьи, получил достойное воспитание и солидное наследство, обладая, таким образом, преимуществами, в которых многим в этом мире отказано. Но вам будут представлены факты, которые, на мой взгляд, не могут привести к иному выводу, кроме того, что мистер Эйвори Хьюм был жестоко убит обвиняемым.

Убитый был вдовцом и во время смерти проживал в доме 12 на Гроувнор-стрит со своей дочерью, мисс Мэри Хьюм, братом, доктором Спенсером Хьюмом, и личным секретарем, мисс

Амелией Джордан. В течение двух недель, с 23 декабря по 5 января, мисс Мэри Хьюм отсутствовала, гостя у друзей в Суссексе. Вы услышите, что утром 31 декабря покойный получил письмо от мисс Хьюм, извещающее о ее помолвке с Джеймсом Ансуэллом, обвиняемым по этому делу, с которым она познакомилась в доме друзей. Вы также услышите, что, узнав новости, покойный вначале был обрадован и выразил горячее одобрение. Он отправил поздравительное письмо мисс Хьюм и по крайней мере один раз говорил с ней по телефону на эту тему.

Вы можете подумать, что у него имелись причины быть довольным, учитывая перспективы обвиняемого. Но я должен привлечь ваше внимание к следующему. В какое-то время между 31 декабря и 4 января отношение покойного к этому браку (и к обвиняемому) претерпело внезапное и полное изменение. Когда и почему оно произошло, Корона сообщить не в состоянии. Но Корона просит вас подумать, произвело ли это изменение эффект на обвиняемого.

Вы услышите, что утром в субботу 4 января покойный получил еще одно письмо от мисс Хьюм. Это письмо извещало, что обвиняемый в тот день будет в Лондоне. Не теряя времени, мистер Хьюм позвонил обвиняемому в его квартиру на Дьюк-стрит. Слова покойного во время телефонного разговора слышали два свидетеля. Вы услышите, в каких выражениях и как резко он говорил с обвиняемым. А положив трубку, покойный произнес вслух: «Мой дорогой Ансуэлл, я заставляю вас замолчать, черт бы вас побрал!»

Сэр Уолтер сделал паузу. Он произносил слова без всяких эмоций, время от времени сверяясь со своими бумагами. Некоторые из присутствующих посмотрели на подсудимого, теперь сидящего на скамье между двумя надзирателями. Мне он казался вполне готовым к услышанному.

— Во время разговора по телефону покойный попросил обвиняемого явиться к нему в дом на Гроувнор-стрит в шесть часов вечера. Позже, как вы услышите, он сказал дворецкому, что ожидает к шести посетителя, который (по его собственным словам) «может причинить неприятности, так как ему нельзя доверять». Около четверти шестого покойный вернулся в свой кабинет на задней стороне дома. Должен объяснить вам, что в течение долгой службы в банке он оборудовал в

доме личный офис. Вы увидите, что в этой комнате только три входа: дверь и два окна. Тяжелая и плотно прилегающая дверь была заперта на засов изнутри. В ней не было даже замочной скважины — снаружи она запиралась на американский замок. Каждое из окон было снабжено стальными ставнями, которые надежно предохраняли от взломщиков. Покойный держал в кабинете важные документы и письма, которые приносил домой. Но последние несколько лет кабинет не использовался как «комната-сейф», и покойный не считал необходимым запирать дверь или закрывать ставни, так как хранил там только свои «трофеи». Дело в том, что покойный увлекался стрельбой из лука. Он был членом Королевского общества лучников и клуба «Лесники Кента», которые пропагандируют этот старинный вид спорта. На стене его кабинета висели призы ежегодных матчей «Лесников Кента». Они включали три стрелы с обозначенными на них годами выигрышей — 1928, 1932 и 1934 — и бронзовую медаль, врученную «Лесниками» за рекордное число попаданий в 1934 году. Вечером 4 января покойный вошел в кабинет около четверти шестого.

Теперь прошу внимания! В это же время покойный вызвал дворецкого Дайера и велел ему закрыть и запереть ставни. «Ставни?» — удивленно переспросил Дайер, поскольку этого не делали с тех пор, как комнату перестали использовать как офис. «Делайте, что вам говорят, — сказал покойный. — Думаете, я хочу, чтобы Флеминг видел, что вытворяет этот дурень?» Покойный имел в виду мистера Рэндолфа Флеминга, своего друга и энтузиаста-лучника, который жил в соседнем доме по другую сторону узкого мощеного прохода за окнами кабинета. Дайер выполнил указания покойного и крепко запер ставни. Стоит отметить, что два подъемных окна также были заперты изнутри. Дайер, проверяя, все ли в порядке в комнате, заметил на буфете графин с виски, полный до пробки, неиспользованный сифон с содовой водой и четыре чистых стакана. После этого он вышел из кабинета.

Обвиняемый прибыл в десять минут седьмого. Вы услышите показания, которые помогут вам решить, был ли он в крайне возбужденном состоянии. Он отказался снять пальто и сразу попросил проводить его к мистеру Хьюму. Дайер проводил его в кабинет и снова удалился, закрыв дверь. Около двенадцати

минут седьмого Дайер, находясь в маленьком коридоре за дверью кабинета, слышал, как обвиняемый сказал: «Я пришел сюда не убивать кого-либо, если только это не станет крайне необходимым». Спустя несколько минут он услышал крик мистера Хьюма: «Да что с вами, приятель? Вы с ума сошли?» После этого дворецкий услышал звуки, которые будут вам описаны.

На сей раз пауза была краткой. Сэр Уолтер Сторм несколько разгорячился, хотя говорил с той же тщательной артикуляцией, при каждом слове указывая пальцем в сторону жюри. Генеральный прокурор был высоким мужчиной, и рукав его черной мантии при каждом жесте слегка трепетал.

Дайер постучал в дверь и спросил, все ли в порядке. «Я справлюсь сам — уходите», — ответил его хозяин, и дворецкий повиновался. В половине седьмого мисс Амелия Джордан спустилась вниз, намереваясь выйти из дома, и подошла к кабинету. Она собиралась постучать, когда услышала голос обвиняемого: «Вставайте, черт бы вас побрал!» Мисс Джордан повернула ручку, но обнаружила, что дверь заперта на засов изнутри. Тогда она побежала по коридору, столкнулась с появившимся в нем Дайером и крикнула ему: «Они дерутся, убивают друг друга — остановите их!» Дайер ответил, что лучше позвать полицейского. «Вы трус! — сказала мисс Джордан. — Бегите в соседний дом и приведите мистера Флеминга». Но Дайер ответил, что мисс Джордан в такой момент лучше не оставаться одной, поэтому пусть она сама сходит за мистером Флемингом. Мисс Джордан застала мистера Флеминга выходящим из своего дома и вернулась вместе с ним. Они увидели Дайера, пришедшего из кухни с кочергой, и втроем подошли к двери кабинета. Дайер постучал, и они слышали звук, который правильно определили как звук засова, медленно выдвигаемого из гнезда с другой стороны двери.

Я сказал «правильно», так как засов в тот момент действительно выдвигали, что потребовало некоторых усилий, как неоднократно заявил сам обвиняемый. Подсудимый приоткрыл дверь на несколько дюймов. Увидев стоящих за ней, он открыл ее настежь и сказал: «Ладно, можете войти».

Эти слова могут показаться вам бессердечными при данных обстоятельствах. А обстоятельства были таковы, что мистер Хьюм лежал на полу между окном и письменным столом

в положении, описание которого вы услышите. В груди у него торчала стрела. В ней опознали ту, которая, когда покойного последний раз видели живым в обществе подсудимого, висела на стене кабинета, что подтверждает и обвиняемый. Согласно медицинскому свидетельству, которое мы представим, стрелу воткнули в тело с такой силой, что она пронзила сердце, вызвав немедленную смерть. В показаниях экспертов вы услышите, что стрелу не выпустили из лука, а, очевидно, использовали как ручное оружие наподобие ножа. Вы услышите от полицейских, что на стреле, провисевшей несколько лет на стене, был слой пыли, стертый лишь в одном месте, где обнаружены четкие отпечатки пальцев. И наконец, вы услышите, что эти отпечатки принадлежат обвиняемому.

Что произошло, когда подсудимый открыл дверь кабинета мисс Джордан, мистеру Флемингу и дворецкому? Как они обнаружили, он находился в комнате наедине с мертвецом. «Кто это сделал?» — обратился к нему мистер Флеминг. «Полагаю, вы скажете, что я», — ответил обвиняемый. «Вы убили его, — заявил мистер Флеминг, — и нам лучше вызвать полицию». Обследовав комнату, они обнаружили, что стальные ставни и подъемные окна все еще заперты изнутри. Таким образом, обвиняемого застали наедине с убитым в комнате, куда нельзя было проникнуть ни через дверь, ни через окна, а других доступов туда не существовало. Покуда мистер Флеминг осматривал комнату, обвиняемый сидел на стуле, внешне абсолютно спокойный, и курил сигарету...

Кто-то кашлянул. Кашель был непреднамеренным, но по залу пробежал легкий шорох. Я не мог определить, как большинство присутствующих воспринимает речь обвинителя, но атмосфера в зале была зловещей. Позади нас, на местах земельной корпорации Сити, сидели две женщины. Одна — в пальто из шкуры леопарда — была красивой, а другая — невзрачной, если не сказать уродливой, и ее аристократическое лицо покрывал плотный слой косметики. Справедливость требует признать, что они не вертелись, не смеялись и громко не разговаривали — их шепот слышали только мы.

— Знаешь, — сказала Леопардовая Шкура, — я однажды встречала его на вечеринке. Только подумать, что через три недели его повесят!

— Ты находишь это забавным, дорогая? — отозвалась Уродина. — Я бы хотела, чтобы его посадили поудобнее.

Сэр Уолтер Сторм окинул взглядом присяжных:

— Что же говорит об этом сам обвиняемый? Как он объясняет тот факт, что только он один мог быть с мистером Хьюмом в момент его гибели? Как он объясняет наличие отпечатков своих пальцев на оружии? Как он объясняет (этот факт будет вам представлен), что пришел в дом вооруженный пистолетом? Вы услышите слово в слово замечания, сделанные им мистеру Флемингу, Дайеру и доктору Спенсеру Хьюму, который прибыл вскоре после обнаружения тела. Но большинство этих замечаний содержится в заявлении, которое обвиняемый сделал участковому детективу-инспектору Моттраму 5 января в 12.15. Обвиняемый в сопровождении инспектора Моттрама и сержанта Рейва проследовал на Доувер-стрит, где добровольно дал показания, которые я намерен вам зачитать.

Он сказал следующее: «Я делаю это заявление по доброй воле, предупрежденный, что все, сказанное мною, будет записано и может быть использовано как свидетельство. Я желаю очистить себя от подозрений. Я абсолютно невиновен. Я прибыл в Лондон сегодня в 10.45 утра. Покойный знал о моем приезде, так как моя невеста написала ему, что я приезжаю девятичасовым поездом из Фроненда в Суссексе. В половине второго мистер Хьюм позвонил мне по телефону и попросил прийти в его дом в шесть. Он сказал, что хочет уладить дела, касающиеся его дочери. Я пришел в его дом в 18.10. Он дружески меня приветствовал. Несколько минут мы разговаривали о стрельбе из лука, потом я обратил внимание на три стрелы, висящие на стене. Мистер Хьюм сказал, что каждой из этих стрел можно убить человека. Я в шутку ответил, что пришел сюда не затем, чтобы кого-то убивать, если только это не станет абсолютно необходимым. Я уверен, что тогда дверь не была заперта на засов, а при мне не было никакого оружия. Я сказал мистеру Хьюму, что хочу жениться на его дочери и прошу его согласия. Он предложил мне выпить, и я согласился. Мистер Хьюм налил два стакана виски с содовой и протянул один мне. Потом он сказал, что хочет выпить за мое здоровье и что согласен на мой брак с мисс Хьюм».

Сэр Уолтер оторвал глаза от бумаги. Казалось, некоторое время он молча смотрел на присяжных. Мы не видели его лица, но затылок в парике выглядел весьма красноречиво.

— Корона спросит вас, верите ли вы, что покойный пригласил обвиняемого «уладить дела, касающиеся его дочери». Вам предстоит решить, считаете ли вы это заявление правдоподобным или вероятным. Обвиняемый приходит в дом, они начинают говорить о стрельбе из лука, как только он входит в кабинет, и мистер Хьюм дружелюбно заявляет, что каждой из этих стрел можно убить человека. Такое поведение может показаться вам странным, хотя оно позволяет обвиняемому пошутить насчет убийства. Еще более странным вам может показаться то, что покойный, ранее выражавший при свидетелях совсем иные чувства к обвиняемому, пьет за его здоровье и дает согласие на брак. Но что за этим следует?

Сэр Уолтер возобновил чтение: «Я выпил около полстакана виски с содовой, когда почувствовал, что у меня кружится голова и что я теряю сознание. Я пытался заговорить, но не смог. Я понял, что в напиток, очевидно, добавили какой-то наркотик, и стал падать лицом вниз. Последнее, что я помню, — как мистер Хьюм спросил: «Да что с вами? Вы с ума сошли?» Когда я пришел в себя, то сидел на том же стуле, хотя помнил, что упал с него. Мне было скверно. Я посмотрел на часы — было половина седьмого. Потом я увидел ногу мистера Хьюма с другой стороны стола. Он лежал мертвый, каким вы его нашли. Не понимая, что произошло, я крикнул, чтобы он встал. Обойдя комнату, я заметил, что одна из стрел исчезла со стены. Я подошел к двери и обнаружил, что она заперта на засов изнутри. Тогда я обследовал ставни и увидел, что они тоже заперты изнутри. Мне пришло в голову, что меня могут заподозрить в убийстве, поэтому я стал искать стаканы с виски, которые наполнил мистер Хьюм, но не смог их найти. Графин с виски стоял на буфете снова полный, а сифон с содовой выглядел нетронутым. Рядом находились четыре чистых стакана, но я не знаю, были ли среди них два, которыми пользовались мы. Вскоре после этого я снова подошел взглянуть на дверь. Тогда я заметил пыль на моей руке, на которую вы позже обратили внимание. Я вернулся и посмотрел на стрелу. В этот момент в дверь постучали, и я открыл ее. В комнату вошел крупный мужчина, которого вы на-

зываете Флемингом, а за ним слуга с кочергой. Мисс Джордан осталась в дверях. Это все, что я могу вам сообщить. Я ни разу не прикасался к стреле».

Послышался шелест, когда сэр Уолтер перелистал страницы с отпечатанным текстом и отложил их.

— Да он же просто сумасшедший! — прошептала Леопардовая Шкура.

— Ты так думаешь, дорогая? — отозвалась Уродина. — Как ты наивна! По-моему, он хочет, чтобы о нем так думали.

— Члены жюри, — продолжал сэр Уолтер, с озадаченным видом разводя руками, — я не собираюсь комментировать это заявление и показания, которые дадут свидетели и полиция. Какую интерпретацию даст столь необычному заявлению обвиняемый или мой ученый друг, мне неизвестно. Корона придерживается мнения, что обвиняемый, застав Эйвори Хьюма решительно противящимся его матримониальным планам, поссорился с ним и жестоко убил старика, не причинившего ему никакого вреда. В заключение должен напомнить вам следующее. Ваша задача — решить, подтверждают ли доказательства, которые Корона представит вам, обвинение в убийстве. Если вы сочтете, что Корона не доказала обвинение, не оставляя сомнений, без колебаний исполняйте свой долг. Говорю откровенно, что Корона не в состоянии объяснить причину внезапного антагонизма жертвы по отношению к обвиняемому. Но суть не в этом, а в том, какой эффект этот антагонизм оказал на подсудимого. Сам по себе антагонизм является фактом, и вы можете считать его отправным пунктом в цепи фактов, которые мы вам представим. Если же вы решите, что обвинение доказано без каких-либо сомнений, не превращайте слабость характера подсудимого в фактор его защиты и без колебаний приговорите его к высшей мере наказания.

Глава 2

ВЗГЛЯНИТЕ НА ФОТОГРАФИЮ НОМЕР 5

Генеральный прокурор сел, и со стола солиситоров ему протянули стакан воды. Судебный пристав, который на цыпочках проходил мимо присяжных, наклонившись, чтобы не

заслонять им обвинителя, выпрямился. Мистер Хантли Лотон, ассистент сэра Уолтера, поднялся для допроса свидетелей. Первые два из них были официальными лицами, и их быстро отпустили. Харри Мартин Кумб, полицейский фотограф, удостоверил подлинность снимков, сделанных в связи с преступлением. Лестер Джордж Фрэнклин, землемер района Вестминстер, дал показания относительно обследования им дома 12 на Гроувнор-стрит и предъявил планы дома. Копии раздали членам жюри. Мистер Хантли Лотон, чьи манеры отличались некоторой напыщенностью, плохо гармонировавшей с крючковатым носом, задержал свидетеля.

— Насколько я понимаю, 5 января по требованию детектива-инспектора Моттрама вы произвели обследование комнаты, именуемой кабинетом, в доме 12 на Гроувнор-стрит?

— Да.

— Вы обнаружили какие-либо средства входа или выхода в этой комнате, помимо двери и окон? Нечто вроде потайного входа?

— Нет.

— Стены были фактически однородными?

Молчание.

— Обвинитель спрашивает вас, — пояснил судья Рэнкин, — не было ли в стенах пустот. В спокойном, мягком голосе ощущались здравомыслие, способное сводить все факты к их подлинным ценностям, и умение властвовать над залом суда.

— Пустот, милорд? — переспросил свидетель. — Разумеется, нет.

Судья с любопытством посмотрел на мистера Лотона, и ручка в его пухлых пальцах заскользила по странице в книги записей.

— Не было даже щели, достаточно широкой, чтобы пропустить стержень стрелы? — допытывался обвинитель.

— Нет, сэр. Ничего подобного.

— Благодарю вас.

Перекрестного допроса не было — Г. М. молча покачал головой и сгорбил плечи под мантией. Он сидел в той же статичной позе, и оставалось надеяться, что он не сверлит присяжных злобным взглядом.

— Вызовите Амелию Джордан.

Мисс Джордан препроводили на свидетельское место — в узкую кабинку, стоящую под прямым углом между скамьями жюри и судейской скамьей. По-видимому, в обычных обстоятельствах она была спокойной и деловой женщиной. Но сейчас она споткнулась, поднимаясь по ступенькам к месту свидетеля, и было заметно, что женщина явно нервничала, произнося слова присяги. Явилась ли нервозность причиной того, что она споткнулась, или наоборот — мы не могли определить, но женщина густо покраснела. К тому же она явно страдала каким-то недугом. Амелия Джордан явно перешагнула тридцатилетний рубеж. У нее были каштановые волосы и голубые глаза под маленькими хромированными очками, едва заметными на привлекательном, но иссушенном болезнью лице. Одежда вызвала благоприятные отзывы двух женщин, сидящих позади нас. На ней было все черное — в том числе шляпка с козырьком, как у фуражки.

— Ваше имя Флора Амелия Джордан?

— Да. — Ответ прозвучал хрипловато, словно голос пытался найти нужный уровень. Не глядя на судью и присяжных, она смотрела на напыщенную фигуру мистера Хантли Лотона.

— Вы были личным секретарем мистера Хьюма?

— Да... То есть нет. Я уже давно не являлась его секретарем — после отхода от дел секретарь был ему не нужен... Я вела хозяйство — это было лучше, чем держать платную экономку.

— Милорд и жюри все понимают, — умиротворяюще произнес обвинитель. — Вы были кем-то вроде родственников?

— Нет-нет, мы не были родственниками. Мы...

— Понятно, мисс Джордан. Сколько времени вы пробывали с ним?

— Четырнадцать лет.

— Вы близко его знали?

— Да, очень близко.

Обвинитель предъявил два письма, касающиеся помолвки Мэри Хьюм, — одно от девушки к отцу, другое от отца к дочери, — и попросил подтвердить их подлинность. Мисс Джордан, по ее словам, видела первое письмо и помогала писать второе. Характеры начинали вырисовываться. Судя по ее письму, Мэри Хьюм была импульсивной, ветреной и слегка непоследовательной, как и можно было себе представить по фотографии

блондинки с широко расставленными глазами, которая украшала сегодняшний утренний выпуск «Дейли экспресс», но при этом не чуждой практичности. Эйвори Хьюм выглядел снисходительным и осторожным, со склонностью к педантичным проповедям. Больше всего его, казалось, радовала одна мысль: «Верю, что пройдет не слишком много лет, когда я смогу с уверенностью сказать, что вскоре у меня появится внук... (В этот момент человек на скамье подсудимых побледнел, как привидение.) Я так уверен в этом, моя дорогая дочка, что собираюсь оставить все свое состояние в виде траста для сына, который у тебя появится. Надеюсь провести много счастливых лет в вашей компании».

Послышалось неловкое покашливание. Ансуэлл сидел, уставясь на лежащие на коленях руки. Мистер Хантли Лотон продолжал допрос Амелии Джордан.

— Вы помните какие-нибудь конкретные замечания мистера Хьюма насчет помолвки?

— Да. Он говорил, что очень доволен и не мог желать ничего лучшего. «А вы что-нибудь знаете о мистере Ансуэле?» — спросила я. «Да, он прекрасный молодой человек — я знал его мать, она была очень основательная женщина». Что-то в этом роде.

— Иными словами, он рассматривал брак как решенное дело?

— Ну, мы так думали.

— Мы?

— Доктор Спенсер Хьюм и я. По крайней мере, я так считала — за других не могу отвечать.

— Скажите, мисс Джордан, между 31 декабря и 4 января вы заметили какую-нибудь перемену в поведении мистера Хьюма?

— Да.

— Когда впервые вы заметили ее?

— В субботу утром — в день его смерти.

— Пожалуйста, объясните, что именно вы заметили.

Гипнотические манеры мистера Лотона подействовали успокаивающе. Мисс Джордан стала говорить тихо, но отчетливо. Сначала она не знала, куда девать руки, но в конце концов решительно стиснула ими перила. Когда она говорила о письме, которое помогала писать, то с трудом сдерживала слезы.

— Вот как все произошло, — начала мисс Джордан. — В пятницу было решено, что доктор Спенсер Хьюм и я поедem на автомобиле в Суссекс поздравить Мэри и провести уик-энд с ее друзьями. Но мы не могли выехать раньше субботнего вечера, так как доктор Хьюм состоит в штате больницы Сент-Прейд и должен был работать допоздна. В пятницу вечером Мэри позвонила отцу из Суссекса, и я сообщила ей об этом...

— А мистер Эйвори Хьюм собирался ехать с вами? — спросил обвинитель.

— Нет, он не мог. У него были какие-то дела в субботу — кажется, отчеты пресвитерианской церкви. Но он просил передать от него поздравления, а мы собирались привезти Мэри с собой.

— Понятно. А в субботу утром, мисс Джордан?

— В субботу утром, когда мы завтракали, пришло письмо от Мэри — я узнала ее почерк и удивилась, что она написала отцу, хотя вчера вечером говорила с ним по телефону.

— Что стало с этим письмом?

— Не знаю. Потом мы искали его, но нигде не могли найти.

— А что делал или говорил мистер Хьюм?

— Прочитав письмо, он быстро встал, спрятал его в карман и отошел к окну. Я спросила: «Что-то не так?» А он ответил: «Жених Мэри решил приехать сегодня в Лондон и хочет повидать нас». — «Значит, мы не поедem в Суссекс?» — сказала я, имея в виду, что мы должны принять мистера Ансуэлла и пригласить его к обеду. Он отвернулся от окна и заявил: «Пожалуйста, делайте то, что вам говорят, вы поедете туда, как планировали».

— Каким тоном он это произнес?

— Очень холодным и резким, а это опасный признак.

— Что произошло потом?

— Ну, я спросила: «Но ведь вы пригласите его к обеду?» Секунду он смотрел на меня, а потом ответил: «Мы не будем приглашать его ни к обеду, ни куда-либо еще» — и вышел из комнаты.

Человек на скамье подсудимых на миг поднял взгляд.

— Насколько я понимаю, мисс Джордан, в субботу около половины второго вы проходили мимо двери гостиной в холле?

— Да.

— И вы слышали, как мистер Хьюм говорил по телефону в гостиной?

— Да.

— Вы заглянули в комнату?

— Да. Мистер Хьюм сидел за столом между окнами, где стоял телефон, спиной ко мне.

— Пожалуйста, повторите как можно точнее его слова, которые вы слышали.

Свидетельница спокойно кивнула:

— Он сказал: «Учитывая то, что я слышал, мистер Ансуэлл...»

— Вы можете поклясться, что он сказал: «Учитывая то, что я слышал...»?

— Да.

— Пожалуйста, продолжайте.

— «Учитывая то, что я слышал, полагаю, нам лучше уладить дела, касающиеся моей дочери».

Судья устремил маленькие глазки на обвинителя и заговорил в той же неторопливой манере:

— Мистер Лотон, вы намерены заявить, что на другом конце провода говорил обвиняемый?

— С вашего позволения, милорд, мы предъявим свидетеля, который слышал обоих участников разговора по параллельному аппарату в конце холла. Думаю, он сможет сообщить, был ли это голос обвиняемого.

На левой стороне передней скамьи послышался громкий кашель, звучащий злобно и агрессивно. Г. М. поднялся, опершись кулаками на стол. По какой-то причине косичка его парика задралась вверх, как поросычий хвостик. Его голос был первым по-настоящему человеческим звуком, который мы слышали здесь.

— Милорд, если это экономит суду время, мы готовы признать, что с покойным говорил обвиняемый. Фактически мы собираемся на этом настаивать.

После кивка судьи и удивленного шороха в зале он снова сел.

— Можете продолжать, мистер Лотон, — сказал судья.

Обвинитель повернулся к свидетельнице:

— Что еще говорил покойный?

— Он сказал после паузы, во время которой, очевидно, говорил собеседник: «Да, я это одобряю, но сейчас не время это

обсуждать. Не могли бы вы прийти ко мне домой? Шесть вечера вас устроит?»

— Каким тоном он это произнес?

— Резким и официальным.

— И что случилось потом?

— Мистер Хьюм положил трубку, посмотрел на телефон и сказал: «Мой дорогой Ансуэлл, я заставлю вас замолчать, черт бы вас побрал».

— И как же он произнес эти слова?

— Тем же тоном, но с большим удовлетворением.

— По-вашему, он выражал свои мысли вслух?

— Да.

Как и большинство свидетелей, рассказывающих о происшедшем или цитирующих кого-то, мисс Джордан держалась строго. Казалось, она чувствовала, что каждое ее слово может быть использовано против нее. Под тенью козырька черной шляпки ее благообразное увядшее лицо стало жестким. Но голос сохранял мягкий тембр, при котором слова «черт бы вас побрал» прозвучали неуместно.

— Что вы сделали после того, как услышали это?

— Быстро отошла. — Поколебавшись, женщина добавила: — Я была так шокирована этой внезапной переменой и тем, как он говорил о мистере Ансуэлле, что не знала, что и думать, и не хотела, чтобы он видел меня.

— Благодарю вас... «Учитывая то, что я слышал...» — задумчиво, но четко повторил Лотон. — У вас создалось впечатление, что мистер Хьюм услышал что-то неблагоприятное об обвиняемом и это вынудило его изменить к нему отношение?

— Мистер Лотон, я не могу этого позволить, — вмешался судья. — Сэр Уолтер уже заявил, что Корона не в состоянии объяснить причину столь внезапной перемены. Будьте любезны воздержаться от подсказок.

— Прошу прощения. — Лотон повернулся к судье: — Завещаю ваше лордство, что это не входит в мои намерения. Разрешите продолжить. Мисс Джордан, вы бы охарактеризовали мистера Хьюма как человека, чье поведение зависит от причуд?

— Безусловно, нет.

— Он был благоразумным человеком, руководствовавшимся вескими причинами и доводами?

— Да.

— Если, скажем, он считал Джона Смита умным человеком в понедельник, то не мог думать о нем как о полном идиоте во вторник, не найдя убедительной причины?

— Я должен настаивать, мистер Лотон, — снова слышался голос судьи, — чтобы вы прекратили задавать свидетельнице наводящие вопросы.

— Как будет угодно вашему лордству, — униженно пробормотал обвинитель. — А теперь, мисс Джордан, давайте перейдем к вечеру 4 января. Сколько человек было в доме в шесть?

— Мистер Хьюм, Дайер и я.

— В доме больше никто не проживает?

— Доктор Хьюм, кухарка и горничная. Но у кухарки и горничной был свободный вечер. А я собиралась подобрать доктора Хьюма на автомобиле в больнице Сент-Прейд и поехать оттуда в Суссекс...

— Понятно, мисс Джордан, — остановил обвинитель поток нервных слов. — Где вы были около десяти минут седьмого?

— Наверху — упаковывала вещи. Доктор Хьюм просил меня положить несколько вещей в его чемодан, так как у него не было времени возвращаться за ними домой из больницы, а я упаковывала свой саквояж...

— Кажется, около десяти минут седьмого вы услышали, что в дверь позвонили?

— Да.

— Что вы сделали?

— Подбежала к лестнице и склонилась над перилами.

— Вы видели, как вошел обвиняемый?

— Да. Я... подглядывала сквозь нижнюю часть балюстрады. — Амелия Джордан покраснела и добавила: — Мне хотелось посмотреть, как он выглядит.

— Вполне естественно. Что же произошло?

— Дайер открыл дверь, и... этот человек... — она быстро взглянула на обвиняемого, — вошел в холл. Он сказал, что его фамилия Ансуэлл и что мистер Хьюм ожидает его. Потом он уронил шляпу на пол. Дайер предложил взять у него пальто и шляпу, но он ответил, что предпочитает оставаться в пальто.

— Предпочитает оставаться в пальто, — медленно повторил обвинитель. — И каким же тоном он говорил?

— Очень резким.

— А потом?

— Дайер повел его через холл и по маленькому коридору, ведущему к кабинету. Он посмотрел на меня, проходя мимо. Они вошли в кабинет, и больше я ничего не видела. Я поднялась заканчивать укладку вещей, не зная, что и думать...

— Просто расскажите нам, что вы делали, мисс Джордан, — этого будет достаточно. Где вы были за несколько минут до половины седьмого?

— Я надела пальто и шляпу, взяла чемоданы и спустилась вниз. Дайеру велели вывести машину из гаража на Маунт-стрит и поставить ее у входной двери. Я ожидала, что он позовет меня, но, спустившись, никого не обнаружила. Тогда я подошла к двери кабинета, узнать перед уходом, нет ли у мистера Хьюма последних указаний или сообщений.

— «Последних сообщений» у него не было, мисс Джордан, — мрачно заметил мистер Лотон. — Что именно вы сделали?

— Подойдя к двери, я услышала чей-то голос: «Вставайте, черт бы вас побрал!» — Последние слова вновь показались неуместными в ее устах.

— Он сказал что-нибудь еще?

— Да. Кажется, он добавил: «Встаньте с пола и скажите что-нибудь».

— Голос был громкий?

— Довольно громкий.

— Это был голос обвиняемого?

— Теперь я знаю, что да. Но тогда я едва ли его узнала. У меня это ассоциировалось с тем, что говорил утром мистер Хьюм...

— Вы пробовали открыть дверь?

— Да, один раз.

— Она была заперта на засов изнутри?

— Тогда я так не подумала, что на засов. Но дверь была заперта.

— А потом?

— Дайер появился из-за угла коридора со своими пальто и шляпой. Я подбежала к нему и сказала: «Они дерутся, убивают друг друга — остановите их». Он ответил, что пойдет за констеблем. «Вы трус! — упрекнула его я. — Бегите в соседний

дом и приведите мистера Флеминга». Но он сказал, что лучше пойти мне, чтобы не оставаться одной в доме, если что-то случится. Поэтому я пошла.

— Вы быстро нашли мистера Флеминга?

— Да, он спускался с крыльца своего дома.

— Он пошел в дом мистера Хьюма вместе с вами?

— Да, и мы увидели Дайера с кочергой в руке. «Что там происходит?» — спросил мистер Флеминг. «Сейчас все тихо», — ответил Дайер.

— Вы втроем подошли к двери кабинета?

— Да, и Дайер постучал. Потом мистер Флеминг постучал сильнее.

— А после?

— Мы слышали внутри шаги, и кто-то начал отодвигать засов.

— Вы уверены, что дверь была закрыта на засов и его пришлось отодвинуть?

— Да, судя по звуку. Засов двигался с трудом, и дверь слегка вздрагивала.

— Сколько, по-вашему, прошло времени между стуком и моментом, когда отодвинули засов?

— Не знаю. Возможно, немного, но это показалось вечностью.

— Могла пройти целая минута?

— Вероятно.

— Пожалуйста, расскажите присяжным, что случилось затем.

Но женщина обращалась не к присяжным, а к своим рукам, лежащим на перилах.

— Дверь открылась на несколько дюймов, и кто-то выглянул. Я увидела, что это тот мужчина. Потом он распахнул дверь и сказал: «Ладно, вам лучше войти». Мистер Флеминг вбежал в комнату, и Дайер последовал за ним.

— А вы вошли в кабинет?

— Нет. Я осталась у двери.

— Что именно вы увидели?

— Я увидела Эйвори, лежавшего на спине у стола ногами ко мне.

— Вы видели эти фотографии? — Лотон указал на желтый буклет. — Да? Благодарю вас. Пожалуйста, возьмите буклет и взгляните на фотографию номер 5. Он лежал так?

- Да. Думаю, что так.
- Поверьте, я глубоко... Да, можете положить буклет. Как близко вы подходили к телу?
- Я не отходила от двери. Они сказали, что он мертв.
- Кто именно сказал?
- Кажется, мистер Флеминг.
- Вы помните, что говорил обвиняемый?
- Помню начало. Мистер Флеминг спросил его, кто это сделал, а он ответил: «Полагаю, вы скажете, что я». — «Вы убили его, и нам лучше вызвать полицию», — сказал мистер Флеминг. Я хорошо помню то, что видела, но почти не помню, что слышала. Мне стало не по себе.
- Как себя вел обвиняемый?
- Он был спокоен и сдержан, если не считать того, что галстук у него болтался поверх пальто.
- Что сделал обвиняемый, когда мистер Флеминг заговорил о вызове полиции?
- Он сел на стул у стола, достал из внутреннего кармана портсигар, вынул сигарету и закурил.
- Мистер Хантли Лотон наклонился посоветоваться с генеральным прокурором, но думаю, это было сделано для отвода глаз. Все, кроме судьи, бросили беглый взгляд на обвиняемого. Судья Рэнкин оторвался от своих записей, ожидая продолжения. Мисс Джордан выглядела так, словно пыталась примириться с пребыванием на свидетельском месте до конца дней.
- Хантли Лотон снова обратился к ней:
- Кажется, мисс Джордан, вскоре после обнаружения тела вас отправили в автомобиле за доктором Спенсером Хьюмом в больницу Сент-Прейд на Прейд-стрит?
- Да. Мистер Флеминг взял меня за плечо и велел быстро привезти его, так как, если он на операции, ему не передадут телефонное сообщение.
- Вы не можете сообщить нам что-нибудь еще о дальнейших событиях этого вечера?
- Нет.
- Потому что, вернувшись из больницы, вы заболели воспалением мозга и месяц не могли покидать вашу комнату?
- Да.
- Обвинитель провел рукой по странице досье.

— Прошу вас подумать как следует, мисс Джордан. Можете ли вы повторить нам еще какие-нибудь слова обвиняемого? Он сказал что-то, когда сел и зажег сигарету?

— Да, ответил на вопрос.

— На какой?

— Кто-то спросил: «Вы что, сделаны из камня?»

— И что он ответил?

— «Поделом ему за то, что он что-то подмешал мне в виски».

Несколько секунд Лотон молча смотрел на нее, потом сел. Сэр Генри Мерривейл поднялся для перекрестного допроса.

Глава 3

В МАЛЕНЬКОМ ТЕМНОМ КОРИДОРЕ

Какой линии будет придерживаться защита, никто не мог сказать — возможно, безумия или даже непреднамеренного убийства, но, зная Г. М., я сомневался, что он этим ограничится. Его первый перекрестный допрос мог дать какую-то подсказку. Г. М. величественно поднялся, но эффект испортила мантия, которая за что-то зацепилась и треснула со звуком, настолько напоминающим пренебрежительное фырканье, что на одну ужасную секунду я подумал, что он действительно выразил таким образом свое отношение к происходящему. Потом Г. М. расправил плечи. Как бы ни заржавели его адвокатские таланты, это был перекрестный допрос, где дозволены наводящие вопросы. Могла возникнуть какая-нибудь зацепка, при которой его обычная агрессивная тактика стала бы смертоносной. Но беда была в том, что женщина завоевала симпатии всех, включая жюри, и нападать на нее было неразумно. Бросив злобный взгляд через плечо на порванную мантию и поправив очки на широком носу, Г. М. обратился к ней почти так же мягко, как Хантли Лотон. При звуках его голоса свидетельница сразу расслабилась. Казалось, он приглашает ее выпить и поболтать.

— Мэм, — начал Г. М., — вы считаете, что мистер Хьюм услышал что-то скверное об обвиняемом и это внезапно заставило его переменить мнение?

Пауза.

— Не знаю.

— Все же, — настаивал Г. М., — поскольку мой ученый друг задал этот вопрос, давайте разберемся. Как он сказал, если мистер Хьюм изменил мнение о подсудимом, то, должно быть, потому, что узнал что-то от кого-то, не так ли?

— Мне казалось, что да.

— И наоборот, если бы он ничего не узнал, то не изменил бы мнения?

— Полагаю, что да.

— Кажется, — продолжал Г. М. тем же тоном, — он пребывал в наилучшем настроении в пятницу вечером, когда договаривался о вашей с доктором Хьюмом поездке в Суссекс?

— Да.

— Тем вечером он выходил из дому?

— Нет.

— Принимал каких-нибудь посетителей?

— Нет.

— Отвечал на телефонные звонки, получал письма или какие-то сообщения?

— Нет. За исключением звонка Мэри. Я сняла трубку и говорила с ней минуту-две, а потом мистер Хьюм подошел к телефону, но я не слышала, что он говорил.

— А сколько писем он получил следующим утром за завтраком?

— Только одно — написанное почерком Мэри.

— Угу. Следовательно, если он узнал что-то плохое об обвиняемом, то, возможно, от собственной дочери?

По залу пробежал шорох. Сэр Уолтер Сторм сделал движение, словно собираясь встать, но вместо этого начал совещаться с Хантли Лотоном.

— Ну... откуда мне знать?

— Все же именно после чтения этого письма он впервые проявил антагонизм по отношению к подсудимому?

— Да.

— Значит, все началось именно тогда?

— Судя по тому, что я видела, да.

— Предположим, мэм, я скажу вам, что в этом письме не было ни единого слова об обвиняемом, кроме того, что он приезжает в Лондон?

Свидетельница прикоснулась к очкам.

— Не знаю, что я должна ответить.

— Именно это я говорю вам, мэм. У нас имеется это письмо, и в свое время мы собираемся предъявить его. Поэтому, если я скажу вам, что в нем нет ничего о подсудимом, за исключением голого факта — его намерения приехать в Лондон, — это изменит вашу точку зрения на поведение мистера Хьюма?

Г. М. сел, не дожидаясь ответа. Суд был озадачен. Защитник не опроверг и не попытался опровергнуть ни одного слова в показаниях свидетельницы, но оставил ощущение, что в них что-то не так. Я ожидал, что мистер Лотон возобновит допрос, однако поднялся сэр Уолтер Сторм:

— Вызовите Херберта Уильяма Дайера.

Мисс Джордан покинула свидетельское место, на которое поднялся Дайер. Было очевидно, что он окажется хорошим и убедительным свидетелем, что и произошло. Дайер был степенным мужчиной лет под шестьдесят, с коротко стриженными седеющими волосами. Ради такого случая он облачился в короткий черный пиджак и полосатые брюки, а вместо стоячего воротничка надел обычный с темным галстуком. Человек буквально излучал респектабельность. Проходя мимо скамьи присяжных и стола солиситоров, он не то поклонился, не то кивнул светловолосому молодому человеку, сидящему за этим столом. Дайер произнес присягу звучным голосом и засмыл, опустив руки и слегка выпятив подбородок.

Тягучий голос сэра Уолтера Сторма резко контрастировал с четкими интонациями Хантли Лотона.

— Ваше имя Херберт Уильям Дайер, и вы пять с половиной лет состояли в услужении у мистера Хьюма?

— Да, сэр.

— Насколько я понял, до того вы одиннадцать лет работали у покойного лорда Сенлака и после его смерти получили наследство в благодарность за преданную службу?

— Да, сэр.

— Во время войны вы служили в 14-м полку миддлсексских стрелков и в 1917 году были награждены медалью за боевые заслуги?

— Да, сэр.

Сначала Дайер подтвердил рассказ мисс Джордан о телефонном звонке обвиняемому. Он объяснил, что параллельный аппарат стоял под лестницей позади холла. Ему поручили позвонить в «Пиренейский гараж» насчет ремонта машины мистера Хьюма и убедиться, что она будет в полном порядке вечером. Около половины второго Дайер подошел к телефону и, сняв трубку, услышал, как мистер Хьюм попросил соединить его с номером Риджент 0055 и позвал обвиняемого, на что голос, который Дайер мог опознать как принадлежащий подсудимому, ответил, что он у телефона. Убедившись, что связь установлена, Дайер положил трубку и направился в сторону гостиной. Проходя мимо двери, он услышал конец разговора, описанный первым свидетелем, а также последовавший монолог хозяина.

— Когда мистер Хьюм снова коснулся этой темы?

— Почти сразу же после телефонного разговора. Я вошел в гостиную, и он сказал: «В шесть вечера я ожидаю посетителя. Из-за него могут быть неприятности, так как ему нельзя доверять».

— Что вы на это ответили?

— Я сказал: «Да, сэр».

— А когда вы услышали об этом в следующий раз?

— Около четверти шестого или чуть позже. Мистер Хьюм позвал меня в кабинет.

— Опишите, что произошло.

— Мистер Хьюм сидел за столом с шахматной доской и фигурами, разгадывая шахматную задачу. Не отрывая взгляда от доски, он велел мне закрыть и запереть ставни. Должно быть, я невольно выразил удивление, так как он передвинул фигуру на доске и сказал: «Делайте, что вам говорят. Думаете, я хочу, чтобы Флеминг видел, что вытворяет этот дурень?»

— Он всегда объяснял вам причины своих распоряжений?

— Никогда, сэр, — уверенно ответил свидетель.

— Насколько я понимаю, окна столовой мистера Рэндолфа Флеминга находятся прямо напротив кабинета, с другой стороны мощеного прохода между домами?

— Совершенно верно.

Генеральный прокурор подал знак. Из-под свидетельского места извлекли первое из двух странных вещественных дока-

зательств: стальные ставни, прикрепленные изнутри к макету рамы с подъемным окном. Зал встретил их возбужденным шепотом. Ставни были сконструированы во французском стиле, как две маленькие складные дверцы, в которых, однако, не было ни щелей, ни отверстий. В центре находился плоский стальной брус с ручкой. Ставни предъявили для осмотра свидетелю и присяжным.

— Это пара ставней из окна, помеченного на плане буквой «А», — пояснил сэр Уолтер Сторм. — Они были прикреплены к макету рамы инспектором Мотттрамом под руководством мистера Дента из фирмы «Дент и сыновья» в Чипсайде, который устанавливал их на самих окнах. Скажите, свидетель, это одна из пар ставней, которые вы запирали в субботу вечером?

Дайер внимательно обследовал вещественное доказательство.

— Да, сэр.

— Пожалуйста, закройте ставни, как вы сделали это в субботу.

Брус слегка заклинило, и он опустил в гнездо со стуком и звяканьем. Дайер отряхнул руки.

— Кажется, яма под виселицей открывается с помощью такого же засова? — прошептала дама в леопардовом пальто.

Дайер оттянул засов назад и снова вытер руки.

— За этими ставнями, — продолжал генеральный прокурор, — находились два подъемных окна?

— Да.

— Они тоже были заперты изнутри?

— Да, сэр.

— Отлично. Теперь расскажите милорду и присяжным, что произошло после того, как вы заперли ставни.

— Я обошел комнату, проверяя, все ли в порядке.

— Тогда вы обратили внимание на стену над камином, где висели три стрелы?

— Да.

— Покойный говорил вам что-нибудь еще?

— Да, сэр. Он спросил меня, все еще не отрываясь от шахматной доски, достаточно ли здесь напитков. Я увидел на буфете полный графин виски, сифон с содовой водой и четыре стакана.

— Посмотрите на этот графин и скажите мне, тот ли это самый, который вы видели на буфете в субботу вечером около четверти шестого.

— Тот самый, — ответил свидетель. — Я сам его купил по приказу мистера Хьюма в магазине Хартли на Риджент-стрит. Это очень дорогой графин из граненого стекла.

— Что еще сказал вам мистер Хьюм?

— Что вечером должен прийти мистер Флеминг для игры в шахматы, а когда он приходит, всегда должна быть выпивка. Я понял, что мистер Хьюм шутит.

— В десять минут седьмого вы впустили обвиняемого через парадную дверь?

Отчет Дайера об этом совпадал с показаниями первого свидетеля.

— Я проводил обвиняемого в кабинет мистера Хьюма. Они не обменялись рукопожатиями. Мистер Хьюм сказал мне: «Это все — можете идти. Посмотрите, готова ли машина». Я вышел и закрыл дверь. Тогда мистер Хьюм сидел за столом, а обвиняемый — на стуле перед ним. Не помню, слышал ли я, как кто-то задвинул засов. Я не слишком тревожился, но было слегка не по себе. Потом я вернулся и прислушался.

Мы живо представили себе Дайера, стоящего у двери в маленьком темном коридоре, где, как он объяснил, было мало света даже днем. В одном его конце находилась дверь, выходящая в мощный кирпичом проход между этим домом и домом мистера Флеминга, в которой раньше была стеклянная панель, но любовь мистера Хьюма к уединению побудила его заменить дверь на полностью деревянную полгода назад. Вечером свет горел только в главном холле.

Сведенные к форме заявления, показания Дайера выглядели следующим образом:

— Я слышал, как обвиняемый сказал: «Я пришел сюда не убивать кого-либо, если только это не станет крайне необходимым». Мистера Хьюма я почти не слышал, так как он обычно говорит тихо. Правда, вскоре он повысил голос, но я все равно не мог разобрать слов. Потом он неожиданно сказал: «Да что с вами, приятель? Вы сошли с ума?» Тогда раздались звуки, которые я принял за борьбу. Я постучал в дверь и спросил, все ли в порядке. Мистер Хьюм велел мне уйти, сказав, что может ра-

зобратъся сам. Он говорил так, словно слегка запыхался. Так как мистер Хьюм велел привести машину, мне пришлось повиноваться, иначе я бы потерял работу. Я надел пальто и шляпу и отправился в «Пиренейский гараж», находившийся в трех-четыре минуты ходьбы. Они еще не совсем закончили ремонт и напомнили о предупреждении, что он будет долгим. Тем не менее я забрал автомобиль и поехал назад, но туман затруднял движение. Когда я вернулся, напольные часы показывали тридцать две минуты седьмого. У поворота в маленький коридор, ведущий к кабинету, я встретил мисс Джордан. Она сказала, что они дерутся, и попросила меня остановить их. Света в холле было мало. Мисс Джордан споткнулась о большой чемодан, принадлежащий доктору Спенсеру Хьюму, а когда я сказал, что лучше позвать полицейского, она накричала на меня. Мне показалось, что она плачет. По моему предложению мисс Джордан отправилась за мистером Флемингом, пока я пошел за кофеем. Мы втроем подошли к двери кабинета и постучали. Примерно через минуту дверь открыл обвиняемый. Несомненно, до того момента она была заперта на засов изнутри. Когда обвиняемый сказал: «Ладно, вам лучше войти», мистер Флеминг и я так и сделали. Я сразу же подошел к мистеру Хьюму, который лежал как на фотографии. Стрела, которую вы мне показывали, торчала у него в груди. Я не слушал его сердце, так как не хотел испачкаться кровью, но пытался нащупать пульс. Его не было. В комнате никто не мог прятаться. Вместе с мистером Флемингом я проверил ставни, так как не мог связывать происшедшее с джентльменом, каким, как я слышал, был обвиняемый. И ставни, и окна были заперты.

— Когда предложили вызвать полицию, обвиняемый что-нибудь сказал? — спросил генеральный прокурор.

— Он сказал: «Да, полагаю, нам лучше с этим покончить».

— Вы как-нибудь это прокомментировали?

— Да, сэр. Я не должен был этого делать, но не мог удержаться. Он сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и курил сигарету. Я спросил: «Вы что, сделаны из камня?»

— И что он на это ответил?

— «Поделом ему за то, что он что-то подмешал мне в виски».

— Что вы об этом подумали?

— Я не знал, что и думать, сэр. Я посмотрел на буфет и спросил: «Какое виски?» Обвиняемый ткнул в мою сторону сигаретой и сказал: «Когда я пришел сюда, он угостил меня виски с содовой. В нем был какой-то наркотик. Я отключился, а кто-то вошел и прикончил его. Это подтасовка, и вы это знаете».

— Вы подошли к буфету?

Свидетель впервые положил руки на перила.

— Да. Графин и сифон были полными, как и когда я видел их в прошлый раз, а в носике сифона торчала маленькая бумажная пробка. На стаканах не было никаких следов использования.

— Обвиняемый проявлял какие-нибудь признаки или симптомы, которые навели вас на мысль, что он находился под действием наркотика?

Дайер нахмурился:

— Не могу сказать, сэр. Но я слышал, как полицейский врач говорил, что обвиняемый не принимал никаких наркотиков.

Глава 4

ОКНО ЛИБО ЕСТЬ, ЛИБО ЕГО НЕТ

В начале второго, когда суд сделал перерыв на ленч, Эвелин и я мрачно спускались по лестнице. Олд-Бейли, наполненный шаркающим эхом, которым отзываются мрамор и плитки, был переполнен. Мы оказались в центре сутолоки у лестницы в главный холл.

— Не знаю, почему мы так предубеждены в пользу обвиняемого, — заговорил я. — Разве только потому, что его защищает Г. М., или потому, что он выглядит так, словно всегда одолжит тебе деньги, если они тебе понадобятся, и встанет рядом с тобой, если у тебя будут неприятности. Беда в том, что на скамье подсудимых все выглядят виновными. Если они спокойны, это плохой признак, а если нервничают — еще худший. Возможно, все дело в нашей чертовой национальной уверенности, что если бы они не были виновными, то никогда не оказались бы на скамье подсудимых.

— Хмф, — отозвалась моя жена, сосредоточенное выражение на чьем лице было чревато безумными идеями.

— И напрасно.

— Знаю. Но, Кен, пока они демонстрировали все улики, я не могла отделаться от мысли, что таким чокнутым, как этот парень, может выглядеть только невиновный. А потом выясняется, что он не принимал никаких наркотиков и снотворных... Если они предъявят медицинское заключение, тогда Г. М. останется только пытаться доказать невинность...

Что пытался доказать Г. М., было неясно. Он подверг Дайера необычайно долгому и нудному перекрестному допросу, главным образом стараясь подчеркнуть, что в день убийства Хьюм пытался связаться по телефону с Ансуэллом еще в девять утра. Единственный веский довод Г. М. касался стрелы, которой было совершено преступление, но и он оставался загадочным. Г. М. привлек внимание к факту, что прикрепленное к стреле голубое перо было сломано. Было ли перо целым, когда Дайер видел стрелу на стене перед преступлением? Да. Дайер в этом уверен? Абсолютно. Но кусок пера исчез, когда они обнаружили тело? Да. Они нашли его где-нибудь в комнате? Нет — они обыскали кабинет, но не смогли его найти. Последняя атака Г. М. была еще более таинственной. Касались ли целиком все три пера поверхности стены? Нет, ответил Дайер. Ее касались целиком две стрелы, образующие боковые стороны треугольника, но стрела, образующая его основание, держалась на стальных костылях примерно в четверти дюйма от стены.

— И все эти вопросы Г. М. задавал кротко, как ягненок, — заметила Эвелин. — Это неестественно, Кен. Он умасливал этого дворецкого, как будто тот был его собственным свидетелем. Как ты думаешь, мы могли бы повидать Г. М.?

— Сомневаюсь. Сейчас он, вероятно, на ленче в адвокатской столовой.

В этот момент наше внимание отвлекли. Был ли этот маленький человечек служащим суда или посторонним, жаждущим поделиться информацией, мы никогда не узнали, но он внезапно пробился сквозь толпу и постучал по моему плечу.

— Хотите взглянуть на двух фигурантов дела? — спросил он шепотом. — Они впереди вас! Справа доктор Спенсер Хьюм, а слева Реджиналд Ансуэлл, кузен обвиняемого. Они спускаются вместе. Ш-ш!

Толпа на большой мраморной лестнице прижала двоих мужчин, на которых он указывал, к перилам. При бледном мартовском солнце они выглядели не слишком привлекательно. Доктор Хьюм был довольно полным мужчиной, среднего роста, с седеющими волосами, так аккуратно причесанными, что круглая голова походила на колесо. На миг он обернулся, и мы увидели самоуверенно вздернутый нос и поджатые губы. В руке он держал абсолютно неподходящий к ситуации цилиндр, который старался уберечь от расплющивания. В его компаньоне я узнал молодого человека, которого видел за столом солиситоров и которого вроде бы узнал Дайер. Он был худощавым, с прямыми плечами и выдающимися скулами. Портной хорошо потрудились над его костюмом, и он рассеянно постукивал пальцами по шляпе-котелку. Быстро посмотрев друг на друга, они продолжили спуск. Казалось, каждый едва замечает присутствие другого. Меня заинтересовало, не испытывают ли они друг к другу вражду, но, когда они заговорили, мне показалось, что речь скорее может идти не о враждебности, а о лицемерии.

— Как все это воспринимает Мэри? — спросил Реджиналд Ансуэлл тоном, обычно прибегаемым для похорон.

— Боюсь, очень тяжело, — покачал головой доктор.

— Скверно.

— Увы, да.

Они спустились еще на одну ступеньку.

— Я не видел ее в суде, — заметил Реджиналд, едва разжимая рот. — Ее не вызвали как свидетельницу?

— Обвинение не вызвало, — отозвался доктор Хьюм. — Как, впрочем, и вас.

— Я тут ни при чем. Защита меня тоже не вызвала. Какая им от меня польза? Я пришел туда после того, как он... ну, потерял сознание. Бедный старина Джим! Я думал, он слеплен из более крепкого теста. Конечно, он безумен.

— Я бы охотно это удостоверил, — пробормотал доктор Хьюм, бросив быстрый взгляд через плечо, — но у Короны, похоже, имеются сомнения на этот счет, да и сам он, как вам известно, утверждает... — Доктор не окончил фразу. — Надеюсь, вы не обижаетесь?

— Нисколько. Я знаю, что в нашей семье были случаи безумия. — Они спустились почти на целый пролет. — Ничего

особенного — легкое проявление несколько поколений тому назад... Интересно, чем он питается?

— Трудно сказать. Вероятно, «он горькую сегодня пьет, — ему в ответ капрал»¹.

— Какого черта вы приплаете армию? — осведомился Реджиналд.

— Дружище, это всего лишь фигура речи! Кроме того, я не знал, что вы все еще связаны с армией, — с беспокойством сказал доктор Хьюм. — Будем смотреть фактам в лицо. Это печальная история — я тоже потерял брата. Но жизнь продолжается: как говорится, мужчины должны работать, а женщины — плакать. Поэтому самое разумное — выбросить из головы эту неприятную историю и забыть о ней как можно скорее. До свидания, капитан. Нам лучше не обмениваться рукопожатиями — при данных обстоятельствах это покажется неподобающим.

Он быстро отошел. «Жизнь окончил Дэнни Дивер! Слышишь звонкий барабан? Полк построился в колонны, нас уводит капитан»¹. В атмосфере этого места есть нечто побуждающее людей морализировать в том духе, в каком эти строки пришли мне в голову. Впрочем, они тут же улетучились при виде Лоллипоп, блондинки-секретарши Г. М., которая пробиралась к нам сквозь толпу.

— Г. М. хочет вас видеть, — сообщила она.

— Где он? Что он делает?

— Думаю, в данный момент ломает мебель, — с сомнением отозвалась Лоллипоп. — Когда я с ним расставалась, он заявил, что намерен этим заняться. Но к вашему приходу он, вероятно, будет есть ленч. Вам придется пройти в таверну «Голова Мильтона» на Вуд-стрит в Чипсайде — это за углом.

Г. М. знал дешевые забегаловки так же хорошо, как людей с дурной репутацией. Окна «Головы Мильтона», помещавшейся в маленьком переулке, выглядели так, словно их не мыли со времен Великого пожара². Зато огонь в камине приятно контрастировал с мартовским холодом. Нас проводили наверх в отдельную комнату, где Г. М. сидел перед огромной оловянной кружкой пива и тарелкой бараньих отбивных. Заткнув за во-

¹ Стихотворение Редьярда Киплинга «Дэнни Дивер». Перевод А. Онош-кович-Яцыны.

² Пожар, уничтоживший в 1666 г. значительную часть Лондона.

ротник салфетку, он жевал отбивную в стиле, который популярная кинотрадиция приписывает королю Генриху VIII.

— Вот и вы, — проворчал Г. М., открыв один глаз.

Я молчал, стараясь выяснить его настроение.

— Полагаю, — не слишком злобно осведомился он, — вы не собираетесь оставлять дверь открытой? Или вы хотите, чтобы я умер от пневмонии?

— В прошлом, — сказал я, — вам удавалось разбираться в делах, которые выглядели безнадежными. Возможно, вам повезет и на этот раз.

Г. М. отложил отбивную и широко открыл оба глаза. На его деревянном лице мелькнула усмешка.

— Хо-хо! Значит, они думают, что загнали старика в угол?

— Необязательно. По-вашему, этот парень виновен?

— Нет, — ответил Г. М.

— И вы можете это доказать?

— Во всяком случае, собираюсь попытаться. Все зависит от того, насколько мои доказательства сочтут убедительными. — Старик был обеспокоен и почти не скрывал этого.

— Кто инструктировал вас по этому делу?

Г. М. провел рукой по лысине:

— Вы имеете в виду солиситора? Его нет¹. Понимаете, я единственный, кто ему верит. Я жалею хромых собак, — вино вато добавил он. Последовала пауза. — Более того, если вы ожидаете, что в последнюю минуту в зал ворвется скрываемый до тех пор свидетель и поднимет шум, выбросьте это из головы. В суде под председательством Рэнкина можно ожидать шума не больше, чем на шахматной доске. Все будет происходить

¹ Как правило, защитник может появляться в Олд-Бейли только по инструкции солиситора. Но есть два исключения: «юридическая помощь» и «выбор подсудимого». В первом случае адвокат назначается судьей, когда у подсудимого нет денег нанять его. Когда юридическая помощь не предоставляется, подсудимый получает право выбрать любого защитника, имеющего право участвовать в суде. Разумеется, в случае Ансуэлла не возникал вопрос об отсутствии денег. Но так как он — как вскоре выяснится — отказался иметь дело с кем-либо, кроме Г. М., процедура фактически превратилась в «выбор подсудимого». Мне объяснили, что эта процедура хотя и нетрадиционная, но строго легальная. Обычный «выбор подсудимого» — одно из лучших свидетельств беспристрастия Центрального уголовного суда. Любой адвокат, даже самый знаменитый, должен защищать подсудимого, если будет им выбран. Для него вопрос чести приложить все усилия для защиты при гонораре ни более ни менее чем один фунт, три шиллинга и шесть пенсов. (Примеч. авт.)

спокойно — от одного хода к другому, как в шахматах, — и меня это вполне устраивает. Помните строки «Джона Пила»?¹ «От находки к проверке, от проверки к взгляду, от взгляда к убийству утром».

— Ну, желаю удачи.

— Вы можете помочь, — неожиданно заявил Г. М.

— Помочь?

— Заткнитесь, черт возьми! — рявкнул он, прежде чем я успел что-то добавить. — Я не играю в игрушки и не посылаю вас в тюрьму. Все, что я вас прошу сделать, — это передать одному из моих свидетелей сообщение, которое ни в коей мере вас не скомпрометирует. Я не могу сделать это сам и испытываю недоверие к телефонам с тех пор, как услышал, какую роль они сыграли в этом деле.

— Какому свидетелю?

— Мэри Хьюм... Вот ваш суп — ешьте и помалкивайте.

Пища была превосходной. Напряженность Г. М. постепенно ослабевала, и он пришел в сравнительно хорошее настроение, протянув ноги к камину и попыхивая сигарой.

— Я не собираюсь ни с кем обсуждать это дело, — снова заговорил Г. М. — Но если вы хотите знать что-то, не имеющее отношение к информации, которой располагает защита — то есть я...

— Да, — сказала Эвелин. — Почему вы стали заниматься этим делом в суде, а не обратились в полицию, если могли доказать...

— Нет, — прервал Г. М. — Это один из тех вопросов, на которые я не могу ответить.

— В таком случае, — сказал я, — если вы утверждаете, что Ансуэлл невиновен, вы можете объяснить, как настоящий убийца вошел в комнату и вышел из нее?

— Надеюсь, что да, сынок! Иначе как бы я мог вести защиту? — отозвался Г. М. — Думаете, я настолько туп, что взялся бы за дело, не имея альтернативного объяснения? Идею подала мне Мэри Хьюм, когда я зашел в тупик. Она славная девочка. Мэри Хьюм упомянула, что в тюрьме Джим Ансуэлл больше всего ненавидит «окно Иуды». Это все решило.

¹ П и л Д ж о н (1776?—1854) — английский охотник и герой популярной народной песни XIX в. «Знаете ли вы Джона Пила?».

— В каком смысле? Вы же не станете утверждать, что убийца проделал какой-то фокус со стальными ставнями и запертыми окнами?

— Нет.

— Тогда как насчет двери? Они правы, утверждая, что дверь была заперта на засов изнутри и никак не могла быть открыта снаружи?

— Конечно. В этом они абсолютно правы.

Мы выпили пива.

— Я не говорю, что это невозможно, так как вам приходилось и раньше находить объяснение подобным вещам. Но если это не какая-то техническая уловка...

— Нет, сынок. Я имел в виду то, что сказал. Дверь и окна действительно были надежно заперты изнутри. Никто не орудовал скрепкой, чтобы отпереть их. К тому же вы слышали, как архитектор заявил, что в стенах не было ни пустот, ни щелей, ни даже крысиной норы. Повторяю, убийца вошел и вышел через «окно Иуды».

Эвелин и я посмотрели друг на друга. Мы оба знали, что Г. М. не просто создает тайны — он открыл нечто новое и тщательно это обдумал. «Окно Иуды» звучало зловеще, но не вызывало конкретных ассоциаций. Можно было представить себе только темную фигуру, всматривающуюся в окно.

— Но если эти обстоятельства соответствуют действительности, — сказал я, — то такого просто не может быть! Окно либо есть, либо его нет. Если опять же вы не имеете в виду какую-то особенность в конструкции комнаты, которую не заметил архитектор...

— Нет, сынок, и это самое странное. Комната ничем не отличается от любой другой. «Окно Иуды» есть в вашей комнате, в этой комнате и в каждом зале суда в Олд-Бейли. Беда в том, что его немногие замечают.

Не без труда Г. М. встал, подошел к окну, дымя сигарой, и уставился на крыши.

— Но сейчас у нас есть работа, — продолжал он. — Кен, я хочу, чтобы вы доставили письмо Мэри Хьюм на Гроувнор-стрит. Просто получите от нее ответ «да» или «нет» и сразу возвращайтесь. Мне нужно, чтобы вы присутствовали на про-

должении заседания, так как они собираются первым вызвать Рэндолфа Флеминга, а у меня к нему несколько важных вопросов насчет перьев. Если вы будете внимательно следить за показаниями, то поймете, где я собираюсь найти моих свидетелей и почему.

— У вас есть еще какие-нибудь указания?

Г. М. вынул сигару изо рта и задумался.

— Так как я не хочу, чтобы у вас были неприятности, нет. Скажите только, что вы мой помощник, и передайте мою записку мисс Хьюм. Если девочка захочет побеседовать о деле, валяйте, так как ваши знания весьма ограничены. Если кто-нибудь еще обратится к вам по этому поводу, говорите свободно — нет никакого вреда в том, чтобы создать атмосферу тайны. Но не упоминайте «окно Иуды».

Это все, что я смог из него вытянуть. Г. М. послал за бумагой и конвертом, нацарапал записку и запечатал ее. Теперь проблема состояла не только в фактах, но и в двух словах — «окно Иуды». Спускаясь вниз, я размышлял о тысячах домов и миллионах комнат в кроличьем садке, именуемом Лондоном, каждая из которых содержит «окно Иуды», которое мог видеть только убийца.

Глава 5

НЕ ЛОГОВО ЛЮДОЕДА

Водитель такси, который высадил меня у дома 12 на Гроувнор-стрит, с интересом его разглядывал. Это было одно из узких серовато-коричневых зданий, в чьих окнах в наши дни часто висит объявление «Сдается». От улицы дом отделял маленький двор с железной оградой, узкий мощеный проход отделял его от строения слева. Я поднялся на крыльцо, ежась от ветра, продувавшего улицу насквозь. Опрятная маленькая горничная, ответившая на дверной звонок, начала закрывать дверь, прежде чем я успел открыть рот.

— Простите, сэр, но мисс Хьюм больна и никого не принимает...

— Передайте ей, что у меня сообщение от сэра Генри Мерривейла.

Горничная удалилась, не пригласив меня, но и не закрыв дверь, поэтому я шагнул внутрь. Большие напольные часы в холле скорее шелестели, чем тикали. По трепету занавесей в арке слева можно было проследить маршрут горничной.

За портьерами послышалось легкое покашливание, и в холл вышел Реджиналд Ансуэлл. Встреча лицом к лицу подтвердила более раннее впечатление. Мрачное скуластое лицо плохо гармонировало со светлыми волосами. Глубоко запавшие глаза под высоким лбом в упор смотрели на собеседника. Впрочем, Реджиналд не казался так придавленным смирением перед смертью, как на лестнице Олд-Бейли, и я подумал, что при обычных обстоятельствах он мог быть достаточно обаятельным.

— Вы от сэра Генри Мерривейла? — спросил Реджиналд.

— Да.

— Слушайте, старина, — продолжал он, понизив голос. — Мисс Хьюм... неважно себя чувствует. Я зашел навестить ее. Понимаете, я... э-э... друг семьи — особенно мисс Хьюм, — и если у вас имеется сообщение, то можете передать его мне.

— Сожалею, но сообщение предназначено мисс Хьюм.

Реджиналд Ансуэлл посмотрел на меня и внезапно засмеялся:

— Вы, адвокаты, подозрительная публика! Я обязательно передам ей сообщение. Ведь это не логово людоеда или... — Он не договорил. — Тем не менее, думаю, мне лучше пови-
дать ее.

Позади холла послышался звук шагов, быстро спускающихся с лестницы. Мэри Хьюм не выглядела больной — скорее напряженной под маской покорности судьбе. Газетная фотография оказалась на удивление точной. У нее были широко расставленные голубые глаза, короткий нос и пухлый подбородок, — казалось, подобные черты не являлись признаком красоты, но ее они отнюдь не портили. Светлые волосы, разделенные пробором, были собраны в узел на затылке. Она носила траур, но и обручальное кольцо.

— Кажется, у вас сообщение от Г. М.? — спросила девушка.

— Да, мисс Хьюм.

Реджиналд Ансуэлл начал шарить на шляпной вешалке. Его улыбающееся лицо появилось из-под круга шляп.

— Ну, я пошел, Мэри.

— Спасибо за все.

— Не за что. Это честный обмен, — весело отозвался он. — Значит, договорились?

— Ты меня знаешь, Редж.

Во время этого загадочного маленького диалога в голосе девушки звучали кротость и смирение. Когда Реджиналд кивнул и вышел, тщательно закрыв за собой входную дверь, она проводила меня в комнату слева. Это была гостиная с телефоном на столике между двумя окнами и камином, горящим под мраморной полкой. Мэри взяла конверт и подошла ближе к огню, чтобы сломать печать. Прочитав письмо, она бросила его в огонь и наблюдала, пока оно не загорелось со всех сторон, а потом повернулась ко мне. Ее глаза сияли.

— Скажите ему «да». Да, да, да!.. Нет, пожалуйста, не уходите. Вы были в суде сегодня утром?

— Да.

— Пожалуйста, сядьте на минуту. Возьмите сигарету — они в этой коробке. — Она опустилась на низкое широкое сиденье у камина, поджав одну ногу. Отблески пламени делали ее волосы более пушистыми. — Скажите, это было... ужасно? Как он выглядел?

На сей раз она имела в виду не Г. М. Я ответил, что Ансуэлл вел себя превосходно.

— Я так и знала. Вы на его стороне? Пожалуйста, возьмите сигарету.

Я протянул ей коробку и зажег одну сигарету для нее. Она держала сигарету обеими руками — хрупкими и деликатными, — глядя на меня поверх пламени спички.

— Обвинению многое удалось доказать? Что бы вы чувствовали, если бы заседали в жюри?

— Не очень многое. Помимо вступительной речи, показания давали только два свидетеля, так как допросы были долгими. Мисс Джордан и Дайер...

— О, с ними все в порядке. Амелии, — практично заметила Мэри Хьюм, — в общем нравится Джимми и нравился бы еще больше, если бы она так не любила моего отца... Я никогда не была в Олд-Бейли. Скажите, как они обращаются со свидетелями? Кричат на них, как в кино?

— Разумеется, нет, мисс Хьюм. Выбросьте эту мысль из головы!

— Не то чтобы это имело значение. — Она посмотрела на огонь и снова повернулась ко мне. — Скажите правду, как перед Богом: с ним все будет в порядке?

— Мисс Хьюм, вы можете положиться на Г. М.

— Знаю. Понимаете, именно я обратилась к Г. М. месяц назад, когда солиситор Джимми отказался заниматься этим делом, так как считал, что Джимми лжет. Я... я ничего не утаивала намеренно, — добавила она, очевидно думая, что я ее понимаю. — Только то, о чем не знала или не догадывалась. Сначала Г. М. сказал, что не в состоянии мне помочь, — он злился и бушевал. Боюсь, я немного поплакала — тогда он рассердился еще больше, но согласился взяться за дело. Беда в том, что мои показания хотя и могут немного помочь Джимми, но не вытащат его из этой жуткой передрыги. И даже теперь я понятия не имею, как Г. М. собирается это сделать. А вы?

— Этого никогда никто не знает, — ответил я. — Но сам факт, что он молчит об этом, означает, что у него в рукаве что-то спрятано.

— Надеюсь. Но я не могу быть спокойна, не зная ничего. Что толку просто твердить, что все будет в порядке?

Поднявшись с сиденья, Мэри Хьюм стала ходить по комнате, сжимая руки, словно ей было холодно.

— Когда я рассказала Г. М. все, что знаю, — продолжала она, — то, казалось, его заинтересовали только две вещи, не имеющие никакого смысла. Одна — насчет «окна Иуды»... — она снова села, — а другая — насчет лучшего костюма для гольфа дяди Спенсера.

— Костюма для гольфа вашего дяди? Что с ним произошло?

— Он исчез.

Это заявление прозвучало так, будто должно было что-то мне объяснить. Инструкции предписывали мне обсуждать дело, если этого захочет Мэри Хьюм, но я мог лишь ожидать продолжения.

— Он должен был висеть в шкафу, но его там не оказалось, — добавила девушка. — Не понимаю, какое отношение может иметь к этому штемпельная подушечка, а вы?

Я тоже не понимал. Если защита Г. М. в какой-то степени зависела от «окна Иуды», костюма для гольфа и штемпельной подушечки, то это была очень странная защита.

— В кармане костюма оставалась штемпельная подушечка, которую требовал мистер Флеминг. Я... я надеялась, что вы что-то разузнали. Факт в том, что и костюм, и подушечка исчезли... Господи, я не знала, что в доме кто-то есть!

Последние слова прозвучали так тихо, что я едва их расслышал. Мэри встала, бросила сигарету в огонь и снова превратилась в спокойную и вежливую хозяйку дома. Обернувшись, я увидел вошедшего в комнату доктора Спенсера Хьюма. Его круглое лицо под аккуратно причесанными волосами с пробором в четверть дюйма шириной выражало приличествующее родственнику беспокойство и сочувствие. Выпуклые, как на фотографиях его покойного брата, глаза равнодушно скользнули по мне и окинули взглядом комнату.

— Привет, дорогая, — беспечно поздоровался он. — Ты нигде не видела мои очки?

— Нет, дядя. Уверена, что здесь их нет.

Доктор Хьюм ущипнул себя за подбородок. Посмотрев на стол и на каминную полку, он устремил вопросительный взгляд на меня.

— Это мой друг, дядя Спенсер. Мистер...

— Блейк, — сказал я.

— Здравствуйте, — приветствовал меня доктор Хьюм. — Кажется, мне знакомо ваше лицо, мистер Блейк. Мы нигде не встречались раньше?

— Ваше лицо мне тоже знакомо, доктор.

— Возможно, сегодня утром в суде... — Покачав головой, он посмотрел на Мэри, в которой было невозможно узнать полную энергии девушку, беседовавшую со мной несколько минут назад. — Скверное дело, мистер Блейк. Не задерживайте Мэри надолго, ладно?

— Как идет процесс, дядя Спенсер? — быстро спросила она.

— Так хорошо, как и следовало ожидать, дорогая. К сожалению...

Мне еще предстояло узнать, что у него была привычка начинать речь фразой полной надежды, а потом говорить «к сожалению», сдвинув брови.

— К сожалению, боюсь, что возможен только один вердикт. Конечно, Мерривейл знает свое дело — он наверняка представит медицинское свидетельство, доказывающее безумие клиента без всяких сомнений... Я вспомнил, где видел вас, мистер Блейк! По-моему, вы говорили с секретаршей сэра Генри в холле Олд-Бейли.

— Мы с сэром Генри сотрудничаем много лет, доктор Хьюм, — правдиво ответил я.

Он выглядел заинтересованным.

— Но вы не участвуете в процессе?

— Нет.

— Хмф... Могу я спросить — строго между нами, — что вы думаете об этом злосчастном деле?

— Ансуэлла, безусловно, оправдают.

Последовало молчание. Комнату освещало только пламя в камине, а день стал пасмурным и ветреным. Я не мог определить, какой произвел эффект, выполняя указание «создавать таинственную атмосферу». Но доктор Хьюм достал из жилетного кармана очки с черной лентой, водрузил их на нос и задумчиво посмотрел на меня.

— Вы имеете в виду, что он виновен, но безумен?

— Невиновен и в здравом уме.

— Но это нелепо! Парень явно не в себе. Достаточно одних его показаний насчет виски... Прошу прощения, очевидно, мне не следует это обсуждать. Кажется, во второй половине дня меня вызовут свидетелем. Между прочим, я всегда полагал, что свидетелей держат вместе под наблюдением, как присяжных, но узнал, что так бывает только в некоторых случаях. Обвинение считает, что это дело к ним не относится, учитывая... э-э... очевидный результат.

— Если ты свидетель обвинения, дядя Спенсер, — спросила девушка, — они позволят тебе заявить, что Джимми безумен?

— Вероятно, нет, дорогая, но я постараюсь предположить это. Я обязан сделать это ради тебя. — Он снова многозначительно посмотрел на меня: — Я ценю вашу позицию, мистер Блейк. Понимаю, что вы хотите утешить Мэри и поддержать ее во время тяжелого испытания. Но внушать ей ложные надежды... черт возьми, сэр, это бессердечно! Помни, Мэри, что твой бедный отец жестоко убит, — это вся поддержка, которая

тебе понадобится. — Он посмотрел на часы. — Я должен идти — как говорится, время и прилив никого не ждут... Кстати, Мэри, насколько я понял, ты говорила какую-то чепуху о моем старом коричневом твидовом костюме?

Девушка, сидевшая у камина положив руки на колени, подняла взгляд:

— Это очень хороший костюм, дядя Спенсер. Он стоил двенадцать гиней. Ты ведь хочешь вернуть его, не так ли?

Он с беспокойством посмотрел на нее:

— Вот прекрасный пример того, как люди цепляются к мелочам во время великой утраты! Господи, дорогая, почему ты так волнуешься из-за этого костюма? Я же говорил тебе, что отдал его в чистку и, естественно, позабыл послать за ним, когда пришлось думать о стольких куда более важных вещах! Насколько я знаю, он все еще в чистке.

— Выходит, ты отдал его в чистку со штемпельной подушкой и резиновыми печатями в кармане? А как насчет туфельных шлепанцев?

Казалось, ничто в этих словах не могло никого встревожить. Тем не менее доктор Хьюм нервно снял очки и сунул их в карман. Я заметил, как портьеры в дверях шевельнулись и в комнату заглянул какой-то человек. Света было недостаточно, чтобы хорошо его разглядеть, но вроде бы это был худощавый мужчина с седыми волосами и невзрачным лицом — одна его рука судорожно вцепилась в складку занавеса.

— Очевидно, я так и сделал, дорогая. — Доктор Хьюм пытался говорить беспечным тоном. — На твоём месте я бы из-за этого не тревожился. В химчистке работают честные люди. Ну, мне пора... О, прошу прощения. Это мой друг, доктор Трегэннон.

Человек в дверях отпустил портьера и слегка поклонился.

— Доктор Трегэннон — специалист по душевным болезням, — улыбаясь, объяснил доктор Хьюм. — А теперь я должен идти. Всего хорошего, мистер Блейк. Не забивайте Мэри голову чепухой и не позволяйте ей проделывать то же самое с вами. Постарайся немного поспать, дорогая. Вечером я дам тебе лекарство, которое поможет забыть обо всех бедах. Как говорит Шекспир, «тот сон, который тихо сматывает нити с клубка забот»¹. Ну, пока.

¹ Шекспир У. Макбет. Перевод Б. Пастернака.

Глава 6

КУСОК ГОЛУБОГО ПЕРА

Человек на свидетельском месте зала номер 1 Центрального уголовного суда обладал зычным, уверенным голосом. Прокравшись потихоньку в зал, я опоздал на начало очередной фразы.

— ...поэтому я, конечно, подумал о штемпельной подушечке. Как говорится, «прими меры предосторожности до прихода врача». Только на сей раз это был полицейский.

Мистер Рэндолф Флеминг был крупным, крепким мужчиной с жесткими рыжими усами, которые лет сорок назад могли бы удивить даже в гвардии. Осанка у него была соответствующая, и держался он весьма уверенно. С наступлением сумерек скрытые под дубовыми карнизами лампы отбрасывали театральный свет на происходящее под белым куполом. Но, войдя спустя несколько минут после начала заседания, я думал не столько о театре, сколько о церкви. Эвелин сердито посмотрела на меня и возбужденно прошептала:

— Ш-ш! Он только что подтвердил показания Дайера о находке тела вплоть до того момента, когда Ансуэлл заявил, что принял наркотик в виски, а они не обнаружили никаких признаков того, что графином или сифоном вообще пользовались. Как выглядела блондинка?

Я шикнул на нее в ответ, так как головы начали поворачиваться к нам и меня заинтриговало упоминание о штемпельной подушечке.

Мистер Рэндолф Флеминг сделал глубокий вдох, выпятив грудь, и с интересом окинул взглядом зал суда. Его колоссальная энергия, казалось, ободряла присутствующих. Жесткие усы доминировали над массивным двойным подбородком; пронизательные глаза поблескивали под сморщенными веками. Невольно приходила в голову мысль, что в одном из них должен быть монокль, а на жестких каштановых волосах — нечто вроде шлема. В промежутках между вопросами, когда движение в зале прерывалось, словно на застрявшей киноплёнке, он изучал судью, барристеров и людей на галерее, а когда говорил, подбородок выпячивался и втягивался, как огромная лягушка. Допрос вел Хантли Лотон.

— Объясните, мистер Флеминг, что вы подразумеваете под штемпельной подушечкой.

— Ну, дело было так, — ответил свидетель, втянув подбородок, словно пытался понюхать цветок в петлице своего крапчатого шерстяного пиджака. — Когда мы посмотрели на буфет и увидели, что графин и сифон полны доверху, я сказал обвиняемому: «Почему бы вам по-мужски не признать, что вы это сделали? Взгляните на эту стрелу. На ней отпечатки пальцев, и они наверняка окажутся вашими».

— Что он на это ответил?

— Ни-че-го! Поэтому я подумал о том, чтобы взять у него отпечатки пальцев, так как всегда был практичным человеком. Я сказал Дайеру, что, если бы у нас была штемпельная подушечка — одна из тех, к которой прижимают резиновые печати, — мы могли бы получить хороший комплект отпечатков. Он ответил, что доктор Хьюм недавно купил несколько печатей и подушечку и что они наверху в одном из его костюмов. Дайер вспомнил об этом, так как собирался забрать печати, чтобы они не испачкали карман, поэтому предложил поднять-ся наверх и принести...

— Мы поняли, мистер Флеминг. Вы принесли штемпельную подушечку и взяли у обвиняемого отпечатки пальцев?

Свидетель казался недовольным тем, что его прервали.

— Нет, сэр, эту подушечку мы не обнаружили. Дайер не смог найти нужный костюм, или его там не оказалось, но он достал из ящика стола старую подушечку с фиолетовыми чернилами, и мы получили серию отпечатков пальцев подсудимого на листе бумаги.

— На этом листе? Пожалуйста, покажите его свидетелю.

— Да, это тот самый.

— Обвиняемый возражал против этого?

— Да, немного.

— Что он делал?

— Ничего особенного.

— Повторяю, мистер Флеминг, что он делал?

— Сбил меня с ног, — проворчал свидетель. — Толкнул с такой силой, что я потерял равновесие, ударился о стену и упал.

— Понятно. Он был сердит?

— Да, неожиданно пришел в ярость. Нам пришлось держать его за руки, чтобы взять отпечатки.

— Значит, он внезапно нанес вам сильный удар?

— Да, иначе я бы не потерял равновесие.

— Отлично. Мистер Флеминг, вы обследовали место на стене комнаты, изображенное на фотографии номер 8, откуда была снята стрела?

— Да.

— Маленькие костыли, на которых стрела держалась, выглядели так, будто их резко выдернули?

— Да, они валялись на полу.

Обвинитель заглянул в свое досье. Флеминг расправил плечи и опустил кулак на перила, глядя на суд, как будто призывал всех попытаться подвергнуть сомнению его ответы, но его лоб избороздили мелкие морщинки. Один раз он случайно встретился со мной взглядом, и я, как бывает в таких случаях, задал себе вопрос: о чем в действительности думает этот тип?

Впрочем, не меньший интерес вызывало то, о чем в действительности думает подсудимый. Сейчас он выглядел куда более обеспокоенным, чем утром. Об этом свидетельствовали нервные движения его рук. Он часто бросал взгляд на стол солиситоров в направлении Реджиналда Ансуэлла. Его широкие плечи поникли, а в глазах светилась тревога. Лоллипоп, секретарша Г. М., теперь сидела за солиситорским столом в бумажных нарукавниках, корпя над листом с отпечатанным текстом.

Обвинитель прочистил горло.

— Вы говорили нам, мистер Флеминг, что являетесь членом нескольких обществ лучников и занимались этим спортом много лет.

— Совершенно верно.

— Значит, вы могли бы охарактеризовать себя как авторитет в этой области?

— Думаю, да, — ответил свидетель, кивнув с серьезным видом.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели на эту стрелу и описали ее. Флеминг казался озадаченным.

— Не знаю, что именно вы хотите от меня услышать. Это стандартный тип мужской стрелы из красной сосны, длиной двадцать восемь дюймов, толщиной четверть дюйма, с желез-

ным острием и роговым клином в конце, куда вставляется тетива. Вот так.

Он продемонстрировал это жестом, оттянув руку назад и ударившись локтем о подпорку крыши свидетельского места к своему явному удивлению и раздражению.

— Этой стрелой могли выстрелить?

— Безусловно, нет.

— По-вашему, это абсолютно невозможно?

— Конечно, невозможно. Кроме того, на ней были только отпечатки этого парня...

— Должен просить вас не забегать вперед, мистер Флеминг. Почему это невозможно?

— Взгляните на роговой клин! Он так изогнут, что его не приспособить к тетиве.

— Клин был в таком же состоянии, когда вы впервые увидели стрелу в теле покойного?

— Да.

— Пожалуйста, передайте стрелу присяжным для обследования. Благодарю вас. В слое пыли, который, по вашим словам, покрывал стрелу, вы заметили где-нибудь — повторяю, где-нибудь — какие-нибудь следы, кроме отпечатков пальцев?

— Нет.

— Это все.

Обвинитель сел. Покуда стрелу изучали члены жюри, раздалось воинственное рычание, которым Г. М. прочищал горло, прежде чем подняться. Лоллипоп начала делать предупреждающие знаки, по какой-то причине подняв лист с отпечатанным текстом, над которым она корпела. В зале запахло грозой, но Г. М. начал перекрестный допрос достаточно мягко.

— Вы говорили нам, что тем субботним вечером собирались идти в дом покойного, чтобы играть с ним в шахматы.

— Да.

— Враждебный тон Флеминга предполагал вопрос: «Ну и что из этого?»

— Когда покойный договорился с вами о встрече?

— Около трех часов дня.

— Угу. На какое время?

— Он сказал, чтобы я пришел примерно без четверти семь, и мы съедем холодный ужин, так как в доме больше никого не будет.

— Но вы упоминали, что, когда мисс Джордан прибежала за вами, вы уже направлялись в соседний дом?

— Да. Я вышел немного раньше. Лучше рано, чем поздно.

— Угу. Теперь посмотрите еще раз на эту стрелу. Взгляните на три пера. Думаю, я прав, утверждая, что они расположены примерно в дюйме от края рогового клина и имеют в длину около двух с половиной дюймов?

— Да. Размеры перьев варьируются, но Хьюм предпочитал самые большие.

— Обратите внимание, что верхняя половина среднего пера оторвана. Оно выглядело так же, когда вы обнаружили тело?

Флеминг с подозрением посмотрел на Г. М. поверх рыжих усов:

— Да, так же.

— Вы слышали, как свидетель Дайер заявил, что все перья были целыми и невредимыми, когда обвиняемый вошел в кабинет в десять минут седьмого?

— Слышал.

— Как и все мы. Следовательно, перо было сломано между этим временем и обнаружением тела?

— Да.

— Если обвиняемый сорвал стрелу со стены и ударил ею Хьюма, держа стрелу в середине стержня, каким образом, по вашему, оторвалось перо?

— Не знаю. Вероятно, во время борьбы Хьюм схватил стрелу...

— За конец, противоположный угрожавшему ему острию?

— Возможно. Или перо могло быть повреждено, когда стрелу срывали с маленьких костылей в стене.

— Это еще одна теория. Значит, кусок пера отломался либо в борьбе, либо когда стрелу срывали со стены. Угу. Но в обоих случаях — где этот кусок? Вы нашли его, когда обыскивали комнату?

— Нет, но такой маленький кусочек...

— Напоминаю, что этот «маленький кусочек» имел дюйм с четвертью в длину и дюйм в ширину. Он был гораздо больше полукроны. Вы бы заметили на полу полукрону, не так ли?

— Да, но это была не полукрона.

— Я сказал, что кусок пера был куда больше ее. И окрашен в ярко-голубой цвет, верно?

— Да, по-видимому.

— Какого цвета был ковер на полу?

— Не помню.

— Тогда я вам напомним: светло-коричневого. Согласны? И вы согласны, что в комнате было очень мало мебели? Угу. Тем не менее вы тщательно обыскали комнату и не нашли пропавший кусок пера?

До сих пор свидетель казался довольным собой, подкручивая усы в интервалах между вопросами. Теперь же он проявлял признаки раздражения.

— Может быть, он отлетел куда-нибудь и все еще там. Откуда мне знать? Почему бы вам не спросить об этом полицейского инспектора?

— Я собираюсь это сделать. А теперь давайте снова воспользуемся фондом вашей информации о стрельбе из лука. Перья на конце стрелы имеют какую-либо практическую цель или же они сугубо декоративны?

Флеминг выглядел удивленным.

— Конечно, имеют. Как видите, они установлены с равными промежутками параллельно линии полета. Естественный изгиб перьев позволяет стреле делать в воздухе вращательное движение — как пуля винтовки.

— Одно перо всегда отличается от других по цвету, как это?

— Да. Это направляющее перо — оно указывает, где приспособливать стрелу к тетиве.

— При покупке стрел, — продолжал Г. М. тем же тоном, — перья уже прикреплены или их прикрепляют позже?

— Как правило, уже прикреплены. Но некоторые предпочитают прикреплять собственные перья.

— Я прав, предполагая, что к такому сорту людей относился и покойный?

— Да. Понятия не имею, как вы об этом узнали, но он использовал перья особого типа. Большинство стрел имеет перья индейки, но Хьюм предпочитал серые гусиные и прикреплял их после покупки. Полагаю, ему нравилась старинная традиция британских лучников. Эти перья — гусиные. Обыч-

но их прикреплял старый Шенкс — он выполнял для Хьюма разную работу.

— И мои сведения верны в том отношении, что он использовал особую краску собственного изобретения для направляющего пера?

— Да. В своей мастерской...

— В своей мастерской! — встрепенулся Г. М. — Где находится эта мастерская? Возьмите план дома и покажите нам.

Присяжные зашелестели бумагами, разворачивая планы. Зрители заерзали, интересуясь, что старик мог прятать в рукаве своей потрепанной мантии.

Рэндолф Флеминг ткнул в план красным волосатым пальцем и нахмурился:

— Вот здесь. Это маленькое строение в заднем саду ярдах в двадцати от дома. Думаю, его сначала предназначали для оранжереи, но Хьюм не интересовался такими вещами. Оно частично застеклено.

Г. М. кивнул.

— Что хранил там покойный?

— Свое спортивное снаряжение. Луки, тетивы, стрелы, перчатки и тому подобное. А Шенкс красил там перья.

— Что еще там находилось?

— Если хотите весь каталог, пожалуйста, — отозвался свидетель. — Нарукавники, поясные ремни для стрел, камвольные кисти, которыми чистят острия, одна-две банки с жиром для перчаточных пальцев и, конечно, инструменты. Хьюм умел работать руками.

— И больше ничего?

— Нет, насколько я помню.

— Вы уверены?

Свидетель фыркнул.

— Так. Вы заявляете, что стрелой не могли выстрелить. Очевидно, вы имели в виду выстрел из лука. Но вы согласны, что ее могли использовать как снаряд?

— Не понимаю, что вы имеете в виду. В чем разница?

— В чем разница? Видите эту чернильницу? Если я брошу ее в вас, это не будет означать, что я выстрелил ею из лука, не так ли?

— Да.

— И вы могли бы взять эту стрелу и бросить в меня?

— Мог бы! — Тон свидетеля предполагал, что он бы охотно это сделал.

Зычные голоса обоих звучали все громче. В этот момент генеральный прокурор сэр Уолтер Сторм поднялся и откашлялся.

— Милорд, — начал он голосом, спокойствие которого могло бы посрамить епископа, — я с сожалением прерываю моего ученого друга. Но я хотел бы знать, считает ли он, что эту стрелу, чей вес, вероятно, равен трем унциям, могли бросить с такой силой, чтобы она проникла в человеческое тело на восемь дюймов? Могу лишь предположить, что мой ученый друг путает стрелу с ассегаем¹, не говоря уж о гарпуне.

Затылок парика Г. М. начал ошетиливаться. Лоллипоп сделала угрожающий жест.

— Милорд, — отозвался Г. М. сдавленным голосом, — то, что я имею в виду, станет ясно из моего следующего вопроса свидетелю.

— Продолжайте, сэр Генри.

Г. М. повернулся к Флемингу:

— Могли ли этой стрелой выстрелить из арбалета?

Наступило молчание. Судья Рэнкин отложил ручку. На его круглом лице отразилось любопытство.

— Я все еще не понимаю, сэр Генри. Что именно означает арбалет?

— Образец у меня при себе.

Г. М. вытащил из-под стола большую картонную коробку, вроде тех, в какие упаковывают костюмы. Из коробки он достал массивный, смертоносного вида механизм из полированных дерева и стали. Рукоятка, похожая на миниатюрный ружейный приклад, имела в длину не более шестнадцати дюймов. Но перед ней находился широкий полукруг из гибкой стали, к обоим концам которого была прикреплена веревка, оттянутая назад к лебедке с выемками и ручкой из слоновой кости. Спусковой крючок был присоединен к этой лебедке. В середине плоского ствола тянулся паз. Арбалет с инкрустированным перламутром прикладом, казалось, должен был бы выглядеть неуместно в

¹ А с с е г а й — копье, которым пользовались племена Южной Африки.

руках Г. М. Но, как ни странно, он скорее походил на оружие будущего, а не прошлого.

— Это, — продолжал Г. М. без всякого смущения — как ребенок, демонстрирующий новую игрушку, — короткий арбалет, какими пользовалась французская кавалерия в XVI веке. Вот как он действует. — Г. М. начал поворачивать ручку, и под аккомпанемент неприятного щелканья веревка стала оттягивать углы стального полукруга. — В этот паз вкладывается стальной стержень. При нажатии на спуск он вылетает, как из катапульты. Стержень короче стрелы, но из арбалета можно выпустить и стрелу.

Сэр Уолтер Сторм снова поднялся.

— Все это очень интересно, милорд, — заговорил он, — независимо от того, является ли это доказательством. Намерен ли мой ученый друг выдвинуть альтернативную теорию, заключающуюся в том, что преступление совершено этим причудливым аппаратом? — В его голосе звучала легкая усмешка.

Но судья добавил вполне серьезно:

— Да, сэр Генри, я собирался спросить о том же.

Г. М. положил арбалет на стол.

— Нет, милорд. Этот арбалет взят из лондонского Тауэра. Я использовал его для иллюстрации. — Он вновь обратился к свидетелю: — У Эйвори Хьюма когда-нибудь имелся арбалет?

— Вообще-то да, — ответил Флеминг.

С мест для прессы поднялись двое мужчин, которые представляли ранние послеполуденные издания, и на цыпочках вышли из зала. Свидетель выглядел раздраженным, но заинтеригованным.

— Это было давно, — добавил он. — «Лесники Кента» один год экспериментировали с арбалетами, но без особого успеха. Оружие оказалось громоздким и не обеспечивало дальность полета в сравнении со стрелами.

— Угу. Сколько арбалетов было у покойного?

— Думаю, два или три.

— Какой-нибудь из них походил на этот?

— По-моему, да. Это было три года назад, и я не...

— Где он хранил арбалеты?

— В том сарае в заднем саду.

— Но минуту назад вы о них не вспомнили, не так ли?

— Да, не вспомнил. Это вполне естественно.

Оба опять ошетинились. Массивный нос и подбородок Флеминга торчали вперед, как у Панча.

— Давайте послушаем ваше экспертное мнение. Могла эта стрела быть выпущена из такого арбалета?

— Без особой меткости. Она слишком длинная и входила бы в паз слишком свободно. Вы бы промахнулись на расстоянии двадцати ярдов.

— Но ею могли выстрелить?

— Полагаю, да.

— Полагаете? Вы отлично это знаете, верно? Дайте мне стрелу, и я покажу вам...

Сэр Уолтер Сторм поднялся опять:

— В демонстрации нет необходимости, милорд. Мы принимаем заявление моего ученого друга. Мы также считаем, что свидетель честно пытается выразить свое мнение при весьма угнетающих обстоятельствах.

— Это я и имела в виду! — шепнула мне Эвелин. — Видишь? Они будут дразнить старого медведя, пока он от ярости не забудет о кольце в носу. Складывалось явное впечатление, что Г. М. плохо справился с задачей и вдобавок ничего не доказал. Последние два вопроса он задал почти жалобным тоном.

— Забудем о двадцати ярдах. Можно было бы попасть в цель с очень короткого расстояния — скажем, в несколько футов?

— Вероятно.

— Фактически промахнуться было бы нельзя?

— С двух или трех футов — нет.

— Это все.

Возобновив прямой допрос, генеральный прокурор отрубил это предположение на корню.

— Значит, чтобы убить покойного таким образом, как предположил мой ученый друг, лицо, использовавшее арбалет, должно было находиться на расстоянии двух-трех футов от жертвы?

— Да, — ответил Флеминг, слегка оттаяв.

— Иными словами, в той же комнате?

— Да.

— Вот именно. Мистер Флеминг, когда вы вошли в эту запертую и запечатанную комнату...

— Мы протестуем! — внезапно рявкнул Г. М., взмахнув бумагами.

Впервые сэр Уолтер казался слегка растерянным. Он повернулся к Г. М., и мы наконец смогли разглядеть его лицо. Оно было массивным и румяным, с темными бровями и чеканными чертами. Оба обращались к судье, словно разговаривая друг с другом через переводчика.

— Милорд, против чего возражает мой ученый друг?

— Против слова «запечатанная».

Судья с интересом посмотрел на Г. М., но сухо промолвил:

— Термин, возможно, излишне вольный, сэр Уолтер.

— Я охотно отказываюсь от него. Мистер Флеминг, когда вы вошли в эту незапечатанную комнату, где все возможные входы и выходы были заперты изнутри...

— Снова протестую, — прервал Г. М.

— Хорошо. — В голосе генерального прокурора невольно зазвучали отдаленные раскаты грома. — Когда вы вошли в эту комнату, чья дверь была крепко заперта на засов изнутри, а окна закрыты запертыми ставнями, вы нашли в ней похожий аппарат? — Он указал на арбалет.

— Нет, не нашел.

— Это не такая вещь, которую можно не заметить, не так ли?

— Безусловно, — весело отозвался свидетель.

— Благодарю вас. Вызовите доктора Спенсера Хьюма.

Глава 7

СТОЯТЬ ВОЗЛЕ ПОТОЛКА...

Спустя пять минут они все еще искали доктора Спенсера Хьюма, и мы поняли, что что-то не так. Я видел, как ручищи Г. М. сжались в кулаки, хотя он не проявлял других признаков гнева. Хантли Лотон поднялся с места:

— Милорд, свидетель, кажется... э-э... отсутствует. Мы... э-э...

— Я понял, мистер Лотон. Ну и какова ситуация? Вы ходатайствуете о перерыве до тех пор, пока свидетеля не найдут?

Последовало совещание, во время которого несколько взглядов было брошено на Г. М. Наконец сэр Уолтер встал:

— Милорд, сущность дела Короны такова, что, по нашему мнению, мы можем сэкономить время суду, обойдясь без показаний этого свидетеля и продолжив процедуру обычным курсом.

— Решать вам, сэр Уолтер. В то же время, если свидетель вызван повесткой, он обязан здесь присутствовать. Думаю, случившееся нуждается в расследовании, и я приму меры в этом направлении.

— Конечно, милорд... Вызовите Фредерика Джона Хардкасла.

Констебль Хардкасл дал показания, касающиеся обнаружения тела. Когда он дежурил на Гроувнор-сквер без четверти семь, к нему подошел человек, который теперь известен ему как Дайер, и сказал: «Пойдемте, констебль, — случилось нечто ужасное». Когда он входил в дом, подъехал автомобиль, где сидели доктор Хьюм и женщина (мисс Джордан), которая казалась потерявшей сознание. В кабинете он обнаружил подсудимого и человека, представившегося как мистер Флеминг. «Как это произошло?» — обратился Хардкасл к обвиняемому. Тот ответил: «Я ничего об этом не знаю» — и больше не сказал ни слова. Тогда констебль позвонил в свой участок и остался на страже до прибытия инспектора.

Перекрестного допроса не было. Обвинение вызвало доктора Филипа Маклейна Стокинга.

Доктор Стокинг был худощавым мужчиной с косматой шевелюрой, суровым узким ртом и при этом с сентиментальным выражением лица. Вцепившись в перила, он уже не отпускал их. Черный костюм и галстук-бабочка выглядели неопрятно, но руки были такими чистыми, что казались полированными.

— Ваше имя Филип Маклейн Стокинг, вы профессор судебной медицины Хайгейтского университета и хирург-консультант участка «С» столичной полиции?

— Да.

— 4 января вас вызвали в дом 12 на Гроувнор-сквер, и вы прибыли туда приблизительно без четверти восемь вечера?

— Да.

— Что вы обнаружили в кабинете?

— Мертвое тело мужчины, лежащее между окном и письменным столом лицом вверх и очень близко к столу. — Голос

у свидетеля был невнятный. — Присутствовали доктор Хьюм, мистер Флеминг и обвиняемый. «Его передвигали?» — спросил я. Обвиняемый ответил: «Я перевернул его на спину. Он лежал на левом боку, почти прижимаясь лицом к столу». Кисти рук мертвеца были холодными, но предплечья и тело еще теплыми. Трупное окоченение начиналось в нижней части левой руки и в шее. Я пришел к выводу, что он мертв значительно больше часа.

— Вы не можете точнее назвать время смерти?

— Мне кажется, смерть наступила между шестью и половиной седьмого. Точнее сказать не могу.

— Вы произвели вскрытие тела?

— Да. Смерть причинило железное острие стрелы, проникшее на восемь дюймов в грудную клетку и пронзившее сердце.

— Смерть была мгновенной?

— Да, абсолютно. Вот такой. — Свидетель внезапно щелкнул пальцами с видом фокусника.

— Мог ли он двинуться или шагнуть назад? — настаивал сэр Уолтер. — Хватило бы ему сил после полученного удара запереть на засов дверь или окно?

— Это полностью исключается. Он умер немедленно.

— Какой вывод вы сделали из характера раны?

— Что стрелу использовали как кинжал и что страшный удар был нанесен сильным мужчиной.

— Таким, как обвиняемый?

— Да, — ответил доктор Стокинг, бросив резкий взгляд на Ансуэлла.

— Каковы были причины для такого вывода?

— Направление раны. Стрела вошла высоко — здесь, — он проиллюстрировал на себе, — и скользнула вниз по диагонали, пронзив сердце.

— Вы имеете в виду — под острым углом? Удар сверху вниз?

— Да.

— Что вы думаете о предположении, будто стрелу выпустили из лука или другого оружия?

— Если вас интересует мое личное мнение, я бы сказал, что это почти невозможно.

— Почему?

— В случае выстрела, мне кажется, стрела вошла бы в тело более-менее по прямой линии и, безусловно, не под таким углом.

Сэр Уолтер поднял два пальца:

— Иными словами, доктор, если стрелой выстрелили, то стрелявший должен был стоять где-то возле потолка, целясь вниз?

Мне показалось, он с трудом удержался, чтобы не добавить «как Купидон». В его голосе явно слышались насмешливые нотки. Я мог бы поклясться, что на лице одного из присяжных, который сидел словно аршин проглотил, мелькнула улыбка. Атмосфера заметно холодала.

— Да, что-то вроде. Или жертва должна была склониться почти вдвое, как если бы отвешивала убийце низкий поклон.

— Вы обнаружили какие-нибудь признаки борьбы?

— Да. Воротник и галстук покойного были скомканы, пиджак слегка смят на спине, руки грязные, а на правой ладони маленькая царапина.

— Что могло причинить эту царапину?

— Не знаю. Возможно, острое стрелы.

— Вы имеете в виду, что он мог вытянуть руку, защищаясь?

— Да.

— Кровь из царапины была на руке покойного?

— Да, царапина немного кровоточила.

— Во время осмотра вы нашли пятна крови на других предметах в комнате?

— Нет.

— Таким образом, весьма вероятно, что царапина нанесена стрелой?

— По-моему, да.

— Что произошло после произведенного вами первоначального осмотра тела в кабинете?

Косматый свидетель снова бросил взгляд на подсудимого, скривив рот от отвращения.

— Доктор Спенсер Хьюм, с которым я знаком, попросил меня взглянуть на обвиняемого.

— Взглянуть?

— Обследовать его. «Он рассказывает какие-то нелепые истории, — сказал доктор Хьюм, — что ему дали наркотик. Я только что его осмотрел и не нашел никаких признаков».

— Как вел себя все это время подсудимый?

— Он был слишком спокоен и сдержан — только иногда проводил рукой по волосам. Я был потрясен куда сильнее его.

— Вы обследовали обвиняемого?

— Поверхностно. Пульс был частым и неровным, а не замедленным, как после приема наркотика. Зрачки глаз были в норме.

— По вашему мнению, он принимал наркотик?

— По моему мнению, нет.

— Благодарю вас, это все.

Бледное лицо подсудимого выглядело озадаченным. Один раз он привстал со стула, словно желая выразить протест, и два надзирателя сразу напряглись. Я видел, как беззвучно шевелятся его губы. Если он был невиновен, то сейчас испытывал леденящий ужас. Г. М. неуклюже поднялся и добрые полминуты молча смотрел на свидетеля.

— Значит, вы обследовали его «поверхностно», не так ли? — Его голос заставил даже судью поднять взгляд. — Вы всех ваших пациентов осматриваете таким образом? По-вашему, человеческая жизнь должна зависеть от поверхностного осмотра?

— Нет.

— Или от него должны зависеть показания под присягой в суде?

Доктор Стокинг поджал губы.

— Моей обязанностью было обследовать тело, а не делать подсудимому анализ крови. Я считаю авторитет доктора Спенсера Хьюма достаточным, чтобы опираться на его просвещенное мнение.

— Понятно. Значит, все ваши показания основаны на просвещенном мнении доктора Хьюма, который, между прочим, здесь отсутствует?

— Милорд, я вынужден протестовать против подобных намеков! — воскликнул сэр Уолтер Сторм. — Пожалуйста, сэр Генри, ограничьтесь тем, что говорит свидетель.

— Прошу прощения у его лордства, — проворчал Г. М., — но я понял, что свидетель ограничивается тем, что сказал док-

тор Хьюм... Можете вы поклясться, опираясь на собственные знания, что подсудимый не принимал наркотик?

— Нет! — огрызнулся свидетель. — Я не собираюсь ни в чем клясться, кроме того, что честно выражаю свое мнение.

— Не понимаю, — вмешался судья. — Вы считаете невозможным, чтобы подсудимый принял наркотик?

— Нет, милорд, я не говорю, что это невозможно. Это было бы слишком.

— Почему?

— Милорд, обвиняемый сказал мне, что якобы принял этот наркотик около четверти седьмого. Я осматривал его без нескольких минут восемь. Если бы он даже принял наркотик, эффект был бы в значительной степени стертым. Однако доктор Хьюм обследовал его незадолго до семи...

— Мнение доктора Хьюма нам не было представлено, — сказал судья Рэнкин. — Я бы хотел выразиться ясно, так как это крайне важно. Если эффект этого таинственного наркотика в любом случае был бы стертым, мне кажется, вы едва ли в состоянии что-либо утверждать на этот счет.

— Я же говорил, милорд, что могу лишь выражать свое мнение.

— Хорошо. Продолжайте, сэр Генри.

Г. М., явно довольный, перешел к другим вопросам:

— Доктор Стокинг, есть еще один аспект дела, который вы назвали почти невозможным, — я имею в виду предположение, что стрела была выпущена из какого-то оружия. Давайте вернемся к вопросу о положении тела. Вы принимаете заявление обвиняемого, что вначале тело лежало на левом боку лицом к боковой стороне стола?

Доктор мрачно улыбнулся:

— По-моему, мы должны проверять, а не принимать заявления обвиняемого.

— Да, разумеется. Но могли бы вы согласиться с этим заявлением?

— Да, мог бы.

— Вам известно что-либо противоречащее ему?

— Нет, не известно.

— Предположим, покойный стоял с той стороны стола — взгляните на план — лицом к буфету у противоположной

стены и наклонился, чтобы взглянуть на что-то на столе. Если бы, когда он склонился вперед, в него выпустили стрелу со стороны буфета, она могла бы войти в тело таким образом?

— В принципе могла бы.

— Спасибо, это все.

Г. М. плюхнулся на скамью.

Генеральный прокурор возобновил прямой допрос:

— Если события происходили бы так, как предполагает мой ученый друг, имели бы место следы борьбы?

— Не думаю.

— Вы бы вряд ли обнаружили скомканные воротник и галстук, смятость пиджака, грязные руки, порез на правой ладони?

— Да, конечно.

— Можем мы поверить в то, что этот порез вызван попыткой поймать в воздухе стрелу, которой выстрелили в покойного?

— Лично я назвал бы это нелепым.

— Вы считаете вероятным, что убийца, вооруженный большим арбалетом, прятался в буфете?

— Нет.

— И наконец, доктор, дабы подтвердить, что вы достаточно квалифицированы для определения того, принимал ли обвиняемый наркотик или нет, напомниме нам — вы ведь уже двадцать лет состоите в персонале больницы Сент-Прейд на Прейд-стрит?

— Да.

Доктора отпустили, и обвинение вызвало своего самого важного свидетеля — Харри Эрнеста Моттрама. Инспектор Моттрам сидел за столом солиситоров. Я много раз обращал на него внимание, не зная, кто он. Инспектор выглядел человеком, тщательно следившим за своими манерами и речью. Он был сравнительно молод — не больше сорока лет, — но его спокойные и неторопливые ответы указывали на некоторый опыт в судебных делах. Все его поведение, казалось, говорило: «Мне не слишком нравится накидывать петлю на чью-либо шею, но убийство есть убийство, и чем скорее мы отправим преступника на тот свет, тем лучше будет для общества». У него было квадратное лицо с коротким носом и проницательными глаза-

ми, явно не нуждавшимся в очках. В целом он производил впечатление солидного семейного человека, стоящего на страже общественных интересов.

Принеся присягу, Моттрам устремил взгляд на обвинителя:

— Я детектив-инспектор столичной полиции. Приняв сообщение о случившемся, я отправился в дом 12 на Гроувнор-стрит, куда прибыл без пяти семь вечера 4 января.

— Что там произошло?

— Меня проводили в комнату, называемую кабинетом, где я обнаружил обвиняемого в обществе мистера Флеминга, дворецкого и констебля Хардкасла. Я опросил троих последних, которые сообщили мне то, о чем уже дали показания в суде. Потом я спросил обвиняемого, хочет ли он что-нибудь сказать. На это он ответил: «Если вы уберете из комнаты этих гарпий, я попытаюсь объяснить вам, что случилось». Я попросил остальных выйти, закрыл дверь и сел напротив обвиняемого. Прочитанное инспектором заявление подсудимого совпадало с тем, которое зачитал в своей вступительной речи генеральный прокурор. Когда Моттрам повторял его бесстрастным голосом, оно звучало еще менее убедительно. А когда дело дошло до наркотика в виски, вмешался сэр Уолтер:

— Подсудимый говорил вам, что покойный протянул ему стакан виски с содовой, что он выпил половину и поставил стакан на пол?

— Да, около его стула.

— Думаю, инспектор Моттрам, вы трезвенник?

— Да.

— Из рта подсудимого пахло виски? — вкрадчиво осведомился обвинитель.

— Нет.

Ответ произвел эффект, подобный взрыву бомбы, так как его простота и естественность были очевидны для присяжных.

— Продолжайте, инспектор.

— Когда обвиняемый умолк, я спросил: «Вы сознаете, что рассказанное вами не может быть правдой?» — «Клянусь богом, инспектор, это подтасовка, — ответил он, — но я не понимаю, каким образом они все могут в этом участвовать и зачем понадобилось сваливать это на меня».

— Что, по-вашему, он под этим подразумевал?

— Я понял, что он имеет в виду других людей в доме. Обвиняемый говорил свободно и даже дружелюбно, но он, казалось, подозревал каждого обитателя дома или друга семьи, который приближался к нему. «Если вы признаете, — сказал я, — что дверь и окна были заперты изнутри, как мог кто-либо сделать то, что вы говорите?»

— Что он на это ответил?

— Начал рассуждать о детективной литературе, о способах запирать двери и окна снаружи с помощью проволоки и тому подобного.

— Вы читаете детективную литературу, инспектор?

— Да, сэр.

— Вам знаком какой-либо из упомянутых им методов?

— Ну, сэр, я слышал об одном или двух, и в случае удачи их можно осуществить на практике. — Голос инспектора Моттрама звучал слегка виновато. — Но ни один из них неприменим к данному случаю.

По знаку обвинителя были предъявлены макеты ставней и двери — дубовой панели, прикрепленной к раме.

— Насколько я понимаю, тем вечером вы с помощью детектива-сержанта Рейва удалили ставни и дверь и доставили их в полицейский участок для эксперимента?

— Да.

— Пожалуйста, объясните, почему подобные методы не могли быть применены.

В объяснениях Моттрама не было ничего нового, но они выглядели солидными и нерушимыми, как сам Олд-Бейли.

— Что вы сделали, инспектор, расспросив обвиняемого о двери и окнах?

— Я спросил его, не возражает ли он против обыска. Когда обвиняемый поднялся — большую часть времени он сидел, — я заметил, что его правый брючный карман оттопыривается под пальто.

— Что ответил обвиняемый?

— Он сказал: «Это не понадобится. Я знаю, что вам нужно». Расстегнув пальто, он полез в карман брюк и передал это мне.

— Передал вам что?

— Полностью заряженный пистолет 38-го калибра, — ответил свидетель.

Глава 8

СТАРЫЙ МЕДВЕДЬ ЕЩЕ НЕ ОСЛЕП

Пистолет «уэбли-скотт» был предъявлен для обследования и идентификации. Кто-то позади нас начал тихо напевать мелодию «О, кто поплывет со мной через Даунс?» на слова «О, кто говорил, что он невиновен?». Атмосфера скептицизма стала ощутимой почти физически. Я случайно посмотрел на Реджиналда Ансуэлла — вещественное доказательство как будто впервые заинтересовало кузена подсудимого. На мгновение он поднял взгляд, но его угрюмое красивое лицо не выразило ничего, кроме презрения, а рука вновь начала теревить графин с водой на солиситорском столе.

— Этот пистолет находился в кармане обвиняемого? — продолжал сэр Уолтер Стром.

— Да.

— Подсудимый объяснил, почему он пришел для мирного разговора о своем будущем браке с огнестрельным оружием в кармане?

— Он отрицал, что пришел с пистолетом, и заявил, что кто-то, вероятно, подложил его, пока он был без сознания.

— Понятно. Он смог опознать оружие?

— Обвиняемый сказал мне: «Я хорошо знаю этот пистолет. Он принадлежит моему кузену Реджиналду. Когда он не на Востоке, то всегда останавливается в моей квартире. Кажется, последний раз я видел пистолет месяц назад в ящике стола в гостиной».

После долгих и вполне убедительных показаний, касающихся обследования комнаты, свидетеля спросили:

— К какому выводу вы пришли относительно того, как было совершено преступление?

— Мне кажется, стрелу стягивали со стены справа налево, держа ее так, как указывают отпечатки пальцев. Человек, который делал это, должен был стоять со стороны буфета. При таких обстоятельствах я пришел к выводу, что покойный подбежал к левому боку стола с целью спастись от нападавшего...

— Иными словами, чтобы поместить стол между ним и собой?

— Да, — согласился инспектор Моттрам, иллюстрируя повествование боксерскими жестами. — Тогда нападавший, оче-

видно, побежал к жертве вдоль передней стороны стола. Началась борьба, во время которой покойный стоял очень близко к столу и лицом к буфету. В схватке отломился исчезнувший кусок пера, а покойный порезал руку. Когда ему нанесли удар, он упал около стола и испачкал руки пылью, хватаясь за ковер перед смертью. Вот как я представляю себе происшедшее.

— Или же покойный ухватился за пыльный стержень стрелы. Ведь часть стрелы вы не могли проверить на наличие отпечатков, так как она вошла в тело? Пыль могла оказаться на руках таким образом?

— Вполне.

— Кажется, инспектор, вы квалифицированный дактилоскопист, прошедший соответствующее обучение для работы в этой области?

— Да.

— Вы изучали образцы отпечатков пальцев обвиняемого, взятых сначала на Гроувнор-стрит с помощью имевшейся там штемпельной подушечки с фиолетовыми чернилами, а позже в полицейском участке?

— Да, изучал.

— Вы сравнивали их с отпечатками пальцев на стержне стрелы?

— Да.

— Пожалуйста, идентифицируйте эти фотографии, показывающие различные серии отпечатков, и объясните жюри пункты совпадения... Благодарю вас. Отпечатки на стреле были оставлены обвиняемым?

— Да.

— Были ли найдены в комнате еще чьи-либо отпечатки пальцев, помимо покойного и подсудимого?

— Нет.

— Были ли найдены какие-нибудь отпечатки на графине с виски, сифоне или четырех стаканах?

— Нет.

— Где еще находились отпечатки пальцев обвиняемого?

— На стуле, где он сидел, на столе и на дверном засове.

После еще нескольких вопросов, касающихся ареста Ансуэлла, прямой допрос был завершен. В некотором роде он сум-

мировал все дело. Если Г. М. готовил атаку, пришло время ее начинать. Снаружи стало темно, и капли дождя барабанили по стеклянной крыше. Свет в зале стал ярче. Г. М. поднялся, опершись руками на стол, и приступил к перекрестному допросу:

— Кто запер дверь на засов?

— Прошу прощения, я не совсем понял.

— Я спросил, кто запер дверь на засов изнутри.

— На засове были отпечатки пальцев обвиняемого, сэр, — ответил инспектор Моттрам.

— Мы не отрицаем, что он отпер дверь. Но кто ее запер? Имелись на засове другие отпечатки, кроме принадлежащих обвиняемому?

— Да, отпечатки покойного.

— Значит, покойный мог запереть дверь точно так же, как обвиняемый?

— Да, мог.

— По словам свидетеля Дайера, около четырнадцати минут седьмого он услышал, как покойный сказал: «Да что с вами, приятель? Вы сошли с ума?» — после чего раздались звуки, похожие на звуки борьбы. По-вашему, эта была схватка, во время которой убили Хьюма?

Но инспектора Моттрама было нелегко заманить в подобную ловушку. Он покачал головой и прищурился.

— Хотите знать мое мнение, сэр?

— Да.

— Судя по описанным мною доказательствам, мы пришли к выводу, что эта схватка была краткой и окончилась, когда свидетель Дайер постучал в дверь и спросил, что происходит. После чего дверь закрыли на засов изнутри...

— Вы имеете в виду, чтобы они могли спокойно и без помех продолжать драку?

— Чтобы никто не мог войти, — невозмутимо уточнил свидетель.

— А потом они дрались еще пятнадцать минут?

— Нет, ссора могла вспыхнуть снова через четверть часа.

— Понятно. Но если обвиняемый запер дверь в четверть седьмого, это означает, что он был готов к преступлению, не так ли? Стал бы он запираť дверь, а потом мирно беседовать?

— Вполне возможно.

— Вы ожидаете, что жюри этому поверит?

— Я ожидаю, что жюри поверит тому, что милорд судья велит считать доказательством, сэр. Вы только спрашиваете мое мнение. Кроме того, я ведь согласился, что покойный мог сам запереть дверь...

— Фактически вы считаете вероятным, что он это сделал?

— В общем да, — признал инспектор.

— Отлично. Нас пытаются убедить, что обвиняемый отправился к будущему тестю с заряженным пистолетом в кармане. Это указывает на преднамеренность, не так ли?

— Обычно люди не носят оружие, если не думают, что могут им воспользоваться.

— Но он не воспользовался этим оружием?

— Нет.

— Тот, кто убил жертву, пробежал через комнату, сорвал со стены стрелу и напал с ней на покойного?

— Мы так считаем, сэр.

— Фактически на этом основано все ваше дело? — осведомился Г. М., склонившись вперед.

— Только часть дела.

— Но важная часть?

— Об этом предоставляю судить милорду.

Г. М. похлопал себя по парикю. Педантичный голос свидетеля звучал неторопливо — он говорил лишь то, что имел в виду.

— Вернемся к пропавшему куску пера, — продолжал Г. М. — Вы нигде его не нашли?

— Нет.

— Вы тщательно обыскивали комнату?

— Очень тщательно.

— Значит, вы не могли бы его не заметить, если он находился там? Тогда где же он был?

Инспектор Моттрам улыбнулся ровно настолько, насколько позволяла обстановка. Он настороженно наблюдал за Г. М., ибо ошибка в показаниях губительна для полицейского офицера.

— Мы тоже думали об этом, сэр, — сухо отозвался Моттрам. — Если, конечно, его не убрал из комнаты кто-то еще...

— Стоп! — прервал Г. М. — Кто-то еще? Но в таком случае это должен быть один из тех, кто уже давал здесь показания?

— Полагаю, что да.

— Значит, один из свидетелей лгал, не так ли? И дело против обвиняемого отчасти построено на лжи?

— Вы не дали мне закончить ответ, сэр. Я сказал это только для того, чтобы все исключить, как мы и должны делать.

— Ну и что вы собирались добавить?

— Что кусок пера, вероятно, застрял в одежде обвиняемого, незаметно для него самого. На нем было тяжелое пальто...

— И это, — заметил Г. М., — по-вашему, свидетельствует, что перо сломалось во время борьбы?

— Да.

Г. М. подал знак в сторону стола солиситоров. Теперь он, казалось, излучал злорадство.

— Инспектор, вы ведь достаточно сильный мужчина, не так ли?

— Полагаю, не слабее большинства.

— Превосходно. Взгляните на то, что вам протягивают. Знаете, что это? Гусиное перо. У нас есть и другие образцы, если они вам потребуются. Я бы хотел, чтобы вы взяли это перо в руки и разорвали его пополам. Пробуйте ломать его, крутить, тянуть в разные стороны — делайте что хотите, но разорвите его надвое.

Могучие руки инспектора Моттрама сжали перо, а плечи расправились. В полном молчании он дергался из стороны в сторону, но ничего не происходило.

— Какие-нибудь затруднения, сынок? — мягко осведомился Г. М.

Инспектор бросил на него взгляд из-под сдвинутых бровей.

— Наклонитесь к старшине присяжных, — посоветовал Г. М., — и пусть он тянет перо за другой конец. Только осторожнее — не перетяните друг друга через перила... Вот так!

Старшина присяжных был видным мужчиной с седыми усами и подозрительно яркими каштановыми волосами, разделенными на прямой пробор. «Перетягивание каната» едва не выдернуло его со скамьи, как рыбу на леске. Постепенно перо начало расслаиваться на отдельные пряди, став похожим на раздавленного паука, но стержень так и не сломался.

— Фактически, — заговорил Г. М. в наступившей паузе, — это невозможно сделать, не так ли? Я это знаю, так как исполь-

зую такие перья для чистки трубок. А теперь посмотрите на сломанное перо в стреле, послужившей орудием убийства. Разрыв неровный, но абсолютно чистый, и ни одна прядь не оторвалась. Видите?

— Вижу, — спокойно ответил Моттрам.

— Вы признаете, что кусок пера не мог отломиться во время борьбы?

— Господи! — прошептала Эвелин. — Ему это удалось!

Моттрам молчал, будучи слишком честным, чтобы возражать. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу и переводя взгляд с растрепанных клочков пера на Г. М. Впервые обвинение получило шах. Но возбуждение умерила холодная сдержанность сэра Уолтера Сторма.

— Я полагаю, милорд, что тест моего ученого друга скорее эффективный, чем убедительный. Могу я взглянуть на перо, использованное для теста?

Перо передали ему. Обвинение не собиралось сдаваться. До сих пор на его стороне было столько преимуществ, что препятствие казалось пустячным.

— Если у вас остаются сомнения, инспектор, — снова заговорил Г. М., — попробуйте проделать то же самое с одним из двух других перьев в стреле... Повторяю: вы признаете, что перо не могло быть сломано так, как вы говорили?

— Не знаю, — честно отозвался Моттрам.

— Но ведь вы сильный мужчина и не смогли этого сделать?

— Тем не менее...

— Просто ответьте на мой вопрос. Каким образом перо было сломано?

— Направляющее перо в стреле было старым, высохшим и ломким. Поэтому, если...

— Как оно было сломано?

— Я не смогу ответить, сэр, если вы не дадите мне шанс. Не думаю, что перо настолько крепко, что его нельзя переломить надвое.

— Но вы не смогли этого сделать?

— Не смог с тем пером, которое вы мне дали.

— Попробуйте сделать это с одним из двух оставшихся старых и ломких перьев. Вам это удастся? Нет? Отлично. Теперь посмотрите на это. — Он поднял арбалет. — Предположим, вы

вставляете стрелу в арбалет. Направляющее перо окажется в середине, когда вы положите стрелу в паз, не так ли?

Моттрам начал понемногу нервничать.

— Может быть — не знаю.

— Но вы должны заталкивать стрелу в паз, пока она не коснется выталкивающего механизма?

— Возможно.

— И следовательно, когда вы взводите курок арбалета, кончик пера попадает в зубцы вращающегося барабана?

— Я ничего не знаю об арбалетах.

— Но я показываю вам один из них... И наконец, — быстро продолжал Г. М., прежде чем обвинитель успел заявить протест, — я утверждаю, что это перо могло сломаться так аккуратно только под действием катапульты из толедской стали.

Он нажал на спуск. Послышался зловещий щелчок, и веревки ударились о перекладину арбалета.

— Ну и где перо? — осведомился Г. М.

— Сэр Генри, — вмешался судья, — пожалуйста, задавайте вопросы, а не аргументируйте.

— Как будет угодно вашему лордству, — проворчал Г. М.

— Надеюсь, ваша демонстрация имеет отношение к делу?

— Мы так думаем, — отозвался Г. М., зачехлив орудия. — В свое время мы собираемся предъявить арбалет, который, как мы считаем, явился подлинным орудием преступления.

Желтую мебель зала суда, казалось, поразила эпидемия скрипа. Кто-то кашлянул. Судья Рэнкин перевел взгляд с Г. М. на свои записи, и ручка в его пухлых пальцах забегала по бумаге. Даже подсудимый смотрел на Г. М., но скорее с удивлением, чем с интересом. Г. М. повернулся к инспектору Моттраму, спокойно ожидавшему продолжения:

— Возьмите эту стрелу. Вы обследовали именно ее, как только прибыли на Гроувнор-стрит?

— Да, — ответил инспектор, прочистив горло.

— Вы заявили, что пыль на стреле была не стерта, за исключением тех мест, где вы обнаружили отпечатки пальцев?

— Да, верно.

— Взгляните на фотографию номер 3 в буклете и скажите, было ли ваше заявление правильным во всех отношениях. Как

насчет тонкой вертикальной линии, тянущейся вдоль стержня — правда, слегка смазанной, — где нет пыли?

— Я говорил, что в пыли больше не было никаких следов, и это правда. На упомянутой вами линии никогда не было пыли, так как она проходит там, где стрела соприкасалась со стеной. Как оборотная сторона картины, прижимающаяся к стене.

— Вы когда-нибудь видели эту стрелу висящей на стене?

— Естественно, нет.

— Вот как? Но вы слышали, как свидетель Дайер заявил, что эта стрела не соприкасалась со стеной, а находилась от нее на небольшом расстоянии, лежа на костылях?

Пауза.

— Но я сам видел, как две других стрелы соприкасались со стеной.

— Да. Они образовывали боковые стороны треугольника и должны были прижиматься к стене, чтобы удерживаться в таком положении. Но как насчет этой стрелы, служившей основанием треугольника?

— Я не понимаю вашего вопроса.

— Давайте поставим его по-другому. Две боковых стороны этого треугольника были прижаты к стене. Третья сторона — основание — пересекала нижние края двух других стрел. Следовательно, она прижималась к ним и находилась примерно в четверти дюйма от стены. Вы принимаете это заявление Дайера?

— Если милорд признал его доказательством, то да.

— Но если стрела находилась в четверти дюйма от стены, то она не была защищена от пыли, верно?

— Отчасти.

— Отчасти? Вы согласны, что стрела не соприкасалась со стеной? Значит, весь ее стержень должен был покрыться пылью, не так ли?

— Это трудный вопрос.

— Тем не менее стержень стрелы не был везде покрыт пылью?

— Не был.

— Тонкая вертикальная линия, свободная от пыли, тянулась вдоль всего стержня?

— Да.

— Я утверждаю, — заявил Г. М., снова подняв арбалет, — что такой след мог остаться лишь в том случае, если стрелу вставили в паз арбалета и произвели выстрел.

Проведя пальцем по пазу, Г. М. окинул зал суда злорадным взглядом и сел. Затаившая дыхание публика шумно выдохнула. Старый медведь еще не ослеп от крови и произвел должное впечатление. Инспектору Моттраму — абсолютно честному свидетелю — пришлось нелегко. Линии его челюсти напряглись в ожидании возобновления прямого допроса генеральным прокурором.

— Мы уже несколько раз слышали, — резко начал сэр Уолтер, — о том, что тот или иной эффект мог произойти «лишь в том случае». Позвольте привлечь ваше внимание к фотографиям. Для вас очевидно, что, когда стрелу срывали со стены, ее дернули слева направо? Вы уже давали показания по этому поводу.

— Да, сэр.

— Дернули так сильно, что костыли упали на пол?

— Да.

— При таком движении вы бы провели стрелой вдоль стены, оставив похожий след?

— Да, пожалуй.

Судья Рэнкин посмотрел вниз поверх очков:

— Здесь возникает некоторая путаница, сэр Уолтер. Согласно моим записям, пыли в этом месте не было изначально. Теперь мы слышим, что она могла быть стерта. Которую из двух альтернатив вы предлагаете?

— Все очень просто, милорд. Как и мой ученый друг с его арбалетом, я иллюстрирую. Мой ученый друг настаивает, что свободная от пыли линия могла появиться только одним способом. Едва ли он может возразить, если я продемонстрирую ему другой... Полагаю, инспектор, в вашем доме есть на стенах картины или фотографии?

— Очень много, сэр.

— Они ведь не висят прижатыми к стене целиком, не так ли?

— Нет.

— И тем не менее, — продолжал сэр Уолтер, посмотрев на женщин в составе жюри, — они практически не собирают пыли на задней стороне рамы?

— Если собирают, то очень мало.

— Благодарю вас. Теперь перейдем к единственному в мире способу, которым перо можно разорвать надвое, — продолжал обвинитель с иронической вежливостью. — Насколько я понимаю, при подготовке дела вы приобрели некоторую информацию о стрельбе из лука?

— Да.

— Как мне кажется, направляющее перо стрелы — в данном случае сломанное — изнашивается и рвется куда сильнее, чем другие. Ведь это перо направляет кончик стрелы к тетиве и, следовательно, более подвержено повреждениям рукой или тетивой?

— Да. Его часто приходится заменять.

— Разве не возможно, чтобы в борьбе за стрелу между двумя людьми, один из которых сражался за свою жизнь, центральное перо сломалось?

— Возможно, хотя я должен признать...

— Это все, — прервал сэр Уолтер. Он позволил себе впечатляющую паузу, покуда инспектор покидал свидетельское место, а затем повернулся к судье: — Это, милорд, вместе с заявлением обвиняемого завершает показания свидетелей Короны.

Худшее было позади. Несмотря на возобновление прямого допроса, семена сомнения в виновности обвиняемого были посеяны.

— Кен, — возбужденно зашептала Эвелин под прикрытием шума в зале, — Г. М. своего добьется! Я это знаю! Обвинитель дал маху с пылью на задней стороне картин. Конечно, там постоянно собирается пыль! Я смотрела на женщин в жюри и понимала, о чем они думают. Маленькая вещица вроде стрелы была бы пыльной целиком, если бы не соприкасалась со стенами. Неужели ты не чувствуешь, что они уже не уверены?

— Ш-ш! Тише!

Судья посмотрел на часы, и раздался звучный голос секретаря:

— Члены жюри, когда обвиняемый предстал перед магистратами, его спросили, хочет ли он что-нибудь заявить в ответ на обвинение, и объяснили, что он не обязан ничего говорить, но, если сделает это, все сказанное им будет записано и использовано на суде в качестве доказательств. «Я ни в чем не вино-

вен, — заявил обвиняемый, — но мне советуют повременить с защитой. Из-за этого обвинения я потерял все, что было мне дорого, поэтому делайте что хотите. Больше я ничего не скажу».

— Если у сэра Генри нет возражений, — быстро заговорил судья Рэнкин, — мы сделаем перерыв до завтра.

Судья поднялся, и весь зал следом за ним.

— Все лица, которые могут сообщить что-либо, касающееся рассматриваемого дела, пусть подойдут и дадут показания перед судом. Боже, храни короля и милордов королевских судей.

Дождь продолжал ритмично барабанить по стеклянной крыше — это был час усталости, когда в голову лезут мысли о коктейлях. Снова наступила пауза. Судья повернулся и быстро зашагал вдоль скамьи. Толпа в зале номер 1 разделилась на отдельных людей с их личной жизнью и мыслями, шляпами и домами. Кто-то шумно зевнул, а потом внезапно прозвучал четкий голос:

— Следи за ним, Джо!

Это явилось шоком. Все повернулись к скамье подсудимых. Двое надзирателей держали заключенного за плечи. Почти у самого люка, ведущего к камерам, Ансуэлл повернулся и медленно подошел назад к перилам. Мы слышали его шаги по полу, отполированному ногами многих пребывающих ныне в мире ином. Но он не пытался предпринять какие-либо резкие действия, а всего лишь положил руки на перила и заговорил. Слышать его голос было все равно что слышать голос глухонемого.

— Какой смысл продолжать все это? Кусок пера отлетел от стрелы, когда я ударил его. Я признаю, что убил старую свинью, так что давайте закончим этот спектакль.

Глава 9

АЛАЯ МАНТИЯ БЕЗ СПЕШКИ

Если бы кто-нибудь спросил меня, что может случиться в подобных обстоятельствах, я бы подумал о чем угодно, кроме того, что произошло в действительности. Мы все смотрели на судью, так как обвиняемый обращался к нему. К этому времени мистер Рэнкин почти добрался до двери позади скамьи с правой стороны, через которую он входил и выходил. Возмож-

но, на десятую долю секунды его быстрый шаг замедлился, а голова слегка повернулась. Потом его алая мантия безо всякой спешки исчезла за дверью, которая закрылась вслед за перевязанным лентой париком. Судья «не услышал» слов, которые четко прокричал заключенный. Поэтому мы тоже их не слышали. словно глухонемые, мы молча подбирали наши шляпы, зонтики, пакеты, шурша бумагами и глядя в пол...

— Господи, неужели вы меня не слышите? Подождите!..

Присяжные выходили как стадо овец — никто из них даже не обернулся, кроме одной испуганной женщины, которую тут же потянул к выходу старшина.

— Ради бога, послушайте меня! Я признаю, что убил его! Я прошу вас...

Его прервало успокаивающее бормотание надзирателя:

— Тихо, парень, все в порядке... Джо, уведи его...

Ансуэлл остановился, переводя взгляд с одного надзирателя на другого. Мы старались не смотреть выше пуговиц его жилета, но у нас сложилось впечатление, что он чувствует себя еще более загнанным, чем прежде.

— Подождите! — кричал Ансуэлл, когда надзиратели тащили его к люку. — Я не хочу уходить! Неужели они меня не выслушают? Ведь я признался!..

— Конечно, парень, но у тебя еще полно времени. Осторожно, здесь ступенька...

Мы выходили строем, оставляя за собой пустой зал с желтой мебелью. Бледная Лоллипоп подала мне знак, который я интерпретировал как «вниз». Я не мог разглядеть в толпе Г. М. Начали гасить свет, и вокруг послышался шепот:

— ...и все кончено, кроме повешения.

— А я всего пару секунд назад подумала...

— Что он не мог это сделать?

— Не знаю, но...

— Я должна идти, Кен, — сказала Эвелин, когда мы выбрались на улицу. — Обещала Сильвии прибыть к половине седьмого. Ты идешь?

— Нет. У меня сообщение для Г. М. Просто «да» от Мэри Хьюм. Я подожду.

Эвелин закуталась в шубку.

— Не хочу здесь торчать... Черт возьми, Кен, зачем мы вообще пришли сюда? Теперь ему конец, верно?

— Зависит от того, является ли это доказательством. Очевидно, нет.

— Подумаешь, доказательство! — с презрением сказала Эвелин. — Что бы ты чувствовал, если бы сидел в жюри? Вот что важно. Лучше бы мы никогда не слышали об этом деле! Как выглядит эта девушка? Нет, не говори — не хочу ничего знать... Пока, дорогой. Увидимся позже.

Она поспешила в дождь, а я остался в толпе. Люди у дверей Олд-Бейли суетились, как цыплята, хотя дождь почти прекратился. Дул порывистый ветер; на Ньюгейт-стрит белели газовые фонари. Среди автомобилей, ожидавших сановных владельцев, я нашел закрытый «воксхолл» Г. М. (не недоброй памяти «ланчестер»!) с его шофером Луиджи. Прислонившись к машине, я попытался закурить сигарету на ветру. На меня нахлынули воспоминания. Вон там, за церковью Гроба Господня, тянулась Гилтспер-стрит, а от нее отходил Плейг-Корт, где несколько лет назад Г. М. и я занимались совсем другим делом¹, когда Джеймс Кэплон Ансуэлл еще и не помышлял об убийстве. Толпа, выходящая из Олд-Бейли, медленно редела. Когда начали закрывать двери, пара полицейских лондонского Сити в шлемах, похожих на каски пожарных, обшитые синей тканью, вышли и окинули взглядом ситуацию. Г. М. показался одним из последних. Он ковылял в съехавшем на затылок цилиндре; ветер теребил полы пальто с побитым молю меховым воротником, а по резким движениям губ, произносивших безмолвные ругательства, я понял, что он говорил с Ансуэллом. Г. М. втолкнул меня в машину.

— Поехали! — крикнул он и добавил: — Молодой осел все испортил.

— Значит, он все-таки виновен?

— Конечно нет! Он просто вполне достойный парень. Я должен вытащить его, Кен! Дело того стоит.

Когда мы свернули на Ньюгейт-стрит, встречная машина задела наше крыло. Г. М. высунулся из окошка и разразился

¹ См. роман «Убийства в Плейг-Корте».

таким изобретательным потоком брани, что дополнительных свидетельств о его душевном состоянии не потребовалось.

— Очевидно, — продолжал Г. М., — он думал, что стоит ему признаться, как судья скажет: «О'кей, парень, этого достаточно. Уведите его и вздерните».

— Но зачем ему признаваться? И вообще, является ли это доказательством?

Отношение к происшедшему Г. М. было таким же, как у Эвелин.

— Конечно, это не доказательство! Но важно то, какой произведен эффект, даже если Чокнутый Рэнкин распорядится это не учитывать. Я верю в Чокнутого, Кен... Но если вы думали, что худшее позади, когда Корона закончила вызывать свидетелей, то вы жестоко ошибаетесь. Сынок, наши беды только начинаются. Больше всего я боюсь перекрестного допроса Ансуэлла. Вы когда-нибудь слышали, как Уолт Сторм проводит перекрестный допрос? Он разбирает обвиняемого на мелкие кусочки, как часы, а потом предлагает вам поставить все колесики на прежнее место. Закон не обязывает меня вызывать Ансуэлла свидетелем, но если я этого не сделаю, то подставляю себя под язвительные комментарии Сторма, да и история убийства не будет полной. Но я боюсь, что, если мой свидетель повторит то, что заявил недавно, его высказывание сочтут официальным признанием.

— Я снова спрашиваю (как же заразителен стиль зала суда!), почему Ансуэлл признался?

Г. М. откинулся на подушки, и цилиндр съехал ему на глаза.

— Потому что кто-то с ним контактировал. Не знаю как, но не сомневаюсь кто. Я имею в виду кузена Реджиналда. Вы заметили, как он и Реджиналд всю вторую половину дня обменивались многозначительными взглядами? Хотя вы не знаете Реджиналда...

— Знаю. Я встретил его сегодня в доме Хьюма.

Проницательные маленькие глазки устремились на меня.

— Ну и что вы о нем думаете?

— Немного высокомерный, но вполне приличный парень. Глазки устремились в другую сторону.

— Угу. А что сообщила девушка?

— Она велела сказать вам «да».

— Славная девчушка.

Г. М. усталился из-под полей цилиндра на стеклянную перегородку:

— Это может сработать. Во второй половине дня мне довольно повезло, но я получил и несколько достаточно скверных ударов. Худшим из них был тот, когда Спенсер Хьюм не появился в качестве свидетеля. Я рассчитывал на него — будь у меня хоть один волос, он бы поседел, когда я услышал о его отсутствии. Неужели он дал стрекача? Люди думают, что у меня нет ни капли достоинства, видя, как мы с Лоллипоп гонимся за свидетелями и делаем всю грязную работу, которую должны выполнять не барристеры, а солиситоры...

— Откровенно говоря, — заметил я, — вся беда в том, что вы не хотите работать с солиситорами, Г. М. Вы стараетесь проводить все шоу самостоятельно.

К сожалению, это было настолько близко к истине, что вызвало взрыв негодования.

— И это вся благодарность после того, как я бегал вокруг железнодорожной станции, словно носильщик?..

— Какой железнодорожной станции?

— Не важно какой, — остановил себя Г. М. на полпути. Тем не менее он был так доволен, создав очередную загадку, что немного остыл. — На какую станцию вы бы отправились, Кен, после услышанных сегодня показаний?

— Чтобы сесть на поезд? Каким образом эта тема вообще возникла в разговоре, мне не вполне понятно, — сказал я, — но не является ли это изощренным способом намекнуть, что доктор Хьюм может смыться?

— Еще как может! — Г. М. возбужденно повернулся ко мне: — Вы, случайно, не видели его сегодня в их доме?

— Да, видел — изрекающим благодушные банальности.

— Вы выполнили мои инструкции насчет создания таинственной атмосферы?

— Да, и думаю, мне это удалось, хотя сам не знаю, каким образом. Как бы то ни было, доктор Хьюм сказал нам, что собирается сегодня давать показания. Он обещал постараться создать впечатление, что Ансуэлл безумен. Кстати, с ним был специалист по душевным болезням — некий доктор Трегэннон...

Шляпа Г. М. медленно съехала на нос и свалилась на пол. Но он не обратил на это внимания, хотя очень ею гордился.

— Доктор Трегэннон? — переспросил он. — О боже! Может, мне лучше сразу поехать туда?

— Надеюсь, нам не придется спасать героиню? — осведомился я. — Что происходит? Вы думаете о том, какую цену потребует с Мэри Хьюм зловещий дядюшка за показания в пользу защиты? Такая мысль приходила в голову и мне, но это чепуха. Не станет же он вредить собственной племяннице.

— Пожалуй, нет, — задумчиво промолвил Г. М. — Но дядюшка Спенсер сражается за свою респектабельность и может ошестиниться, узнав, что племянница не в состоянии найти его турецкие шлепанцы...

— Это каким-то таинственным образом связано со штемпельной подушечкой, железнодорожной станцией, «окном Иуды» и костюмом для гольфа?

— Да, но это не важно. Полагаю, с девушкой все в порядке, а я хочу жрать.

Однако прошло некоторое время, прежде чем он смог осуществить свое желание. Когда машина подъехала к дому Г. М. на Брук-стрит, по ступенькам к входной двери поднималась женщина в шубе и съехавшей набок шляпе. При виде нас она сбежала с лестницы и стала рыться в сумочке. Под шляпой поблескивали полные слез голубые глаза Мэри Хьюм.

— Все хорошо, — запыхавшись, сказала она. — Мы спасли Джима!

— Этого не может быть! — рявкнул Г. М. — Вся загвоздка в том, что парню никак не могло повезти, если не...

— Но ему повезло! Дядя Спенсер сбежал, оставив мне письмо, где практически признается...

Мэри продолжала копаться в сумочке, уронив губную помаду и носовой платок. Когда она достала письмо, ветер вырвал его у нее из руки, и я едва успел его подхватить.

— Пойдемте в дом, — сказал Г. М.

Дом Г. М. представлял собой одно из тех богато декорированных сооружений, существующих только для того, чтобы устраивать приемы. Большую часть времени в нем находились только хозяин и прислуга — жена и две дочери Г. М. обычно пребывали на юге Франции. Как обычно, он забыл ключ, поэто-

му колотил в дверь и орал, пока на стук не вышел дворецкий. Войдя в холодную библиотеку на задней стороне дома, Г. М. выхватил письмо у девушки и разложил его на столе под лампой. Оно занимало несколько листов писчей бумаги, исписанных аккуратным, неторопливым почерком:

«Понедельник, 14.00.

Дорогая Мэри! К тому времени, как ты получишь это письмо, я буду далеко, и думаю, отыскать меня будет непросто. Я не могу не испытывать горечи, ибо не сделал ничего такого, чего следовало бы стыдиться, — напротив, я пытался оказать тебе услугу. Но Трегэннон подозревает, что Мерривейл добрался до Куигли и завтра вызовет его свидетелем, а кое-что услышанное мною дома во второй половине дня привело меня к той же мысли. Я не хочу, чтобы ты думала слишком сурово о твоём старом дяде. Поверь мне, если бы это могло принести хоть какую-то пользу, я бы заговорил раньше. Теперь могу признаться, что это я раздобыл наркотик, добавленный в виски Ансуэлла. Это был брудин — производное от скополамина, с которым мы экспериментировали в больнице...»

— Вау! — рывкнул Г. М., опуская кулак на стол. — Это решает дело.

Глаза Мэри не отрывались от его лица.

— Вы думаете, это оправдывает Джима?

— Это половина того, что нам нужно. А теперь тихо, черт возьми!

«...он действует почти моментально и вызывает обморок почти на полчаса. Ансуэлл пришел в себя немного раньше, чем планировалось, — возможно, из-за того, что его пришлось приподнять, чтобы влить ему в горло мятный экстракт, дабы избавиться от запаха виски».

— Помните, что говорил Ансуэлл? — осведомился Г. М. — Первое, что он заметил, придя в себя, был вкус мяты во рту. Со времен дела Бартлетта ведутся споры о том, можно ли влить жидкость в горло спящего человека так, чтобы он не захлебнулся.

Я все еще не мог понять, где голова, а где хвост.

— Но кто усыпил его? И почему? Чего вообще они добивались? Нравился ли Ансуэлл Эйвори Хьюму, или же он смертельно его ненавидел?

«Я считал ошибкой добавление наркотика в графин с виски, а не только в стакан, так как это означало необходимость впоследствии избавиться от графина. Поверь мне, Мэри, мысль, что кто-то потом может найти графин, причинила мне несколько неприятных минут. В итоге я договорился с Трегэнноном и Куигли сделать то, что было сделано. Этим ограничены мои прегрешения. Не моя вина, что мои добрые намерения привели к таким злосчастным результатам. Но ты поймешь, почему я не мог заговорить».

В этом месте Г. М., перевернув страницу, издал сдавленный стон. Наши надежды рухнули с грохотом оторвавшейся кабины лифта.

«Конечно, если бы Ансуэлл действительно был невиновен, я был бы вынужден сказать правду. Ты должна этому верить. Но, как я уже говорил тебе, даже правда не помогла бы ему, ибо он виновен, дорогая. Он убил твоего отца в одном из приступов ярости, которыми его семья славилась долгое время, и я с куда большей охотой позволю ему отправиться на виселицу, чем выйти на свободу и жениться на тебе. Возможно, его заявления о невиновности вполне искренни. Ансуэлл может даже не знать, что убил твоего отца. Брудин — сравнительно неизвестный препарат. Он абсолютно безвреден, но, когда его эффект заканчивается, у пациента часто остается провал в памяти. Я знаю, что для тебя это будет ужасным известием, но, пожалуйста, позволь рассказать, что произошло в действительности. Ансуэлл думал, что твой отец усыпил его и ведет с ним какую-то игру. Он понял, что в напитке наркотик, как только ощутил его действие. Это застряло у него в памяти и было первым, о чем он вспомнил, начав приходить в себя и забыв о более недавних событиях. К несчастью, они говорили об убийстве с помощью стрел. Ансуэлл сорвал со стены стрелу и ударил ею твоего отца, прежде чем бедный Эйвори понял, что происходит. Вот почему твой дорогой жених сидел на стуле,

когда память вернулась к нему. Он только что выполнил свою работу. Клянусь богом, Мэри, я говорю правду. Я видел это собственными глазами. Прощай и будь счастлива. Благословляю тебя, так как мы вряд ли увидимся снова.

Твой любящий дядя *Спенсер*».

Г. М. прижал руки ко лбу. Червь сомнения грыз всех нас.

— Но разве это не... — начала девушка.

— Не спасет его? — Г. М. опустил руки. — Девочка моя, если вы принесете это письмо в суд, ничто в мире его не спасет. Сомневаюсь, что его вообще можно спасти.

— А не можем мы удалить последнюю часть письма и показать первую?

Г. М. сердито посмотрел на нее. Она была очень хорошенькой и выглядела куда толковее, чем можно было судить по этому предложению.

— Нет, не можем, — ответил он. — Не то чтобы я был выше любых фокусов-покусов, но самая скверная часть письма находится на оборотной стороне фрагмента, повествующего о наркотике в виски. У нас есть доказательство, но мы не в состоянии им воспользоваться! Скажите, девочка, прочитав это письмо, вы все еще верите в невиновность Ансуэлла?

— Конечно... О, не знаю! Я только знаю, что люблю его и что вы должны его спасти! Вы ведь не собираетесь отказаться от дела?

Г. М. сидел сложив руки на животе и уставясь в пол.

— Я? О нет! Я жажду мести. Они загнали старика в угол, бьют его дубинкой по башке и приговаривают: «Он еще в сознании? Стукнем его еще разок!» И все же... зачем лгать вашему доброму старому дядюшке? Он ведь признался насчет виски. Я собирался допросить его сегодня и был готов разорвать его на куски, чтобы вытащить из него правду. Я мог бы поклясться, что он знает ее и даже знает, кто настоящий убийца. Но в письме он уверяет, что это Ансуэлл... «Я видел это собственными глазами». Вот чего я не могу понять. Черт возьми, как он мог это видеть, находясь в больнице? У него алиби размером с дом — мы все проверили. Он лжет, но, если я это докажу, первая часть письма не будет стоить и ломаного гроша. Письмо — палка о двух концах.

— Даже сейчас вы не хотите намекнуть на то, как намерены защищать Ансуэлла? — осведомился я. — Что вы собираетесь говорить завтра в суде? Что тут вообще можно сказать?

На лице Г. М. мелькнуло выражение злорадства.

— По-вашему, старик не может быть красноречивым? — отозвался он. — Увидите сами. Завтра я собираюсь встать, посмотреть им в лицо и сказать...

Глава 10

Я ВЫЗЫВАЮ ОБВИНЯЕМОГО

— Милорд, члены жюри.

Заложив руки за спину и широко расставив ноги, Г. М. смотрел им в глаза. Но мне бы не хотелось, чтобы он вел себя как укротитель львов, входящий в клетку с бичом и пистолетом, или, по крайней мере, гипнотизировал присяжных убийственным взглядом.

Зал суда номер 1 был переполнен. Слухи о сенсационном развитии дела распространились по всему городу — очередь на галерею у нас над головами выстроилась с семи утра. На местах для прессы, где вчера сидели всего несколько журналистов, сегодня присутствовали представители всех лондонских газет. Перед началом заседания Лоллипоп некоторое время разговаривала с обвиняемым через ограду скамьи подсудимых — он казался потрясенным, но под конец устало пожал плечами. Похоже, эта беседа заинтересовала угрюмого капитана Реджиналда Ансуэлла, наблюдавшего за ними. Ровно без двадцати одиннадцать сэр Генри Мерривейл поднялся, чтобы открыть дело защиты.

— Милорд, члены жюри. Вероятно, вас интересует, какую линию защиты мы намерены предложить. Я скажу вам. Прежде всего мы попытаемся доказать, что ни одно из заявлений обвинения не может быть правдой.

Сэр Уолтер Сторм встал, сухо кашлянув.

— Милорд, это намерение настолько поразительно, что я бы хотел внести некоторую ясность, — заговорил он. — Полагаю, мой ученый друг не отрицает, что жертва мертва?

— Тсс! — прошипела Лоллипоп, когда Г. М. взмахнул кулаками.

— Ну, сэр Генри?

— Нет, милорд, — ответил Г. М. — Мы согласны с этим, как с единственным фактом, который генеральный прокурор смог установить без посторонней помощи. Мы даже согласны с тем, что у зебры имеются полосы, а гиены умеют выть. Избегая более личных сравнений гиен с...

— Вопросы зоологии нас не касаются, — прервал судья Рэнкин, даже глазом не моргнув. — Продолжайте, сэр Генри.

— Прошу прощения у вашего лордства и снимаю вопрос, — серьезно сказал генеральный прокурор, — упомянув общеизвестный факт, что гиены не воют, а только хохочут.

— Гиены... Так о чем я? Ах да! Члены жюри, — продолжал Г. М., опершись руками на стол, — Корона представила свое дело в двух аспектах. Обвинение осведомилось у вас: «Если обвиняемый не совершал этого преступления, то кто же его совершил?» Оно также заявило: «Это правда, что мы не можем продемонстрировать вам даже тень мотива преступления, следовательно, мотив должен быть очень веским». Оба этих аспекта весьма опасны. Обвинение основывает свое дело на виновном, которого не может найти, и на мотиве, которого не знает.

Давайте сначала рассмотрим вопрос мотива. Вас просят поверить, что обвиняемый явился в дом Эйвори Хьюма с заряженным пистолетом в кармане. Почему? Ну, полицейский офицер, который вел расследование, заявил: «Обычно люди не носят с собой оружие, если не думают, что могут им воспользоваться». Иными словами, вас косвенно убеждают, что подсудимый пришел туда с намерением убить Эйвори Хьюма. Но почему? Как прелюдия к браку это выглядит слишком решительно. И что могло к этому побуждать обвиняемого? Единственное, о чем вам с определенностью сообщили, — это телефонный разговор, во время которого покойный не произнес ни одного гневного или оскорбительного слова. «Учитывая то, что я слышал, я думаю, нам лучше уладить дела, касающиеся моей дочери. Шесть часов вас устроит?» Разве он сказал обвиняемому: «Я заставлю вас замолчать, черт бы вас побрал»? Нет. Он сказал это, положив трубку, говоря сам с собой. Все, что мог слышать

обвиняемый, — это холодный, официальный голос, приглашающий его в дом. Но на этом основании вас просят поверить, что он схватил чье-то оружие и помчался по указанному адресу с преступным намерением, написанным у него на лице.

Почему? В голову закрадывается мысль, что жертва узнала об обвиняемом что-то скверное. Но вам не сообщили, что именно, а попросту заявили, что дыма без огня не бывает, хотя вы даже не слышали ни о каком дыме. Обвинение не может предложить никакой причины, по которой Эйвори Хьюм внезапно стал вести себя как безумный. Но я могу это сделать.

Несомненно, Г. М. завладел вниманием аудитории. Он говорил почти небрежным тоном, уперев кулаки в бока и глядя поверх очков.

— Факты — я имею в виду физические факты — этого дела не подлежат сомнению. Мы собираемся выяснить подлинные причины этих фактов. Мы намерены доказать вам, что поведение жертвы не было связано с обвиняемым и что все дело против этого человека подтасовано от начала до конца. Корона не может предложить какой-либо мотив для чьих-либо действий, а мы можем. Корона не может сказать вам, что произошло с таинственно исчезнувшим куском пера, а мы можем. Корона не может объяснить, каким образом кто-то, кроме обвиняемого, мог совершить преступление, а мы это сделаем.

Только что я говорил, что обвинение представило вам дело следующим образом: «Если обвиняемый не совершал этого преступления, то кто же его совершил?» Но вы не можете сказать себе: «Трудно представить, что он этого не сделал». При подобных выводах вам придется оправдать подсудимого. Однако я не намерен всего лишь посеять разумное сомнение в его виновности — мы собираемся доказать, что не может быть ни малейших сомнений в его невиновности. Будь я проклят...

Лоллипоп предупреждающе взмахнула листом бумаги с отпечатанным текстом.

— Ладно, ладно! Иными словами, вы услышите альтернативное объяснение. Не мое дело заявлять, кто в действительности совершил убийство, если обвиняемый этого не делал. Это не входит в наши обязанности. Но я покажу вам два фрагмента пера, спрятанные в месте настолько очевидном, что никому и в голову не пришло туда заглянуть, и спрошу вас, где,

по-вашему, стоял убийца во время преступления. Вы слышали много мнений и точек зрения. Вы слышали о зловещих усмешках и странном поведении обвиняемого — сначала вам сказали, что он так нервничал, что не мог удержать в руке шляпу, а потом — что он был настолько хладнокровен и циничен, что курил сигарету, хотя мой примитивный ум не в силах понять, почему какое-либо из этих действий должно внушать подозрение. Вы слышали, как он сначала якобы угрожал Хьюму убийством, а потом Хьюм поднялся и запер дверь на засов, чтобы не мешать гостю осуществить свое намерение. Вы слышали, что обвиняемый мог сделать, что он, вероятно, сделал и что он не мог сделать никогда. Теперь пришло время услышать правду. Я вызываю обвиняемого.

Покуда Г. М. жадно опустошал стакан с водой, один из надзирателей коснулся руки Ансуэлла. Дверь отсека со скамьей подсудимых была не заперта, и его провели мимо столов адвокатов. Он шел нервным шагом, не глядя на присяжных и теребя рукой и без того ослабший галстук. Светлые волосы были расчесаны на косой пробор, привлекательное лицо свидетельствовало скорее о чувствительности и богатом воображении, нежели о высоком интеллекте, а взгляд устремился на потолок свидетельского места с вмонтированным в него зеркалом — реликтом тех дней, когда таким образом фокусировался свет, — которое словно притягивало его.

Несмотря на решительность Г. М., я знал, что он обеспокоен. Приближался поворотный пункт дела. Находясь на свидетельском месте (иногда более часа, а иногда и целый день), обвиняемый должен постоянно следить за собой. Невинный не запинается при перекрестном допросе.

Манеры Г. М. были обманчиво беспечными.

— Ваше имя, сынок?

— Джеймс Кэплон Ансуэлл.

Хотя обвиняемый говорил очень тихо, но умудрился закашляться, после чего бросил виноватый взгляд на судью.

— Вы нигде не работаете и живете в доме 23 на Дьюк-стрит?

— Да. Вернее, жил там.

— В конце декабря вы обручились с мисс Мэри Хьюм?

— Да.

— Где вы были тогда?

— В доме мистера и миссис Стоунмен в Фроненде в Суссексе.

Г. М. вел формальную часть прямого допроса очень мягко, но обвиняемый не расслаблялся.

— В пятницу 3 января вы решили на следующий день отправиться в Лондон?

— Да.

— Почему?

Невнятное бормотание.

— Говорите громче, — резко сказал судья. — Мы не слышим ни слова.

Ансуэлл огляделся вокруг и с усилием заговорил членораздельно, хотя, казалось, с середины фразы.

— ...и я хотел купить обручальное кольцо, которое еще не приобрел.

— Вы хотели купить обручальное кольцо, — повторил Г. М. ободряющим тоном. — Когда именно вы решили ехать? Я имею в виду в какое время пятницы?

— Поздно вечером.

— Угу. Что побудило вас к этому?

— Мой кузен Редж тем вечером собирался в город и предложил купить для меня кольцо. — Долгая пауза. — Тогда я впервые об этом подумал. — Еще одна пауза. — Полагаю, мне следовало подумать об этом раньше.

— Вы сообщили мисс Хьюм о своем намерении?

— Естественно, — ответил Ансуэлл. На его лице внезапно мелькнула странная улыбка.

— Вы знали, что в пятницу вечером у нее состоялся телефонный разговор с отцом?

— Тогда нет. Я узнал об этом позже.

— До или после этого разговора вы решили ехать в Лондон?

— После.

— Что произошло потом?

— Произошло? О, понимаю, — как бы с облегчением добавил Ансуэлл. — Мэри сказала, что напишет отцу письмо, и тут же это сделала.

— Вы читали это письмо?

— Да.

— В нем упоминалось, каким поездом вы поедете?

— Да, девятичасовым поездом со станции Фроненд.
— Оттуда до Лондона примерно час сорок пять минут езды, не так ли?

— Да, скорым поездом. Это ближе, чем от Чичестера.
— В записке указывалось время отъезда и прибытия?
— Да, в 10.45 на вокзал Виктория. Мэри сама всегда пользуется этим поездом.

— Значит, ее отец хорошо его знал?

— Должен был знать.

Запавшие глаза Ансуэлла были неподвижны. Обычно он начинал фразу четко, но затем она словно повисала в воздухе.

— Что вы сделали, прибыв в Лондон?

— Купил кольцо. И еще кое-какие дела...

— А потом?

— Поехал в свою квартиру.

— В котором часу вы туда прибыли?

— Около двадцати пяти минут второго.

— Именно тогда покойный позвонил вам?

— Да, около половины второго.

Склонившись вперед, Г. М. расправил плечи и оперся ладонями о стол. Руки обвиняемого начали дрожать. Он снова поглядывал в зеркало наверху, словно следя за собой в ожидании приближающейся кульминации.

— Вы слышали, что покойный тем утром неоднократно звонил вам, не получив ответа?

— Да.

— Что он начал звонить в девять утра?

— Да.

— Вы слышали, как Дайер говорил это?

— Да.

— Угу. Но ведь он должен был знать, что вас еще нет дома, не так ли? В девять вы только выехали из Фроненда, и поездка должна была продолжаться час сорок пять минут. Этим поездом постоянно пользовалась его дочь, и он должен был знать, что не сможет связаться с вами раньше чем через два часа.

— Да, по-видимому...

— Что делает Г. М.? — шепнула мне Эвелин. — Рвет на кусочки собственного свидетеля?

— Вернемся к телефонному разговору. Что сказал покойный?

Отчет Ансуэлла совпадал с другими показаниями.

— В его словах было что-нибудь, что вы могли воспринять как оскорбление?

— Нет, ничего.

— А что вы подумали о разговоре в целом?

— Ну, его голос звучал не слишком дружелюбно, но некоторые всегда так говорят. Думаю, он просто вел себя сдержанно.

— В вашей жизни были какие-нибудь мрачные тайны, которые он мог открыть?

— Насколько я знаю, нет. Я никогда об этом не думал.

— Когда вы пошли повидаться с ним вечером, вы взяли с собой оружие вашего кузена?

— Нет. Зачем мне было его брать?

— Вы прибыли в дом покойного в десять минут седьмого, не так ли? Мы слышали, как вы уронили вашу шляпу, выглядели сердитым и отказались снять пальто. Какова была подлинная причина такого поведения, сынок?

Судья Рэнкин прервал бормотание обвиняемого:

— В ваших интересах говорить внятно. Я опять ничего не слышу.

Подсудимый повернулся к нему, озадаченно жестикулируя:

— Милорд, я старался произвести хорошее впечатление... —

Пауза. — Тем более что по телефону он говорил не слишком... сердечно. — Еще одна пауза. — Войдя, я уронил шляпу, и это меня рассердило. Я не хотел выглядеть как...

— Как кто?

— Как круглый дурак.

— «Как круглый дурак», — бесстрастно повторил судья. — Продолжайте.

— Полагаю, — заговорил Г. М., — молодые парни, впервые посещающие будущего тестя, часто чувствуют то же самое. Как насчет пальто?

— Это вырвалось само собой. Но я не мог взять свои слова обратно, иначе выглядел бы еще глупее.

— Отлично. Вас проводили к покойному. Как он вел себя с вами?

— Сдержанно и... странно.

— В каком смысле странно, сынок?

— Не знаю...

— Ну, расскажите присяжным, что вы говорили друг другу.

— Мистер Хьюм заметил, что я смотрю на стрелы на стене. Я спросил, интересуется ли он стрельбой из лука. Он ответил, что занимался этим еще в детстве, когда жил на севере, и что это модное занятие и в Лондоне, а стрелы — трофеи, полученные на ежегодных состязаниях «Лесников Кента». «Тот, кто первый попадет в золото, становится главным лесником на следующий год», — сказал он.

— В золото? — переспросил Г. М. — Что он под этим подразумевал?

— Я спросил его, и он объяснил, что центр мишени. При этом он странно на меня смотрел...

— Что вы имеете в виду?

— Ну, как будто думал, что я гоняюсь за деньгами. У меня создалось такое впечатление...

— Как будто вы гоняетесь за деньгами. Полагаю, в этом вас никак нельзя было заподозрить?

— Надеюсь, что нет.

— Что он сказал потом?

— Он посмотрел на свои пальцы, потом на меня и сказал: «Одной из этих стрел можно убить человека».

— А после? — допытывался Г. М.

— Я подумал, что лучше переменить тему. Поэтому я попытался отшутиться и сказал: «Ну, сэр, я пришел сюда не красть ложки или убивать кого-то, если только это не станет крайне необходимым».

— Что?! — рявкнул Г. М. — Вы использовали выражение «я пришел сюда не красть ложки», прежде чем сказали остальное? Мы об этом не знали.

— Я сказал это, так как все еще думал о «золоте» и интересовался, что у него на уме. Это было вполне естественно.

— Согласен. А затем?

— Я решил, что незачем больше ходить вокруг да около, и просто сказал: «Я хочу жениться на мисс Хьюм. Как насчет этого?»

Г. М. перешел к виски:

— Теперь прошу вас быть очень внимательным. Я хочу, чтобы вы в точности повторили, что сказал мистер Хьюм

после того, как налил виски. Опишите каждый его жест и взгляд.

— Он спросил: «Могу я выпить за ваше процветание?» Потом выражение его лица изменилось — оно мне не понравилось — и он произнес мое имя «мистер Джеймс Кэплон Ансуэлл», словно ни к кому конкретно не обращаясь, посмотрел на меня и добавил: «Тот брак был бы выгоден... можно сказать, обоим сторонам».

Г. М. остановил его, подняв руку:

— Одну минуту. Будьте внимательны. Он сказал «тот брак», а не «этот брак»?

— Да.

— Продолжайте.

— Потом он сказал: «Как вам известно, я уже дал на него согласие».

— Позвольте мне повторить, — снова прервал Г. М. — Значит, мистер Хьюм сказал: «Тот брак был бы выгоден... я уже дал на него согласие»?

— Да.

— Понятно. А потом, сынок?

— Потом он сказал: «У меня не может быть никаких возражений — я имел честь быть знакомым с покойной леди Ансуэлл и знаю, что финансовое положение вашей семьи вполне надежно».

— Снова подождите! Он сказал «ваше финансовое положение» или «финансовое положение вашей семьи»?

— «Финансовое положение вашей семьи». А потом добавил: «Поэтому хочу сообщить...» Это было все, что я расслышал. В виски был наркотик, и я отключился.

Г. М. глубоко вздохнул и продолжал тем же монотонным голосом:

— Давайте вернемся к телефонному звонку, которым вас вызвали на Гроувнор-стрит. Покойный знал, что вы приезжаете в Лондон поездом, который отходит из Фроненда в девять утра?

— Должен был знать.

— И он также знал, что поезд прибывает в Лондон только в 10.45, поэтому ему не удастся связаться с вами до одиннадцати?

— Мэри ему говорила об этом.

— Тем не менее он постоянно звонил в вашу квартиру, начиная с девяти — когда вы только отбывали из Фроненда?

— Да.

— Когда вы говорили с ним по телефону в субботу в половине второго, вы уже слышали его голос раньше?

— Нет.

— И никогда с ним не встречались?

— Никогда.

— Расскажите, как начался телефонный разговор.

— Зазвонил телефон, и я снял трубку. Я сидел на диване и потянулся к аппарату, просматривая газету. Тогда я подумал, что мистер Хьюм сказал: «Я хочу поговорить с Кэплом Ансуэллом». Я ответил, что я у телефона.

Г. М. склонился вперед:

— Вы подумали, что он сказал: «Я хочу поговорить с Кэплом Ансуэллом», но позже, вспоминая об этом, вы осознали, что мистер Хьюм сказал нечто другое?

— Да.

— Что же именно?

Молчание.

— Может, в действительности он сказал: «Я хочу поговорить с капитаном Ансуэллом»?

— Да.

Г. М. бросил свое досье на стол, скрестил руки на груди и произнес с угрожающей мягкостью:

— Короче говоря, во время вашей телефонной беседы и позже, в собственном доме, он думал, что разговаривает с вашим кузеном, капитаном Реджиналдом Ансуэллом, не так ли?

Глава 11

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ФУНТОВ ЗА МОЛЧАНИЕ

Минут десять в зале царила мертвая тишина. Мне чудилось, будто я различаю людское дыхание. Смысл услышанного доходил до присутствующих постепенно, но меня интересовала реакция судьи. Обвиняемый, на усталом лице которого появилось сардоническое выражение, казалось, пытался встретиться взглядом с Реджиналдом Ансуэллом, но тот сидел за солиси-

торским столом спиной к скамье свидетелей, положив руку на бутылку с водой, и словно не слышал слов Г. М. Его мрачное лицо с волосами того же цвета, что и у подсудимого, выражало только скуку и легкое удивление.

— Да, я имею в виду этого человека, — уточнил Г. М., привлекая к нему внимание.

Реджиналд покачал головой и презрительно улыбнулся. Сэр Уолтер Сторм поднялся во всем своем великолепии.

— Позвольте предположить, милорд, — сказал он, — что обвиняемый едва ли является авторитетом в том, что мог или не мог думать мистер Хьюм.

Судья задумался, слегка потирая виски.

— Справедливо замечено, сэр Уолтер. В то же время, если у сэра Генри имеются доказательства этой теории, я думаю, мы можем проявить к нему некоторую терпимость. — Он резко взглянул на Г. М.

— Да, милорд, у нас имеются доказательства.

— Тогда продолжайте, но помните, что подозрения обвиняемого доказательствами не являются.

Хотя генеральный прокурор сел, не продолжив атаку, было очевидно, что он объявил войну. Г. М. снова повернулся к Ансуэллу:

— Ваш кузен прибыл в Лондон вечером, накануне вашего приезда, не так ли?

— Да. Он гостил в том же доме, что и я.

— А будучи в Лондоне, он всегда останавливался в вашей квартире? Кажется, об этом упоминалось в зале суда?

— Да.

— Значит, если покойный хотел связаться с ним, то его звонок в вашу квартиру в девять утра был вполне естественным?

— Да.

— Когда вы прибыли на Гроувнор-стрит в субботу вечером, там упоминалась только ваша фамилия или же и ваше имя?

— Нет. Я сказал дворецкому: «Моя фамилия Ансуэлл», а он, докладывая обо мне, объявил: «Джентльмен пришел повидать вас, сэр».

— Следовательно, когда покойный сказал: «Мой дорогой Ансуэлл, я заставляю вас замолчать, черт бы вас побрал», то, по-вашему, он имел в виду не вас?

— Я в этом уверен.

Г. М. пошуршал бумагами, позволяя присутствующим осознать это. Затем он перешел к показаниям обвиняемого, начав с виски. Мы знали, что эта часть его истории правдива, но тем не менее был ли он виновен? Ансуэлл выглядел не лучшим в мире свидетелем, но казался абсолютно уверенным в своих словах. Допрос был долгим, и Ансуэлл произвел бы хорошее впечатление, если бы вчера вечером не заявил о своей вине со скамьи подсудимых. Воспоминание об этом факте, хотя никто о нем не говорил, заставляло сомневаться в каждом его слове. Еще бы — ведь он сам признался в убийстве! Как будто два человека сливались в одного, словно фигуры на дважды экспонированной фотопластинке.

— Когда вы впервые заподозрили, что произошла ошибка и что покойный весь вечер принимал вас за вашего кузена? — спросил Г. М.

— Не знаю. — Пауза. — Я подумал об этом тем же вечером, но не мог этому поверить.

— Была какая-то причина, по которой вы даже потом никому не хотели об этом говорить?

— Я...

Снова пауза.

— Просто скажите, была у вас причина или нет.

— Вы слышали вопрос, — вмешался судья. — Отвечайте на него.

— Полагаю, что да, милорд.

Судья Рэнкин нахмурился:

— Так была причина или нет?

— Была, милорд.

Вероятно, Г. М. начал потеть.

— Тогда скажите вот что. Вы знаете, почему покойный имел желание назначить встречу вашему кузену, а не вам?

Между защитником и обвиняемым, казалось, стояли весы, и сейчас одна из чаш резко опустилась. Молодой упрямец расправил плечи, положил руки на перила и обвел взглядом зал.

— Нет, не знаю, — четко ответил он.

Молчание.

— Не знаете? Но ведь должна была существовать какая-то причина для подобной ошибки?

Молчание.

— Была причина, не так ли, по которой покойный мог не любить капитана Ансуэлла и желать «заставить его замолчать»?

Снова молчание.

— Не потому ли, что...

— Нет, сэр Генри, — прервал судья. — Мы не можем позволить вам продолжать задавать свидетелю наводящие вопросы.

Г. М. поклонился и оперся на руки. Он понимал, что настаивать бесполезно. Должно быть, окружающие нас бесстрастные лица скрывали всевозможные мысли и предположения. Первое, что пришло мне в голову, — что это наверняка как-то связано с Мэри Хьюм. Допустим, у нее был роман с безденежным капитаном Ансуэллом, и практичный Эйвори Хьюм намеревался пресечь его на корню, покуда он не помешал выгодному браку? Это соответствовало всем обстоятельствам, но стал бы обвиняемый охотнее совать голову в петлю, чем признавать это? Такое рыцарство в наши дни казалось невероятным. Очевидно, существовала другая причина, касающаяся Мэри Хьюм, о которой, по-видимому, не догадывался никто из нас.

Вскоре Г. М. закончил допрашивать своего свидетеля, и внушительный сэр Уолтер Сторм поднялся для перекрестного допроса.

— Вы уже пришли к выводу, виновны вы или нет? — осведомился он тоном спокойного презрения.

Таким тоном было рискованно говорить даже с беспомощным человеком. Ансуэлл вскинул голову и посмотрел генеральному прокурору в глаза:

— Это все равно что спрашивать, прекратил ли я плутовать, играя в покер.

— Вопросы о ваших привычках во время игры в карты не относились бы к делу, мистер Ансуэлл. Будьте любезны отвечать на мои вопросы. Виновны вы или нет?

— Невиновен.

— Очень хорошо. Насколько я понимаю, у вас достаточно острый слух?

— Да.

— Если я обращусь к вам «Кэплон Ансуэлл», а потом «капитан Ансуэлл», то, даже несмотря на неподобающий шум в зале, вы сможете услышать разницу?

На губах сидящего за солиситорским столом Реджиналда Ансуэлла мелькнула улыбка. Какое все это производило на него впечатление, было невозможно определить.

— Пожалуйста, говорите. У вас ведь не бывает периодических приступов глухоты?

— Нет. Но тогда я не обращал на это особого внимания. Я читал газету, когда снял трубку, и особо не прислушивался, пока не услышал имя мистера Хьюма.

— Но его имя вы слышали достаточно хорошо?

— Да.

— Передо мной ваши показания полиции. Вы упоминали, что покойный мог сказать «капитан Ансуэлл», а не «Кэплон Ансуэлл»?

— Нет.

— Хотя заявили нам, что это приходило вам в голову даже в вечер убийства?

— Тогда я не думал об этом всерьез.

— Что заставило вас подумать об этом всерьез позже?

— Ну, я пораскинул мозгами...

— Вы упомянули об этом магистратам?

— Нет.

— Так когда же эта идея откристаллизовалась у вас в уме?

— Не помню.

— А вы помните, что помогло ей откристаллизоваться? Тоже нет? Короче говоря, можете вы назвать хотя бы одну вескую причину для столь необычайной идеи?

— Да, могу! — крикнул обвиняемый, выведенный из ступора. Его лицо покраснело — он впервые проявлял естественные человеческие эмоции.

— Отлично. Назовите ее.

— Я знал, что Мэри была очень дружна с Реджем до нашего знакомства — именно он представил меня ей у Стоунменов...

— Вот как? — вежливо осведомился сэр Уолтер. — Вы имеете в виду, что в их отношениях было нечто неподобающее?

— Нет. Не совсем...

— Но у вас были причины подозревать нечто подобное?

— Нет.

Сэр Уолтер потер рукой щеку, словно приводя в порядок странные идеи.

— Тогда скажите, правильно ли я понимаю ваши заявления. Мисс Хьюм была дружна с капитаном Ансуэллом, хотя в их отношениях не было ничего неподобающего. Однако из-за этого у обычно благоразумного мистера Хьюма возникает острая неприязнь к капитану, и он внезапно решает «заставить его замолчать». Он звонит капитану Ансуэллу, но вы перехватываете телефонное сообщение, ошибочно полагая, что оно адресовано вам. Вы приходите невооруженным в дом мистера Хьюма, где он угощает вас виски с добавленным туда наркотиком, будучи уверен, что вы капитан Ансуэлл. Пока вы без сознания, кто-то подкладывает вам в карман пистолет капитана и (как вы, очевидно, сказали моему ученому другу) вливает экстракт мяты вам в горло. Когда вы приходите в себя, ваши отпечатки пальцев находят на стреле, к которой вы не прикасались, а виски снова оказалось в графине без всяких отпечатков на нем. Я правильно понимаю вашу позицию? Благодарю вас. Можете ли вы ожидать, что жюри этому поверит?

Последовала пауза. Ансуэлл окинул взглядом зал суда.

— Сейчас я вообще не рассчитываю, что кто-нибудь чему-нибудь поверит, — спокойно отозвался он. — Если вы думаете, что каждый человеческий поступок совершается под влиянием какой-то причины, попробуйте поставить себя на мое место, и вы увидите, как вам понравятся собственные слова.

Резкий упрек судьи остановил обвиняемого, но он уже полностью справился с нервозностью.

— Понятно, — невозмутимо произнес сэр Уолтер. — Далее вы заявите, что ваши поступки не обусловлены никакими причинами?

— Я всегда думал, что обусловлены.

— В том числе ваши действия вечером 4 января?

— Да. Я держал рот на замке, когда со мной говорили так, как вы сейчас.

Последовал еще один судейский упрек, но Ансуэлл производил куда лучшее впечатление, чем во время прямого допроса. Это впечатление было иррациональным, так как сэр Уолтер связывал его сознание в такие узлы, что едва ли даже три человека в зале верили хотя бы одному его слову. Г. М. он здорово подвел, но меня интересовало, не входило ли это в планы старика.

— По вашим словам, причина, по которой вы отказались снять пальто и говорили с одним из свидетелей тоном, описанным другим свидетелем как «резкий», заключалась в том, что вы не хотели «выглядеть круглым дураком». Это так?

— Да.

— Вам казалось, что вы будете выглядеть более круглым дураком без пальто, чем в нем?

— Да. Нет. Я имею в виду...

— Что именно?

— Просто я так чувствовал.

— А не остались ли вы в пальто, не желая, чтобы кто-нибудь заметил, как оттопыривается ваш карман, где лежит пистолет?

— Нет. Я никогда об этом не думал.

— Никогда не думали о пистолете в вашем кармане?

— Да. Вернее, в моем кармане не было никакого пистолета.

— Теперь я снова привлекаю ваше внимание к заявлению, которое вы сделали полиции вечером 4 января. Вы понимаете, что ваши сегодняшние показания прямо противоречат этому заявлению.

Ансуэлл снова начал теребить галстук.

— Нет, не понимаю.

— Позвольте зачитать вам кое-что из него, — сказал сэр Уолтер с той же невозмутимостью. — «Я прибыл в его дом в половине седьмого. Он дружески приветствовал меня». Теперь же вы даете понять, что его поведение было отнюдь не дружелюбным, верно?

— Да, пожалуй.

— Какому же из двух ваших утверждений мы должны верить?

— Обоим. Я имею в виду, что в тот вечер мистер Хьюм принимал меня за другого и его поведение не было дружелюбным, но ко мне он относился вполне по-дружески.

Несколько секунд сэр Уолтер молча смотрел на обвиняемого, потом опустил голову, словно пытаясь понять услышанное.

— Мы не станем задерживать суд, разбираясь в этом, — боюсь, вы не поняли мой вопрос. За кого бы он вас ни принимал, было ли его отношение дружеским во время вашего разговора?

— Нет.

— Это я и хотел выяснить. Значит, эта часть вашего заявления ложна, не так ли?

— Тогда я считал ее правдивой.

— Но с тех пор вы полностью изменили мнение? Очень хорошо. Далее вы заявили нам: «Он сказал, что хочет выпить за мое здоровье, и дал полное согласие на мой брак с мисс Хьюм». Поскольку теперь вы считаете, что мистер Хьюм держался недружелюбно, как вы соотнесете эти слова с недружелюбным поведением?

— Я его неправильно понял.

— Иначе говоря, — сказал генеральный прокурор, — то, в чем вы сейчас хотите убедить присяжных, прямо противоречит некоторым наиболее существенным фрагментам ваших предыдущих заявлений?

— Формально — да.

Битый час сэр Уолтер Сторм разбирал свидетеля на мелкие детали, как часы. Он тщательно проанализировал все показания и наконец сел с самым сокрушительным результатом, какой я когда-либо слышал. Следовало ожидать, что Г. М. возобновит прямой допрос, чтобы реабилитировать своего свидетеля. Но он сказал:

— Вызовите Мэри Хьюм.

Надзиратель отвел Ансуэлла на скамью подсудимых. Ему принесли из камеры кружку воды, и он жадно ее выпил, бросив быстрый взгляд поверх ободка, когда Г. М. вызвал следующего свидетеля.

Где находилась Мэри Хьюм во время предыдущих допросов, никто не мог сказать. Она словно внезапно появилась в зале суда. Выражение лица Реджиналда Ансуэлла изменилось — он выглядел так, будто кто-то похлопал его по плечу сзади и ему не хотелось оборачиваться. Медленно барабана пальцем по бутылке с водой, он бросил взгляд на обвиняемого, который улыбался.

Направляясь к свидетельскому месту, Мэри Хьюм посматривала на затылок капитана Ансуэлла. За исключением инспектора Моттрама, она выглядела самой спокойной из всех, кто уже давал показания (во всяком случае, производила такое впечатление). На ней было манто из соболей — великолепного качества, как заверила меня Эвелин, — но оно могло служить одним из средств обороны. Разделенные пробором и зачесанные

назад светлые волосы (она была без шляпы) подчеркивали мягкость и своеобразную чувственность лица, где доминировали широко расставленные голубые глаза. Она вцепилась в перила вытянутыми руками, словно катаясь на акваплане. В ее поведении больше не ощущалось покорности, которую я видел ранее.

— Вы клянетесь именем всемогущего Бога, что ваши показания...

— Да.

— Она напугана до смерти, — шепнула Эвелин.

Я возразил, что девушка никак этого не демонстрирует, но Эвелин только покачала головой и снова кивнула в сторону свидетельницы.

В любом случае само присутствие Мэри предвещало грозу. Даже маленький рост, казалось, усиливал ее значимость. Пресса сразу оживилась. Г. М. ждал, пока смолкнет гул голов. Только судья казался невозмутимым.

— Хмф! Ваше имя Мэри Элизабет Хьюм?

— Да.

— Вы единственный ребенок покойного и проживаете на Гроувнор-стрит, 12?

— Да, — ответила Мэри, кивнув как сомнамбула.

— Вы познакомились с обвиняемым на рождественских каникулах в Фроненде, графство Суссекс?

— Да.

— Вы любите его, мисс Хьюм?

— Очень люблю. — Ее глаза блеснули.

В зале царил тишина.

— Вы знаете, что его обвиняют в убийстве вашего отца?

— Конечно, знаю.

— А теперь, мэм... мисс, я попрошу вас взглянуть на это письмо. Оно датировано 3 января и половиной десятого вечера — вечера накануне убийства. Скажите присяжным, вы ли его написали.

— Да, я.

Письмо, зачитанное вслух, гласило:

«Дорогой папа!

Джимми внезапно решил завтра утром поехать в Лондон, и я подумала, что лучше сообщить тебе об этом. Он отправит-

ся поездом, которым обычно пользуюсь я, — отходящим отсюда в девять и прибывающим на вокзал Виктория без четверти одиннадцать. Я знаю, что он собирается повидаться с тобой.

С любовью

Мэри.

Р. С. Позаботься о другом деле, ладно?»

— Вам известно, получил ли ваш отец это письмо?

— Да, получил. Услышав о его смерти, я, естественно, сразу поехала в Лондон и в тот же вечер нашла письмо у него в кармане.

— По какому поводу вы его написали?

— Вечером в ту пятницу Джим неожиданно решил ехать в Лондон, чтобы купить мне обручальное кольцо.

— Вы пытались разубедить его — отговорить от поездки?

— Да, но не особенно, чтобы не вызвать у него подозрений.

— Почему вы пытались его отговорить?

Свидетельница облизнула губы.

— Потому что его кузен, капитан Ансуэлл, поехал в Лондон в пятницу вечером с намерением повидать моего отца на следующий день, и я боялась, что он и Джим столкнутся в отцовском доме.

— У вас была причина не хотеть, чтобы они встретились в доме вашего отца?

— Да!

— Какая причина?

— Немного раньше, на той же неделе, — ответила Мэри Хьюм, — капитан Ансуэлл потребовал у меня — вернее, у моего отца — пять тысяч фунтов за молчание.

Глава 12

ОТ НАХОДКИ — К ПРОВЕРКЕ...

— Вы имеете в виду этого человека? — спросил Г. М., указывая ручищей на Реджиналда.

Казалось, на него направили луч прожектора. Лицо капитана Ансуэлла приобрело странный грязноватый оттенок; он

сидел прямо, и было хорошо видно, как вздымается его грудь. Вспоминая прошедшие события, я начал многое понимать. Реджиналд считал себя в полной безопасности — его отношения с этой девушкой не допускали и мысли, что она осмелится его выдать. Мэри даже обещала ему с превосходно разыгранным страхом, что будет молчать. Теперь становились понятными обрывки их разговора: «Спасибо за все...», «Это честный обмен. Значит, договорились?», «Ты меня знаешь, Редж». А тем временем она уже приняла решение...

Голоса в зале суда быстро сменяли друг друга.

Первым заговорил генеральный прокурор:

— Капитан Ансуэлл привлечен к суду?

— Еще нет, — ответил Г. М.

— Продолжайте, сэр Генри, — сказал судья.

Г. М. повернулся к свидетельнице, которая упорно смотрела на затылок Реджиналда.

— Итак, капитан Ансуэлл требовал у вас — точнее, у вашего отца — пять тысяч фунтов за молчание?

— Да. Конечно, он знал, что у меня нет таких денег, но не сомневался, что сможет вытянуть их у отца.

— Угу. Чем он вас шантажировал?

— Я была его любовницей.

— Да, но существовала и куда более веская причина?

— О да.

Второй раз во время процесса обвиняемый вскочил, пытаясь заговорить со скамьи подсудимых. Он явно не ожидал такого. Г. М. жестом остановил его.

— В чем заключалась эта другая причина, мисс Хьюм?

— Капитан Ансуэлл фотографировал меня.

— В каком виде?

— Без одежды и в... определенных позах, — невнятно ответила она.

— Я не расслышал, — сказал судья. — Пожалуйста, повторите.

— Я сказала «без одежды и в определенных позах», — четко произнесла Мэри Хьюм.

Безжалостное спокойствие судьи покорило всех в зале.

— В каких позах? — осведомился он.

— Милорд, — вмешался Г. М., — исключительно с целью объяснить, почему обвиняемый избегал говорить об этом и

почему он так вел себя, я принес одну из фотографий. На ее обороте написано: «Одна из лучших штучек, которые ты для меня проделывала» — почерком, который, как я надеюсь, свидетельница опознает как принадлежащий капитану Ансуэлли. После этого я предлагаю передать фотографию присяжным, как доказательство того, что мы стараемся установить.

Когда судья смотрел на фотографию, в зале царил мертвая тишина. Все смотрели на свидетельницу, очевидно представляя ее совсем в другом одеянии — или вовсе без оно. Сэр Уолтер Стом не комментировал и не протестовал.

— Можете показать фотографию жюри, — сказал судья.

Снимок проследовал вдоль двух рядов бесстрастных лиц.

— Сколько существует подобных фотографий?

— Около дюжины.

— Та, которую вы передали мне в качестве доказательства, единственная, которой вы располагаете?

— Да. Остальные у Реджа. Он обещал отдать мне их, если я не заявлю в суде о его попытке шантажировать меня.

Реджиналд Ансуэлл медленно поднялся и начал пробираться к выходу из зала суда, стараясь идти небрежной походкой. Разумеется, никто не пытался его остановить. Но Г. М. намеренно сделал паузу, позволив залу сфокусировать на нем внимание, подобно его же собственной фотокамере. Стулья, люди за солиситорским столом, локти, ноги — все, казалось, встало на пути у Реджиналда, вынуждая его идти быстрее. Казалось, кто-то пытается выйти из театрального зала в темноте, наступая всем на ноги. Подходя к двери, он уже почти бежал. Дежурный полицейский бросил на него взгляд и шагнул в сторону. Мы услышали шорох стеклянной двери в холл.

— Давайте вернемся к фотографиям, — заговорил Г. М. — Когда они были сделаны?

Мэри облизнула губы.

— Около года назад.

— Вы прекратили вашу связь с капитаном Ансуэллом до знакомства с обвиняемым?

— Задолго до того.

— Вы требовали у капитана фотографии?

— Да, но он смеялся и говорил, что от них никакого вреда.

— Что сделал капитан Ансуэлл, услышав о вашей помолвке с обвиняемым?

— Отвел меня в сторону и поздравил. Он сказал, что одобряет мой выбор.

— А еще?

— Редж добавил, что, если я не заплачу ему пять тысяч фунтов, он покажет фотографии Джиму. Он сказал, что не понимает, почему бы ему на этом не заработать, когда у всех полным-полно денег.

— Это произошло в течение недели между 28 декабря и 4 января?

— Да.

— Пожалуйста, продолжайте, мисс Хьюм.

— Я ответила, что он, должно быть, спятил, так как ему лично известно, что у меня никогда не было даже пяти тысяч пенни. На это он сказал, что мой отец охотно заплатит и больше, так как его величайшая мечта — устроить для меня выгодный брак, а теперь...

— А теперь?

— А теперь, должно быть, отчаялся когда-либо осуществить...

— Погодите, мэм. У вас бывало что-нибудь подобное и раньше?

— Нет-нет! Я просто передаю вам то, что Редж... что капитан Ансуэлл говорил мне. Он сказал, что мой отец не позволит каким-то пяти тысячам фунтов помешать мне заполучить такой выгодный улов, каким является Джим Ансуэлл.

Г. М. внимательно разглядывал ее.

— Ваш отец был весьма упорным человеком, не так ли?

— Да.

— Когда он чего-либо хотел, то добивался этого?

— Да, всегда.

— Ваш отец знал что-нибудь об этих фотографиях?

Ее голубые глаза широко открылись, словно она не могла понять цели столь нелепого вопроса.

— Конечно нет! Рассказать ему было почти так же тяжело, как...

— Но вы все-таки рассказали ему?

— Мне пришлось это сделать.

— Объясните, как это произошло.

— Ну, Редж... капитан Ансуэлл сказал, что дает мне пять дней на то, чтобы раздобыть деньги. Это было в среду. Я написала отцу, что должна срочно повидать его в связи с чем-то очень важным, касающимся моего брака. Я не могла без объяснений покинуть дом, где гостила, тем более что Джим бросался деньгами направо и налево, отмечая помолвку, и все местные благотворители приходили благодарить нас. Поэтому я спросила отца, не может ли он приехать в четверг утром и встретиться со мной в деревне около Фроненда...

— Да, продолжайте.

— Я встретила с ним в гостинице «Голубой вебрь» по дороге в Чичестер. Я ожидала, что отец придет в ярость, но он молча слушал меня, расхаживая по комнате и заложив руки за спину, а потом сказал, что пять тысяч фунтов — абсолютно нелепое требование. Он мог бы заплатить меньшую сумму, но недавно перенес несколько финансовых потерь и фактически рассчитывает на деньги Джима. Я сказала, что, может быть, капитан Ансуэлл согласится снизить цену. «Мы не станем ему платить, — ответил отец. — Предоставь его мне, и я заставлю его замолчать».

— Ого? «Предоставь его мне, и я заставлю его замолчать». Как он выглядел, говоря это?

— Он был белым как бумага и, думаю, убил бы Реджа, если бы тот находился там.

— Хмф! Выходит, — заметил Г. М., — теория, что ваш отец, пытаясь заставить капитана Ансуэлла замолчать, дал ему отравленный виски, выглядит не так уж глупо, как старался представить ее мой ученый друг, а? — Он поспешил добавить, прежде чем кто-то успел возразить против последнего замечания: — Ваш отец говорил вам, как он намерен заставить замолчать капитана Ансуэлла?

— Он сказал, что вернется в Лондон и все обдумает, и велел сообщить ему, если Редж предпримет еще какой-то шаг.

— И больше ничего?

— Ах да, он просил меня попытаться выяснить, где Редж хранит фотографии.

— И вы попытались?

— Да, но только все испортила. Редж засмеялся и сказал: «Так вот оно что? В таком случае, малютка, я немедленно отправлюсь в Лондон и увидаю твоего отца».

— Это было в пятницу, не так ли?

— Да.

— Что вы сделали?

— Я позвонила отцу в пятницу вечером...

— Это был тот звонок, о котором мы слышали?

— Да. Предупредить его и спросить, что он собирается предпринять.

Г. М. делал гипнотические пассы.

— Я хочу, чтобы вы как можно точнее повторили то, что он тогда говорил.

— Постараюсь. Отец сказал мне: «Очень хорошо — все уже подготовлено. Я свяжусь с ним завтра утром, приглашу его сюда и обещаю тебе, что больше он нас не побеспокоит».

Г. М. повторил эти слова, словно стремясь крепче вдолбить их в головы присяжных.

— Он объяснил вам, каким образом заставит умолкнуть капитана Ансуэлла?

— Нет. Я расспрашивала его, но он не стал объяснять. Отец только спросил меня, где сможет найти Реджа, и я ответила, что в квартире Джима. «Так я и думал, — сказал он. — Я уже был там».

— Он сказал, что уже был там? — Г. М. повысил голос. — А он упоминал, что украл в квартире капитана Ансуэлла его пистолет?

Эффект этих слов нарушило вмешательство судьи.

— Свидетельница уже говорила вам, сэр Генри, что больше ничего не слышала.

Г. М. с удовлетворением похлопал себя по парикау.

— И после всего этого, — продолжал он, — ваш жених внезапно решил тоже ехать в Лондон, а вы испугались, как бы чего не случилось?

— Да. Я с ума сходила от страха.

— Поэтому вы написали вашему отцу в пятницу вечером насчет телефонного звонка?

— Да.

— А постскрипtum «Позаботся о другом деле, ладно?» относится к эффективному способу заткнуть рот капитану Ансуэллу?

— Да, конечно.

Г. М. шумно высморкался.

— Еще один маленький пункт. Один из свидетелей заявил здесь о довольно странном поведении вашего отца, когда он получил ваше письмо в субботу утром за завтраком. Он отошел к окну и мрачным тоном сообщил, что ваш жених сегодня приезжает в Лондон и собирается повидать его. Тогда свидетель сказал: «Значит, нам не придется ехать в Суссекс — мы пригласим его к обеду» или что-то в этом роде. Покойный ответил, что двое остальных поедут в Суссекс, как было условлено, и добавил: «Мы не будем приглашать его ни к обеду, ни куда-либо еще». — Г. М. хлопнул ладонью по столу. — Он имел в виду, что они не станут приглашать его к обеду, дабы два кузена не столкнулись друг с другом?

Сэр Уолтер Сторм наконец зашевелился:

— Милорд, я снова вынужден протестовать против постоянных попыток спрашивать свидетельницу о событиях, которые она не видела, и словах, которые она не слышала, тем более в форме наводящего вопроса.

— Не отвечайте на это, — распорядился судья Рэнкин.

— По вашему мнению, — осведомился Г. М. после обычного полуиронического извинения, — судя по тому, что вы видели и слышали, рассказанное вами объясняет, что действительно произошло в вечер убийства?

— Да.

— Хватило бы этой женщине смелости пройти через все это, если бы она не была абсолютно уверена в невинности подсудимого?

Г. М. притворился, что ожидает ответа, потом сел со стуком, сотрясшим скамью.

В зале повсюду слышался шепот. Мэри Хьюм рисовала пальцем узоры на перилах, время от времени поднимая взгляд, покуда генеральный прокурор готовился к перекрестному допросу. Ее хорошенькое личико покраснело, и она как бы машинально куталась в соболя. Сколько еще ей удастся продержаться, было трудно сказать. Мэри нанесла серьез-

ный ущерб обвинению — становилось ясно, что многие показания Ансуэлла, казавшиеся нелепыми и путаными, были правдой. И присяжные, безусловно, это понимали. Но шепот становился все громче, как шелест леса. Кто-то осведомился, собираются ли показать фотографию. Я заметил, что места прессы полностью пустуют, хотя не припоминал, чтобы кто-нибудь из них выходил. Услышанное наверняка станет темой для заголовков газет и разговоров в каждом британском доме.

— Ну, держись! — шепнула мне Эвелин, когда сэр Уолтер Сторм поднялся для перекрестного допроса.

Его манеры и голос буквально источали сочувствие и предупредительность.

— Поверьте, мисс Хьюм, мы очень ценим вашу откровенность и смелость. В то же время вы не колебались, позируя, кажется, для дюжины этих фотографий?

— Для одиннадцати.

— Хорошо, для одиннадцати. — Он сделал паузу, поправляя книги на столе. — Насколько я понимаю, мисс Хьюм, во время убийства вы были осведомлены обо всем, о чем упоминали в ваших показаниях?

— Да.

— Кажется, вы заявили, что, услышав о смерти вашего отца, поспешили в Лондон и прибыли домой тем же вечером?

— Да.

— Однако вы не упомянули о поведенных нам только что примечательных обстоятельствах полиции — ни тогда, ни в другое время?

— Нет.

— А кому-либо еще?

— Только... — Она жестом указала на Г. М.

— Вы сознаете, мисс Хьюм, что, если бы вы предоставили полиции эту информацию и сообщили, что капитан Ансуэлл пытался вас шантажировать, вам бы не понадобилось приносить эту фотографию в суд? Или подвергать себя унижительному публичному допросу?

— Да, сознаю.

— Полагаю, этот опыт не может быть вам приятен?

— Нет. — Взгляд девушки стал напряженным.

— Тогда почему вы не упоминали об этом раньше и не принесли заключенному ту пользу, которую могли, не доводя дело до показаний в суде?

— Я...

— Не потому ли, что вы считали подсудимого виновным, а эти фотографии — не имеющими отношения к его преступлению?

Г. М. с усилием поднялся:

— Оценивая предупредительность моего ученого друга, мы все же хотели бы знать, какую цель преследуют эти вопросы. Принято ли Короной, что, как мы предполагали все время, произошла путаница между Кэплом Ансуэллом и капитаном Ансуэллом и что покойный усыпил одного, пытаясь заставить замолчать другого?

Сэр Уолтер улыбнулся:

— Едва ли. Мы принимаем фотографию как факт и принимаем предположение, что ее сделал капитан Ансуэлл, но отрицаем, что эти два пункта имеют отношение к рассматриваемому делу — виновности или невиновности подсудимого.

Эвелин резко ткнула меня локтем:

— Неужели они станут оспаривать очевидное? Для меня это ясно как день.

Я ответил, что она предубеждена.

— Сторм вполне искренен: он считает, что Ансуэлл — убийца, изворачивающийся перед изобличающими его фактами. Он будет доказывать, что девушка лжет, пытаясь его выгородить, что хотя между Реджиналдом и Мэри Хьюм существовала связь, но никаких попыток шантажа со стороны Реджиналда не было и что все это — лишь последние усилия защиты.

— По-моему, звучит глупо. Ты этому веришь?

— Нет, но посмотри на двух женщин в жюри.

— Возможно, я выразился не вполне ясно, — продолжал сэр Уолтер. — Позвольте мне попробовать снова. Все, что вы сообщили нам сегодня, вы могли сообщить в любое время после ареста обвиняемого?

— Да.

— Не было бы это так же полезно для него тогда, как, по мнению моего ученого друга, полезно теперь?

— Я... я не знаю.

— Тем не менее вы об этом не упоминали?

— Нет.

— Вы предпочли выставить себя на всеобщее обозрение (прошу прощения за терминологию, мисс Хьюм, но боюсь, что это необходимо), чем объяснить все раньше?

— Это уже слишком, сэр Уолтер, — резко вмешался судья. — Должен напомнить вам, что это не суд нравов. В прошлом мы так часто страдали из-за тех, кто пытался действовать, руководствуясь обратным впечатлением, что я вынужден упомянуть об этом сейчас.

Обвинитель поклонился:

— Как вам будет угодно, милорд. Лично мне казалось, что я придерживаюсь правил перекрестного допроса... Вы говорили нам, мисс Хьюм, что вечером в пятницу 3 января капитан Ансуэлл поехал из Фроненда в Лондон с целью повидать на следующий день вашего отца?

— Да.

— Чтобы вытянуть из него деньги?

— Да.

— Тогда почему же он не встретился с вашим отцом?

Девушка открыла рот и застыла. До сих пор, несмотря на хрупкую внешность, она держалась достаточно уверенно.

— Позвольте задать вопрос яснее. Несколько свидетелей заявили — фактически были вынуждены это сделать под давлением моего ученого друга, — что всю субботу ваш отец не принимал никаких посетителей, не получал сообщений и не отвечал на телефонные звонки, кроме тех, о которых было упомянуто. Капитан Ансуэлл не приближался к нему и не пытался с ним связаться. Как это сочетается с вашим заявлением, что капитан Ансуэлл поспешил в Лондон с указанной вами целью?

— Не знаю.

— Я утверждаю, мисс Хьюм, что в субботу 4 января капитан Ансуэлл вообще не был в Лондоне.

— Но этого не может быть!

— Согласитесь ли вы с моим заявлением, мисс Хьюм, основанном на рапортах полицейских, которые отслеживали передвижения каждого, связанного с этим делом, что в пятницу капитан Ансуэлл поехал в Рочестер навестить друзей и не появлялся в Лондоне почти до полуночи в субботу?

— Нет!

— Согласитесь ли вы с моим утверждением, что он говорил нескольким людям в Фроненде о своем намерении поехать в Рочестер, а не в Лондон?

— Ответа не последовало.

— По крайней мере, вы согласитесь, что если он был в Рочестере, то не мог быть в Лондоне?

— Возможно, он солгал мне.

— Вполне возможно. Давайте рассмотрим другой аспект. Вы говорите, что эти фотографии сделаны год назад?

— Примерно — может быть, немного больше года.

— Через сколько времени после этого вы прекратили вашу связь с капитаном Ансуэллом?

— Спустя примерно месяц.

— И в течение всего последующего времени он не пытался вытягивать из вас деньги?

— Нет.

— Или вообще использовать фотографии с целью угрозы?

— Нет. Но разве вы не видели его лицо, когда он выбегал из зала?

— Это не тот вопрос, который может привлечь наше внимание, мисс Хьюм. Но я могу сделать предположение о причинах, в корне отличных от шантажа, по которым эта тема могла его смутить. А вы?

— Не отвечайте, — распорядился судья, отложив ручку. — Обвинитель только что информировал вас, что эта тема не является существенной.

— Значит, вы заявляете, что все это время со стороны капитана Ансуэлла не было никаких попыток шантажа?

— Да.

— Вам известно, что вы находитесь под присягой?

— Конечно.

— Я полагаю, что весь рассказ о шатажирующих действиях капитана Ансуэлла и желании вашего отца «заставить его замолчать» — от начала до конца неуклюжая фабрикация.

— Нет, нет, нет!

Посмотрев на нее, сэр Уолтер покачал головой, пожал плечами и сел.

Если кто-нибудь из присутствующих ожидал от Г. М. возобновления прямого допроса, то он был разочарован. Г. М. поднялся с почти усталым видом.

— С целью прояснить это дело раз и навсегда, — четко произнес он, — я вызываю доктора Питера Куигли.

Я был уверен, что прозвучит имя, слышанное мною ранее, но ошибся. Мужчина, занявший свидетельское место, был мне незнаком. Это был флегматичный шотландец, чей голос, однако, резко акцентировал каждый слог. Хотя ему не могло быть больше тридцати с небольшим, он производил впечатление человека гораздо более зрелых лет.

— Ваше полное имя? — начал Г. М. в своей обычной небрежной манере.

— Питер Макдоналд Куигли.

— Вы окончили медицинский факультет университета Глазго и имеете степень в криминалистике от Зальцбургского университета?

— Да.

— Хмф. Кем вы работали в течение месяца с 10 декабря прошлого года по 10 января этого года?

— Ассистентом доктора Трегэннона в его частной лечебнице в Диттоне-на-Темзе, графство Суррей.

— Каким образом вы заняли это место?

— Я должен объяснить, что являюсь агентом Международного медицинского совета, британское отделение которого расследует слухи или обвинения, которые невозможно доказать обычным способом, кроме как прибегнув к помощи специалистов по душевным заболеваниям.

— То, что вы собираетесь сообщить нам, содержится в вашем отчете Британскому медицинскому совету и одобрено им?

— Да.

— Вы были знакомы с покойным Эйвори Хьюмом?

— Был.

— Можете сказать нам, пытался ли капитан Ансуэлл вытянуть у покойного деньги посредством шантажа?

— Насколько я знаю, да.

— Теперь расскажите нам все, что вам известно об этом деле.

— В пятницу 3 января...

Первые слова доктора Куигли утонули в шуме зала и шепоте Эвелин. Надежность этого свидетеля не могла вызвать сомнений. С кажущейся беспечностью Г. М. разбивал дело Короны на мелкие кусочки. Он позволял обвинению вести перекрестный допрос сколько угодно и не стал возобновлять прямой допрос. Мне снова пришли в голову строки песни, которые цитировал Г. М. и которые больше походили на формулу, чем на припев: «От находки — к проверке, от проверки — к взгляду, от взгляда — к убийству утром».

— В пятницу 3 января...

Глава 13

ШТЕМПЕЛЬНАЯ ПОДУШЕЧКА — ЭТО КЛЮЧ

Поскольку сенсационные показания задержали утреннее заседание, было уже два часа дня, когда Г. М., Эвелин и я снова сидели за ленчем в верхней комнате таверны «Голова Мильтона» на Вуд-стрит. Г. М. с торчащей во рту сигарой, при свете огня в камине похожий на огромного китайского идола, отодвинул свою тарелку.

— Ну, тупоголовые вы мои, теперь вы понимаете, что произошло. Не так ли?

— Большой частью — да. Но многие связующие звенья отсутствуют. И каким образом вы вышли на Куигли?

— Сидя и думая. Вы знаете, почему я вообще взялся за это дело?

— Потому что, — вполне искренне ответила Эвелин, — девушка пришла к вам в слезах, а вам нравится видеть молодежь довольной жизнью.

— Я этого ожидал, — с достоинством произнес Г. М. — Черт побери, вот благодарность, которую я получаю от всех; вот ваше мнение о молчаливом сильном человеке, который... Ладно, теперь слушайте меня. Мне нравится исправлять извращенность. В прошлом вы неоднократно слышали, как я говорил об извращенности мира в целом, и, полагая, думали, что это всего лишь мой способ выпустить пар. Но я говорил вполне серьезно. Вспомните, как часто вы опаздывали на поезд, когда вам предстояла важная встреча, или забывали дома бумажник, ведя де-

вушку в ресторан. Но вам когда-нибудь приходило в голову, что это относится и к куда более серьезным вещам? Вспомните вашу жизнь и подумайте, много ли важных событий, происшедших с вами, были следствием чьих-то усилий причинить зло, сделать добро или вообще чьих-то усилий, а не просто треклятой извращенности абсолютно всего на свете?

Я с любопытством смотрел на Г. М. Он яростно попыхивал трубкой, но мне казалось, что вспышка вызвана облегчением. Его главный свидетель положил сэра Уолтера Сторма на обе лопатки.

— Надеюсь, вы не делаете из этого религию? — осведомился я. — Потому что если вам кажется, что в мире все объединяется в заговоре с целью дать хороший пинок в зад, то вы можете спокойно удалиться в Дорсет и писать романы.

— Это доказывает, — ухмыльнулся Г. М., — что единственная разновидность извращенности этого мира, которую вы в состоянии представить, — та, что сажает вас в лужу. Как в греческой трагедии, где боги преследуют какого-нибудь беднягу, не оставляя ему ни единого шанса. Вам хочется сказать: «Играйте честно — дайте ему несколько хороших оплеух, если это необходимо, но не грузите кости так тяжело, чтобы парень не мог даже выйти в лондонский туман, не вернувшись домой с солнечным ударом». Нет, сынок, все в мире палка о двух концах, особенно извращенность. Она вовлекла Ансуэлла в эту передрагу и в то же время дала мне возможность вытащить его из нее. Суть в том, что вам никогда не объяснить это рационально — как хотелось бы Уолту Сторму. Назовите весь процесс как хотите — судьбой, роком, гибкостью неписаного закона, — но он останется извращенностью.

Возьмем, к примеру, это дело, — продолжал Г. М., жестикулируя сигарой. — Как только девушка пришла ко мне, я стал догадываться, что произошло в действительности. Вы, вероятно, тоже, когда слышали показания. Джим Ансуэлл принял телефонное сообщение, адресованное не ему, и прямоком шагнул в ловушку, приготовленную для кузена Реджиналда. Но ни Ансуэлл, ни девушка вначале не могли это осознать. Они были слишком близки к происшедшему, а в своем глазу невозможно разглядеть песчинку. Оба лишь знали о ее наличии. Но когда я месяц назад вытянул из Мэри Хьюм всю историю и

объяснил ей ситуацию, было уже поздно — дело передали в суд. Если бы она обратилась к ним тогда, ей бы не поверили, как Уолт Сторм абсолютно честно и искренне не верил ей сегодня.

Но я спрашиваю вас, что девушка могла подумать вначале? Она слышит, что ее отец мертв, мчится домой и застает жениха наедине с телом отца в пространстве, герметичном как сейф, с отпечатками его пальцев на стреле и всем прочим, указывающим на него. Как она может заподозрить подтасовку и связать это с кузеном Реджиналдом, если кто-нибудь не подскажет ей?

— И этим «кем-нибудь» были вы?

— Разумеется. Было очевидно, что старый Эйвори Хьюм сам устроил этот маленький фокус-покус с целью обмануть Реджиналда. Вы все это слышали. Он звонил в квартиру Ансуэлла с девяти утра, хотя Ансуэлл уже в первоначальном заявлении полиции указывал, что Хьюм должен был знать о его прибытии домой не раньше без четверти одиннадцать. Он неожиданно отпустил до утра кухарку и горничную. Он приказал закрыть ставни в кабинете, чтобы ничего нельзя было увидеть снаружи. Он привлек внимание дворецкого к тому, что на буфете стоят полный графин виски и полный сифон с содовой. Он запер на засов дверь кабинета изнутри, когда Ансуэлл находился наедине с ним. Он произнес достаточно громко, чтобы его мог слышать дворецкий: «Да что с вами? Вы сошли с ума?» Это была ошибка. Ибо ни один хозяин в мире, видя, как гость падает без сознания, не стал бы спрашивать, не сошел ли тот с ума. Он спросил бы: «Вам нехорошо?», или «Вы заболели», или даже «Вы пьяны?».

Итак, Эйвори Хьюм, несомненно, вел какую-то игру. Что он намеревался сделать? Заткнуть рот кузену Реджиналду, но не предлагая ему денег. Знаем ли мы что-нибудь о Реджиналде, что могло бы дать нам указание? Я узнал это от девушки, а вы, по вашим словам, подслушали сегодня. Разве нам, к примеру, не известно, что в семейной ветви Реджиналда были случаи безумия?

В моей памяти зазвучали голоса на лестнице Олд-Бейли. Реджиналд Ансуэлл и доктор Хьюм спускались вместе, проявляя лицемерное дружелюбие, сквозь которое просвечивала злоба. Реджиналд Ансуэлл сделал выпад как бы случайно: «Я

знаю, что в нашей семье были случаи безумия. Ничего особенного — легкое проявление несколько поколений тому назад...»

— Но вполне достаточное для задуманной цели, — продолжал Г. М. — Интересно, о чем тогда думали эти двое? Каждый из них знал правду, но оба собирались держать язык за зубами. Итак, в семье Реджиналда случалось безумие. А брат Эйвори Хьюма — врач, и для осуществления плана, должно быть, требовался весьма необычный наркотик. А один из ближайших друзей Спенсера Хьюма — доктор Трегэннон, специалист по душевным болезням, располагающий частной лечебницей. А необходимы два врача, чтобы удостовериться...

— Итак, они собирались запереть Реджиналда в сумасшедшем доме, — сказал я.

Г. М. наморщил лоб.

— Ну, тогда я только обдумывал такую возможность, — отозвался он, вставив сигару в рот и посасывая ее, как ребенок — мятную конфетку. — Но казалось вероятным, что Эйвори и Спенсер Хьюмы вели именно такую игру. Конечно, они допустили чудовищную ошибку, заманив в дом Джима вместо Реджиналда. Но отразилось ли это на деталях, которые мы обнаружили? Давайте посмотрим.

Реджиналда собираются пригласить в дом. Почему же он, учитывая безумие в семье, мог якобы внезапно помешаться? Это очень просто. О его связи с Мэри Хьюм было достаточно известно — даже Джим Ансуэлл это знал.

— А он знал о фотографиях? — с интересом осведомилась Эвелин.

— Хо-хо! Фотографии! — отозвался Г. М. — Нет, тогда не знал — он узнал о них позже, в кутузке, потому что я ему рассказал. Это причинило мне немало хлопот. Джим Ансуэлл не изображал юного героя, который скорее отважно шагнет в петлю, чем позволит другим узнать, что у его девушки была связь с другим мужчиной. Но когда дело дошло до фотографий, он не мог — не мог физически — заявить об этом в суде перед всем миром. Не мог, даже спасая свою жизнь. А вы бы могли?

— Не знаю, — признался я. Передо мной предстали, должно быть, те же видения, что и перед Ансуэллом. — Чем больше об этом думаешь, тем более дьявольским это выглядит.

— Зато девушка смогла, — радостно сказал Г. М. — Вот почему мне так нравится Мэри Хьюм — она необычайно искренняя и естественная. Судья тоже заслужил букетик. Когда Чокнутый Рэнкин отпустил замечание насчет того, что это не суд нравов, я едва не вскочил и не преподнес ему коробку сигар. Тридцать лет я ждал того, что судья примет факты без комментариев, и я говорил вам, что верю в Чокнутого. Но перестаньте меня прерывать, черт возьми!

Так на чем я остановился? Ага, вспомнил. О связи Реджиналда и Мэри Хьюм было известно достаточно широко. Было также известно, что у него нет ни гроша и что Эйвори Хьюм не допустит даже мысли о браке. А потом с девушкой обручается богатый кузен Джеймс. Реджиналд приходит повидать старика — и впадает в помешательство.

Вам ясен план Эйвори? Из кабинета слышатся гневные слова. Вскоре появляются свидетели и застают Реджиналда с его пистолетом в кармане — что предполагает насилие. Они также обнаруживают отпечатки его пальцев на стреле, которую явно сорвали со стены, что предполагает не только насилие, но и безумие. Они находят волосы Реджиналда растрепанными, а галстук — свисающим наружу. Они застают Эйвори Хьюма в помятом костюме, с явными признаками борьбы. А что говорит сам Реджиналд, выглядевший так, словно он не знает, где находится? Он говорит, что ему дали наркотик и что это подтасовка. Но там присутствует медик, который клянется, что Реджиналд не принимал никакой наркотик, а на буфете стоит полный графин виски. Не вижу, что еще можно было проделать, — разве только продемонстрировать парня с застрявшей в волосах соломой.

Каков же должен быть лозунг, когда Реджиналда обнаружат? «Ш-ш! Тише! Помалкивайте! Пусть об этом знают только свидетели, которые могут удостоверить подлинность происшедшего». Не должно стать известным, что бедняга лишился рассудка. Комиссия по установлению невменяемости не должна слышать об этом. Парень продолжает лепетать о Мэри Хьюм, каких-то фотографиях и подтасовке? Тем больше оснований, чтобы такую чудовищную клевету не распространял даже помешанный. Почему бы не отправить его в лечебницу доктора Трегэннона под опеку Спенсера Хьюма? Даже Джим

Ансуэлл, когда ему придется сообщить печальные новости, будет держать язык за зубами. Он не захочет трубить накануне своей свадьбы, что его двоюродный брат взят под наблюдение психиатров.

Конечно, оба врача изымут личные вещи Реджиналда — одежду, ключи и так далее. Где бы он ни прятал фотографии, они их найдут и сразу же сожгут. — Г. М. щелкнул пальцами и фыркнул. — Вот и все, тупоголовые вы мои. Это даже не дорого обойдется. Реджиналд останется под присмотром, пока не пообещает быть хорошим, — и поделом ему! Жаль, что план не сработал. Даже если бы кузен Реджиналд не обещал исправиться, он не смог бы ничего доказать — его все еще долго бы считали рехнувшимся, а дочка Эйвори Хьюма уже была бы замужем. Такое случалось и раньше. Это вполне respectable способ избежать скандала.

Мы задумались. Замысел предстал перед нами в больших подробностях, чем излагаемый со свидетельского места бесстрастным голосом доктора Куигли.

— Очевидно, Эйвори Хьюм был крутым субъектом, — заметил я.

Г. М. удивленно заморгал.

— Не особенно, сынок. Он просто был реалистом. Кто-то его шантажировал, — значит, следовало что-то предпринять. И он предпринял. Вы слышали в суде его дочь. Я не возражаю против людей такого типа. Как я сказал, мне жаль, что план не сработал и что нашего Реджиналда не отправили в психушку, где ему бы стало очевидно, что не всякие способы добычи денег хороши. Но я старомодный адвокат, Кен, и моя цель — не дать повесить моего клиента. Поэтому я сразу решил найти свидетеля, который знал кое-что об этом плане. В случае необходимости я даже был готов подкупить Трегэннона, чтобы он заговорил...

— Вы сказали «подкупить»?

— Разумеется. Но я отыскал Куигли, так как Медицинский совет уже охотился за Трегэнноном. Кое-кто подслушал, как он, Эйвори и Спенсер обсуждали план кое-кого поместить в лечебницу Трегэннона в ожидании возможности его разоблачить. Это я и имел в виду, говоря, что извращенность — палка о двух концах.

— Но какова теперь линия защиты? Вы практически установили наличие заговора. Но откажется ли Сторм из-за этого от обвинения? Есть ли причина, по которой даже сейчас Ансуэлл не может быть виновен?

— Нет, — вздохнул Г. М. — Это меня и беспокоит.

Он отодвинул стул, поднялся и прошелся по комнате.

— Так какова же линия защиты?

— «Окно Иуды», — ответил Г. М., глядя поверх очков. — Взгляните на все показания с самого начала, как сделал я. Теперь, когда мы установили существование заговора, выясняется множество полезных деталей, направленных на то, чтобы план сработал. Но одна из них меня беспокоила. Эйвори и Спенсер действовали заодно с целью прищучить Реджиналда — отлично. В вечер спектакля Эйвори все устраивает так, чтобы выдворить из дома всех, кроме дворецкого. Амелия Джордан и доктор Хьюм собираются ехать в Суссекс. Но я сказал себе: Спенсера нельзя было отсылать! Он был нужен брату. Кто должен был войти в кабинет, обследовать предполагаемого психа, цокнуть языком и заявить, что тот не принимал наркотик, если не доктор Хьюм? Он был стержнем всего плана.

— Да, если бы они не привлекли Трегэннона.

— Они едва ли стали бы помещать Трегэннона на сцену. Это выглядело бы чересчур подозрительно. Но если бы Спенсер как нельзя кстати болтался рядом со своим стетоскопом и все прошло бы чересчур гладко, это тоже могло вызвать удивление. Намек подала мисс Джордан, выступая вчера в суде, — я слышал ее заявление месяц назад и уже тогда обратил на это внимание. Помните, что она должна была сделать? Заехать на автомобиле за Спенсером в больницу и отправиться вместе с ним в деревню.

— Да, помню. Ну и что?

— А вы помните, — продолжал Г. М., широко открыв глаза, — что Спенсер просил ее сделать? Упаковать его чемодан и привезти его в больницу, чтобы ему не пришлось возвращаться домой. Будь я проклят, если припоминаю более ловкий трюк! Мисс Джордан должна была ехать в Суссекс, но Спенсер — нет! Единственный способ в этом мире наверняка не получить то, что вам нужно, — это попросить кого-то упаковать для вас чемодан. Этот человек добросовестно упаковывает все, что, по его

мнению, может вам понадобится. Но чего-то всегда недостает. В данном случае Спенсеру требовался только предлог. Амелия Джордан приехала бы в больницу с чемоданом. «Спасибо, — вежливо поблагодарил бы Спенсер. — А вы положили мои щетки с серебряным верхом?» Это мог быть также его халат, вечерние запонки или что угодно — ему оставалось только перебрать список, пока он не обнаружит что-то отсутствующее. «Господи, по-вашему, я могу без этого обойтись? — воскликнул бы он. — Боюсь, нам придется вернуться за этим домой».

Г. М., похлопывая себя по животу, так ловко изображал Спенсера Хьюма, что мы почти что слышали голос доктора.

— Они вернулись бы в дом, — добавил он, — как раз в тот момент, чтобы застать Эйвори Хьюма справившимся с маньяком, который пытался его убить. Ну, каково?

Последовала пауза.

— Трюк действительно ловкий и выглядел бы убедительно, — признала Эвелин. — А женщина — Амелия Джордан — участвовала в заговоре?

— Нет. Иначе не было бы причин для трюка с чемоданом. Ей предстояло стать одним из неподготовленных свидетелей. Двумя другими были Дайер и Флеминг.

— Флеминг?

Вынув изо рта сигару, Г. М. с мрачным видом снова сел за стол.

— Вы слышали показания. Эйвори просил его прийти приблизительно без четверти семь. Учитывая привычки Флеминга, он даже мог подозревать, что тот придет на несколько минут раньше. Теперь сосредоточьте внимание на элегантном расписании того, как должны были происходить события.

Эйвори велел предполагаемому будущему «маньяку» прийти в дом ровно в шесть и, помня о намерениях шантажиста, мог не сомневаться, что Реджиналд явится вовремя. Амелии Джордан Эйвори сказал, чтобы та уехала в автомобиле, который Дайер приведет из гаража, вскоре после четверти седьмого. Эйвори Хьюм был невероятно методичен и разработал эту часть своей аферы столь же тщательно, как разрабатывал бы условия залога недвижимости.

Ровно в шесть прибывает Реджиналд. Его увидят мисс Джордан и Дайер, который проводит гостя в кабинет. Затем Дайера

пошлют за автомобилем. Вероятно, Дайер замешкается в дверях кабинета на пару минут — не забывайте, его предупредили, что гостю нельзя доверять. Дайер покинет дом, скажем, в пять минут седьмого и вернется назад с машиной между десятью и пятнадцатью минутами седьмого. А между пятнадцатью и двадцатью минутами Амелия Джордан поедет в больницу.

Это всего лишь короткая поездка с Гроувнор-стрит на Прейд-стрит около Пэддингтона. Амелия Джордан прибудет в больницу, скажем, в 18.22. Она передаст чемодан Спенсеру, который обнаружит, что один из якобы необходимых предметов отсутствует. Они поедут назад и вернутся между двадцатью семью минутами и половиной седьмого.

К этому времени декорации будут установлены. Эйвори Хьюм поднимет крик, а когда Дайер прибежит и начнет стучать в дверь, откроет ее, продемонстрировав результаты жестокой борьбы в кабинете. Реджиналд, едва пришедший в себя после приступа «безумия», едва ли сможет многое сказать. Появится доктор, цокая языком. Покуда возбуждение еще не улеглось, прибудет Флеминг и станет последним свидетелем. Вот так.

Г. М. затыкнулся трубкой и взмахнул ею.

— Только это не сработало, — сказал я. — Кто-то воспользовался преимуществами плана и убил старика.

— Вот именно. Я объяснил вам, что должно было произойти, а теперь расскажу, что произошло в действительности. Я собираюсь в качестве наглядного пособия предложить вам хронометраж всего вечера. О большинстве официально зафиксированных моментов, вроде времени прибытия полиции или фактов, сосредоточенных непосредственно вокруг убийства, вы уже слышали в суде. Остальное не считалось прямыми уликами и не было подчеркнуто. Но у меня здесь полный график, заимствованный из полицейских протоколов, а также комментарии, которые я добавил после беседы с Ансуэллом и Мэри Хьюм. Предлагаю вам (господи, я уже начинаю ненавидеть это выражение!) использовать мозги на полную катушку во время его изучения — тогда вы узнаете многое.

Г. М. достал из внутреннего кармана плотный, потрепанный лист бумаги и аккуратно разложил его на столе. На нем стояла дата месячной давности. Хронометраж событий в ле-

вой колонке, очевидно, был отпечатан Лоллипоп, а комментарии в правой — нацарапаны синим карандашом самим Г. М. Вот как это выглядело:

Хронометраж	Комментарии
18.10. Ансуэлл прибывает в дом, и его провожают в кабинет. 18.11. Эйвори Хьюм посылает Дайера за машиной; дверь кабинета закрыта, но не заперта на засов. 18.11—18.15. Дайер задерживается в коридоре за дверью кабинета и слышит, как Ансуэлл говорит: «Я пришел сюда не убивать кого-либо, если только это не станет крайне необходимым». Потом он слышит резкий тон Хьюма, но не различает слова вплоть до последних фраз: «Да что с вами, приятель? Вы сошли с ума?» Из кабинета доносятся звуки, похожие на борьбу. Дайер стучит в дверь и спрашивает, все ли в порядке. Хьюм отвечает: «Я сам могу с этим разобраться. Уходите». 18.15. Дайер уходит за автомобилем. 18.29. Амелия Джордан заканчивает упаковку своего чемодана и чемодана, который просил ее упаковать доктор Хьюм. 18.30—18.32. Амелия Джордан спускается вниз. Идет по коридору в сторону двери кабинета. Слышит голос Ансуэлла: «Вставайте, черт бы вас побрал!» Пытается открыть дверь, но обнаруживает ее запертой на замок или на засов. 18.32. Дайер возвращается с машиной. 18.32—18.34. Амелия Джордан просит Дайера прекратить драку или привести Флеминга. Идет за Флемингом сама. 18.34. Застает Флеминга спускающимся с крыльца, чтобы идти в соседний дом.	Задержан туманом. Никакого упоминания о краже ложек. «Вы сошли с ума?» Звучит сомнительно. Проверить. «Борьба». Падение Ансуэлла? Была ли дверь тогда заперта на засов? Нет, иначе Дайер услышал бы звуки ржавого засова, входящего в гнездо. Послушен. Приходит в гараж в 18.18. Предположим, она что-то забыла? Должно быть, на засов. Замок был в положении «открыто». Рановато, но что из того?

18.35. Флеминг сопровождает ее. Они стучат в дверь кабинета.	
18.36. Ансуэлл открывает дверь.	
18.36—18.39. Обследование тела и комнаты. Никаких сомнений в том, что дверь и окна были заперты изнутри. Комментарий по поводу хладнокровного поведения Ансуэлла: «Вы что, сделаны из камня?» Ансуэлл отвечает: «Поделом ему за то, что он добавил мне что-то в виски». Расследование по поводу виски. Бутылка и сифон найдены полными, а стаканы — нетронутыми. Ансуэлл заявляет, что все это — подтасовка. Одно из перьев стрелы найдено поврежденным.	Наркотик еще действует. Брудин? Каким образом Хьюм избавился от первоначальных графина и сифона? Ансуэлл говорит, что в стакан ничего не добавляли — должно быть, в графин.
18.39. Флеминг посылает Амелию Джордан за доктором Хьюмом. Он хочет взять у Ансуэлла отпечатки пальцев. Дайер говорит, что в костюме Спенсера Хьюма лежит штемпельная подушечка.	Почему? Услужливый хлопотун?
18.39—18.45. Дайер не может найти подушечку или костюм. Вспоминает о старой подушечке в столе в кабинете. Ансуэлл возражает против взятия отпечатков, сбивает Флеминга с ног, но в конце концов падает духом и соглашается.	Был ли стол обыскан? (N. В. Был — я выяснил.)
18.45. Дайер выходит на улицу и зовет констебля Хардкасла.	

В этом месте вмешалась Эвелин:

— Означает ли это, что прошло только девять минут между тем, как они вошли в комнату, и тем, как Дайер ушел за полицейским? Судя по тому, как говорили об этом в суде, казалось, что прошло значительно больше времени.

— Конечно, — проворчал Г. М. — Так кажется всегда, когда говорят много. Но время запротоколировано точно.

— Больше всего меня озадачивает шум из-за штемпельных подушечек, — сказал я. — Вроде бы они не имеют никакого отношения к делу. Какая разница, взял или не взял Флеминг отпечатки пальцев у Ансуэлла? Полиция все равно занялась

бы ими и сравнила с отпечатками на стреле. Однако даже обвинение подчеркнуло этот момент.

Выпустив облако дыма, Г. М. откинулся назад с довольным видом и закрыл один глаз, чтобы дым не попал в него.

— Конечно, подчеркнуло, Кен. Но обвинение интересовали не штемпельные подушечки, а, собственно, момент, когда Флеминг пытался взять у Ансуэлла отпечатки. Ансуэлл — отнюдь не в состоянии оцепенения — так толкнул его, что тот пролетел через комнату. Так же внезапно он якобы атаковал покойного. Но я рад, что обвинение упомянуло о подушечках, иначе это пришлось бы сделать мне. Потому что меня очень интересует конкретная штемпельная подушечка — это ключ ко всей тайне. Вы понимаете это, не так ли?

Глава 14

ХРОНОМЕТРАЖ ДЛЯ ЛУЧНИКОВ

Это заявление, сделанное в маленькой комнате с низким потолком на верхнем этаже «Головы Мильтона», всегда останется одной из самых причудливых виньеток во всем деле. Отблески пламени играли на оловянных кружках, на огромных ботинках Г. М., на его очках и на лице, расплывшемся в веселой улыбке. Эвелин сидела закинув ногу на ногу, склонившись вперед и подпирая рукой подбородок. В ее карих глазах светилось раздражение, которое Г. М. умудрялся вызывать в каждой женщине.

— Вы отлично знаете, что мы не понимаем, — сказала она. — Нечего сидеть, строя рожи, как Тони Уэллер, думающий о том, что бы он хотел сделать со Стиггинсом!¹ Иногда вы бываете самым невыносимым человеком в мире! Почему вам так нравится все мистифицировать? Если бы здесь был мистер Мастерс, удовольствие было бы полным, не так ли?

— Мне это вовсе не нравится, черт возьми! — с самым серьезным видом возразил Г. М. — Напротив, люди привыкли мне пакостить, и я вынужден платить им тем же. Ладно, перейдем к делу. Прочтите хронометраж до конца. Я всего лишь спрашиваю вас: если убийца не Джим Ансуэлл, то кто же?

¹ Тони Уэллер, Стиггинс — персонажи романа Чарлза Дикенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

— Нет, спасибо, — отозвалась Эвелин. — Я слишком часто слышала такое раньше. Сначала вы предъявляете список подозреваемых, и мы делаем выбор, а потом всегда оказывается, что вы выбрали совсем другого. Очевидно, сейчас вы собираетесь доказать, что настоящий убийца — сэр Уолтер Сторм или судья Рэнкин. Нет уж, благодарю покорно.

— Что вы имеете в виду? — осведомился Г. М., глядя на нее поверх очков.

— Вот что. Вы обратили наше внимание на хронометраж, что является чертовски подозрительным знаком. Похоже, вы сосредоточились на людях, которые во время убийства находились рядом. Но как насчет остальных?

— Каких остальных?

— Есть еще по крайней мере трое. Я имею в виду Реджиналда Ансуэлла, доктора Хьюма и даже саму Мэри Хьюм. Например, генеральный прокурор сегодня указал мисс Хьюм, что Реджиналд вообще в тот день был в Рочестере и прибыл в Лондон не раньше полуночи. Вы не стали ему возражать — во всяком случае, не возобновили прямой допрос свидетельницы. Так где же в действительности был Реджиналд? Мы знаем, что он побывал в доме в вечер убийства, пусть даже значительно позже — я слышала, как он сам это говорил, спускаясь по лестнице в Олд-Бейли. Мэри Хьюм тоже была там и тоже поздно. И наконец, доктор, который сейчас отсутствует. Сначала вы заявили, что у доктора Хьюма есть алиби, но вчера вечером, по словам Кена, он написал письмо, где утверждал, что видел, как произошло убийство. Как вы намерены все это объяснить?

— Если вы дочитаете хронометраж... — начал Г. М., но оборвал фразу. — Кое-что из этого беспокоит и меня, — признался он. — Вы ведь знаете, что судья выписал ордер на арест Спенсера? Когда выяснилось, что он сбежал, Чокнутый Рэнкин не стал смотреть на это сквозь пальцы. Если его поймают, Чокнутый отправит его в каталажку за намеренное неуважение к суду, рассматривающему дело об убийстве. Мне показалось, Уолт Сторм слишком легко решил обойтись без этого свидетеля, хотя ему следовало бы попросить о перерыве в заседаниях. Должно быть, он знал, что доктор дал стрекача. Но Чокнутый, по-видимому, тоже знал это. Интересно... хотя это не важно. У вас есть какие-нибудь идеи, Кен?

Моя позиция была проста.

— Меня интересует не столько то, кто убил Хьюма, сколько как это было проделано. В этом отношении я похож на Мастера: «Бог с ним, с мотивом, — давайте послушаем о технике». Здесь есть три альтернативы. Первая — все-таки его убил Ансуэлл. Вторая — Хьюм сам убил себя, случайно или намеренно. И третья — наличие неизвестного убийцы и неизвестного метода. Вы можете ответить на пару прямых вопросов, Г. М., — без уверток и двойных толкований?

Морщины на лице Г. М. разгладились.

— Конечно, сынок. Валяйте.

— По вашим словам, убийца проник в комнату с помощью «окна Иуды». Это так?

— Да.

— И убийство было совершено арбалетом?

— Верно.

— Почему? Я имею в виду — почему арбалетом?

Г. М. задумался.

— Это самый логичный вывод. Арбалет — единственное оружие, которое соответствует преступлению. Кроме того, это легчайшее оружие из всех, какие можно было использовать.

— Легчайшее? Та большая неуклюжая штуковина, которую вы нам показывали?

— Вовсе не большая, сынок, — возразил Г. М. — Очень широкая — да, но не длинная. Вы же сами видели — это был короткий арбалет. А легким это оружие является в том смысле, что, как признал сам Флеминг, с короткого расстояния даже любителю нелегко из него промахнуться.

— Я как раз к этому подхожу. С какого расстояния выпустили стрелу?

Г. М. бросил на нас сердитый взгляд:

— Стилль зала суда становится заразительным. Я понимаю медика, который сказал на одном процессе: «Это как экзамен в колледже под присягой». На ваш вопрос, Кен, я не могу ответить с точностью до пары дюймов. Но чтобы избежать обвинения в уклончивости, скажу, что не более чем с трех футов. Вы удовлетворены?

— Не вполне. Как вы предполагаете, что делал Хьюм во время выстрела?

— Убийца разговаривал с ним. Хьюм стоял у стола, наклонившись, чтобы посмотреть на что-то. Как только он склонился вперед, убийца спустил курок арбалета — отсюда странный угол вхождения стрелы, летевшей почти прямо. Уолт Сторм устроил из этого посмешище, но это чистая правда.

— Наклонившись, чтобы посмотреть на что-то?

— Да.

Эвелин и я уставились друг на друга. Г. М., покусывая окурок сигары, придвинул ко мне хронометраж.

— Теперь, когда вы сбросили с плеч этот груз, почему бы не уделить внимание делам и персонам не менее важным? Например, Спенсеру Хьюму. Он создал брешь в процессе, так как не давал показания. Не то чтобы Спенсер сделал что-либо важное, когда вернулся в дом, но тем не менее его поведение весьма любопытно. Ведь он должен был испытать страшный шок, узнав, что они поймали в ловушку Джима Ансуэлла, а не Реджиналда.

— Он знал в лицо обоих кузенов?

Г. М. бросил на меня странный взгляд:

— Да, и был единственным во всем этом чертовом деле, кто знал их обоих.

Мы снова посмотрели на лист бумаги.

Хронометраж	Комментарии
18.46. Спенсер Хьюм прибывает на Гроувнор-стрит. 18.46—18.50. Констебль Хардкасл пытается расспросить Ансуэлла, потом звонит в полицейский участок.	Дядюшка Спенсер (vide ¹ полицейские заявления) имеет железное алиби. С 17.10 до 18.40 он делал обход в больнице. В 18.40 он спустился в вестибюль и вышел из здания. В 18.43 А. Джордан примчалась в автомобиле и велела ему садиться за руль и быстро ехать домой, так как Эйвори мертв, а жених Мэри свихнулся.

¹ См. (лат.).

18.46—18.50. Спенсер Хьюм уводит Амелию Джордан наверх — ей нужен врач.	
18.51—18.55. Спенсер Хьюм идет в кабинет. В присутствии Флеминга и Дайера Ансуэлл говорит: «Вы врач — ради бога, скажите им, что мне дали наркотик». Спенсер заявляет: «Я не мог обнаружить никаких признаков этого».	Почему Спенсер не говорит правду? Слишком опасно?
18.55. Прибывают инспектор Моттрам и сержант Рейв.	Полиция первый раз обыскивает кабинет.
18.55—19.45. Первый опрос Ансуэлла инспектором Моттрамом; другие свидетели опрошены; кабинет обыскан инспектором Моттрамом и сержантом Рейвом.	Никакой пыли на тонкой вертикальной линии вдоль стержня стрелы. Очень странно. Ею выстрелили? Половинка пера оторвана — это не могло произойти во время борьбы. Линия отлома чистая — половинка где-то застряла. В механизме? Из-за выстрела? Что за механизм? Выяснить, что могло находиться в доме лучника. (Позже.) Дж. Шенкс, мастер на все руки, обслуживающий три дома, сообщает об исчезновении арбалета из ящика в сарае в заднем саду. Арбалет исчез. Костюм для гольфа исчез. 1 + 1 = Equo no credite, копы!¹
19.45. Прибывает полицейский врач, доктор Стокинг.	
19.45—20.10. Обследование тела.	Отметить положение тела. Направление повреждения? Не соответствует. Может быть!..
20.15. Спенсер Хьюм звонит Мэри Хьюм в Фроненд.	Выходила обедать, но вернулась вовремя, чтобы получить сообщение.

¹ Перифраз слов из «Энеиды» Вергилия (2: 48): «Equo no credite, teucris» («Тевкры, не верьте коню»), которыми жрец Лаокоон предостерегал троянцев против деревянного коня, в котором прятались греческие воины.

20.10—21.40. Дальнейшие опросы и обыск дома. Ансуэлл падает без чувств.	
21.42. Звонят кузену Ансуэлла, Реджиналду.	Реджиналд только прибыл в квартиру, приехав на автомобиле из Рочестера. Известно, что он выехал из Рочестера около 17.15; говорит, что рано пообедал в отеле по дороге и потратил на это много времени; был слегка пьян по прибытии. Не может вспомнить название отеля и деревни.
21.55. Реджиналд Ансуэлл прибывает на Гроувнор-стрит.	
22.10. Ансуэлла уводят в полицейский участок. Реджиналд уходит вместе с ним.	
22.35. Мэри Хьюм прибывает в Лондон первым же поездом.	
22.50. Тело отправляют в морг. Два письма, ранее находившиеся в кармане покойного, исчезли.	
0.15. Окончательное заявление Ансуэлла в полицейском участке.	Их украла Мэри: почему?

Выводы: судя по времени и фактам, указанным выше, нет сомнений в личности подлинного убийцы.

— Солидно, — заметил я, посмотрев на Г. М. — Это должно что-то нам поведать?

— Несомненно.

Эвелин снова устремила взгляд на бумагу:

— Ну, если это не ваш очередной фокус, вы можете практически исключить еще кое-кого — я имею в виду Реджиналда. Вы указываете, что он покинул Рочестер в 17.15. Рочестер в тридцати трех милях от Лондона, не так ли? Хотя теоретически возможно проехать тридцать три мили за час, я не вижу, каким образом, учитывая пробки в центре города, он мог прибыть на Гроувнор-стрит так рано, чтобы успеть совершить убийство. И вы уже исключили доктора Хьюма.

— Исключил Спенсера, девочка моя? — осведомился Г. М. — Ну нет. Никоим образом.

— Но вы же сами признаете, что у него железное алиби!

— Алиби! — Взмахнув кулаком, Г. М. встал и начал мерить шагами комнату. — Убийца, проходивший по делу Красной вдовы, имел превосходное алиби, не так ли?¹ У парня, выполнившего грязную работу в деле о десяти чайных чашках, тоже было недурное алиби². Меня беспокоит не это, а чертовое письмо, которое дядюшка Спенсер написал своей племяннице вчера вечером, уверяя, что видел убийство и что его совершил Ансуэлл. Почему он это написал? Если он лгал, то зачем? Напрашивается предположение, что Ансуэлл был искренен, клянясь в своей невиновности — будто бы он в беспамятстве убил Хьюма и просто не помнит этого. Вы когда-нибудь слышали теорию, что именно так Диккенс намеревался завершить «Тайну Эдвина Друда»: убийца — Джаспер, но он не помнит этого, так как курил опиум? Ту же идею Уилки Коллинз использовал в «Лунном камне» для описания кражи драгоценности, так что меня бы не удивило, если бы она возникла сейчас. Но моя великолепная версия не может из-за этого треснуть по швам! Иначе как объяснить перо? Первый, кого я заподозрил, был дядюшка Спенсер...

— Вы подозревали его, так как у него было алиби? — спросил я.

— С вами бесполезно говорить, — устало отозвался Г. М. — Вы не видите истинных трудностей. Я думал, что если он не совершил убийство, то организовал его...

Мне в голову пришла еще одна возможность.

— Я как-то читал об одном деле, но это было так давно, что я не помню, было оно реальным или вымышленным. Человека нашли убитым в комнате наверху башни у самого берега моря. Ему выстрелили в грудь из дробовика, но оружие исчезло. Единственным «ключом» была удочка в комнате. К сожалению, за дверью башни наблюдали и не видели никого входящего или выходящего. Единственное окошко находилось в гладкой стене высоко над морем. Кто же убийца и что произошло с оружием? Секрет прост — это самоубийство. Человек установил дробовик в окне, направил ствол на себя, ото-

¹ См. роман «Загадка Красной вдовы».

² См. роман «Убийства павлиньим пером».

шел на несколько футов и тронул слабый спусковой крючок удочкой. Отдача при выстреле выбросила дробовик в море. Происшествие признали убийством, и семья получила страховку. Вы имеете в виду, что в кабинете Эйвори Хьюма было какое-то приспособление, которого он случайно коснулся, и оно выпустило в него стрелу?

— Такого не может быть, — возразила Эвелин. — Если это не очередная мистификация, нам следует верить, что убийца действительно разговаривал в это время с Хьюмом.

— Правильно, — согласился Г. М.

— Мне кажется, мы отклоняемся от наиболее важного момента, — заметил я. — Кто бы ни совершил убийство, каков был мотив? Не скажете же вы, к примеру, что Ансуэлл схватил стрелу и вонзил ее в Хьюма только потому, что считал, будто его будущий тесть накапал ему снотворное в стакан с виски. Если, конечно, он не такой же псих, каким они хотели представить Реджиналда. Но во всем деле было на удивление мало разговоров о мотиве. У кого еще имелось хотя бы подобие мотива для убийства Хьюма?

— Вы не забыли о завещании? — спросил Г. М.

— О каком завещании?

— Об этом вы все слышали в суде. Эйвори Хьюм мечтал иметь внука, как большинство мужчин, добившихся всего собственными силами. Продолжить род и так далее. Он собирался составить завещание, оставляя все — запомните, все! — в виде траста для гипотетического внука.

— И он составил это завещание?

— Нет. Ему не хватило времени. Поэтому мне показалось интересным отправиться в Сомерсет-Хаус¹ и взглянуть на прежнее завещание, которое теперь будет утверждено. Конечно, главный наследник — дочь, но и другие получают солидную долю денег старика, даже бедняга Дайер. А сумма в три с половиной тысячи фунтов оставлена на постройку нового здания для «Лесников Кента» и должна быть передана секретарю клуба, дабы он распорядился ею по своему усмотрению...

¹ С о м е р с е т - Х а у с — здание в Лондоне, где хранятся записи актов гражданского состояния.

— Поэтому «Лесники Кента» отправились в Лондон и про-
ткнули его стрелой? Чепуха, Г. М.! Это недостойно вас.

— Я просто выдвигал предположения, — с удивительной
кротостью отозвался Г. М. — Исключительно с целью прове-
рить, способно ли что-нибудь расшевелить ваше серое веще-
ство. Вы бы никогда не смогли строить линию защиты, Кен.
Вы не в состоянии выудить из показаний намеков и с его помо-
щью искать свидетеля. Предположим, я считал жизненно важ-
ным добраться до дядюшки Спенсера; пусть мне не удалось
официально усадить его на свидетельское место, однако каза-
лось необходимым с ним побеседовать. Каким образом я смог
бы наложить на него руки?

— Бог знает. Это одна из любимых рутинных работ Мас-
терса. Если полиция не может его найти, не понимаю, как это
удастся вам. Помните, он стартовал значительно раньше вас и
сейчас может находиться даже в Палестине.

Стук в дверь вывел Г. М. из ступора. Он бросил в тарелку
окурки сигары и выпрямился.

— Входите, — пригласил Г. М. и добавил: — Может, но не
находится.

Дверь осторожно открылась, и доктор Спенсер Хьюм, безу-
коризненно одетый, со шляпой-котелком в одной руке и сло-
женным зонтиком, свисающим с другой, вошел в комнату.

Глава 15

ФОРМА «ОКНА ИУДЫ»

Если бы позолоченная фигура Правосудия на куполе Олд-
Бейли соскользнула с него и появилась здесь, это не могло бы
произвести более яркое впечатление. Но сегодня доктор Хьюм
не казался вежливым и банальным. Он выглядел больным. Хотя
его темные волосы были так же аккуратно причесаны, румя-
нец исчез с лица, а маленькие глазки смотрели напряженно.
При виде Эвелин и меня, сидящих у камина, он вздрогнул.

— Все в порядке, сынок, — заверил его Г. М., снова садясь
за стол и прикрывая ладонью глаза. Взгляд доктора инстинк-
тивно метнулся к окну, в сторону величественного здания, где
требовалось его присутствие. — Это мои друзья. Думаю, одно-

го из них вы встречали вчера. Присаживайтесь и берите сигару. Существует старая артиллерийская поговорка: «Чем ближе цель, тем труднее в нее попасть». Находясь под боком у Чокнутого Рэнкина, вы в полной безопасности. Можете стать в очередь, подняться на галерею с другими зрителями и сесть прямо над головой у Чокнутого, который не будет знать, что вы находитесь ближе, чем в Китае.

— Я... э-э... осведомлен об этом, — ответил Спенсер с горькой усмешкой. Он отказался от сигары, но сел — его короткая фигура была не лишена своеобразного достоинства. — Могу сообщить для проформы, что я все утро находился на галерке.

— Угу. Я был уверен, что видел вас там, — небрежно заметил Г. М.

Доктор слегка побледнел.

— Это отнюдь не новый трюк. Чарли Пис¹ проделал такое на процессе молодого Хэброна, обвиняемого в убийстве, которое в действительности совершил Пис. Откровенно говоря, вы оказались смелее, чем я думал.

— Но вы... не сообщили...

— Ненавижу скандалы в суде, — фыркнул Г. М., разглядывая собственные пальцы. — Они нарушают приятную, спокойную атмосферу и ощущение интеллектуального баланса. Но это к делу не относится. Насколько я понимаю, вы получили мое сообщение вчера вечером?

Доктор Хьюм положил шляпу на пол и прислонил зонтик к стулу.

— Получил, раз вы видите меня здесь, — ответил он. — А теперь вы ответьте на один вопрос. Как вы узнали, где меня искать?

— Никак, — сказал Г. М. — Но я вычислил наиболее вероятное место. Вы сбежали, но при этом успели написать очень длинное и подробное письмо вашей племяннице. Людям, которые зависят от самолетов и поездов-паромов, обычно не хватает на это времени. Вы знали, что вас ищут и что неуважение к суду является преступлением. Его может оправдать только одно — серьезная болезнь. Я решил, что вы отправились прямоком к вашему другу Трегэннону и затерялись среди простынь и

¹ Пис Чарлз (1832—1879) — знаменитый английский грабитель и убийца.

больничных халатов его лечебницы. Вероятно, вы можете предъявить свидетельство о вашем вчерашнем тяжком недомогании. Как я говорил много раз, подобное выслеживание всего лишь расширенная версия избитого анекдота о глупом мальчишке, нашедшем пропавшую лошадь: «Я просто подумал, куда бы я отправился на ее месте, пошел туда, и теперь она здесь». Я отправил вам в лечебницу сообщение, и теперь вы здесь.

— Довольно странное сообщение, — заметил Спенсер, су-рово глядя на него.

— Да. Вот почему пора перейти к делу. Мне казалось, что в мире есть по крайней мере один человек, которого вы бы не хотели видеть повешенным.

— Вы имеете в виду меня?

— Совершенно верно, — согласился Г. М., убирая руку от глаз. Он достал дешевые карманные часы-луковицу и положил их на стол. — Послушайте меня, доктор. Я не блефую и могу это доказать. Но через пятнадцать минут я должен быть в суде. Сегодня я завершу защиту Джима Ансуэлла, и думаю, существуют примерно сто шансов против шести, что вас арестуют за убийство.

Некоторое время доктор Хьюм молча барабанил пальцами по коленям. Потом он вынул из внутреннего кармана портсигар, достал сигарету и защелкнул его. Когда он заговорил, его голос звучал спокойно:

— Это блеф. Раньше я в этом сомневался, а теперь уверен.

— Блеф то, что я знаю, куда исчезли штемпельная подушечка, костюм для гольфа и прочее, и что все это сейчас в моем распоряжении?

С тем же бесстрастным видом Г. М. полез в карман брюк, вынул оттуда черную штемпельную подушечку в обычном оловянном футляре и длинную резиновую печать с чьим-то именем и бросил их на стол среди тарелок. В сотый раз меня удивил контраст между резким движением его руки и невозмутимым выражением лица. Доктор Хьюм казался не столько ошарашенным, сколько расстроенным.

— Ну и что из этого, мой дорогой сэр?

— То есть как это «что»?

— Доктор Куигли, — с горечью продолжал Спенсер Хьюм, — сегодня уже разоблачил меня в суде. Полагаю, нам придется

принять его вердикт. Если вы предъявите ваши экспонаты, что это докажет, кроме того, что уже было доказано? Утопленник спокойно воспринимает перспективу плавания по морю. — Жутковатая улыбка — призрак былой суетливой усмешки — мелькнула на его лице. — Не уверен, что цитирую Кай-Луня¹. Но так как я уже заочно осужден за одно преступление, мне абсолютно безразличны ваши фокусы.

Он зажег сигарету, резко чиркнув спичкой по коробку. Г. М. смотрел на него, и его лицо постепенно менялось.

— Знаете, — медленно начал он, — я начинаю думать, что вы действительно считаете Ансуэлла виновным.

— Я абсолютно уверен, что он виновен.

— Вчера вечером вы написали Мэри Хьюм письмо, где клялись, что видели, как произошло убийство. Не возражаете сообщить мне, правда ли это?

Доктор сдул пепел с сигареты, держа ее вертикально.

— Как правило, я избегаю высказывать мнение даже о погоде. Но вам я скажу вот что. Во всей этой истории меня больше всего бесит, что я не сделал совершенно ничего! Я пытался помочь Эйвори и Мэри. Понимая, что поступаю неэтично, я думал, что это всем на пользу. И что в результате? Меня преследуют — да, сэр, повторяю: преследуют! Но даже вчера, когда мне пришлось бежать, я старался помочь Мэри. Я признался ей, что принес брудин по просьбе Эйвори. В то же время я был обязан указать ей, что Джеймс Ансуэлл — убийца, и буду называть его так до последнего вздоха.

Несмотря на любовь к трафаретным фразам, явная искренность этого человека пересиливала даже жалость к себе.

— Вы видели, как он это сделал?

— Я должен был обезопасить себя. Если бы я ограничился первой частью письма, вы бы отнесли его в суд, и это могло спасти убийцу. Поэтому мне пришлось обеспечить такой текст, чтобы вы не стали демонстрировать письмо в суде.

— Понятно, — другим тоном произнес Г. М. — Вы намеренно вставили эту ложь, чтобы мы не осмелились использовать письмо в качестве доказательства.

¹ К а й - Л у н ь — персонаж произведений английского писателя Эрнеста Брамса (1868—1942).

Доктор Хьюм презрительно отмахнулся:

— Я пришел сюда, многим рискуя, сэр Генри, с целью получить нужную информацию. Это честная игра. Не так ли? Я хочу знать мое официальное положение в этом деле. Во-первых, у меня действительно имеется свидетельство, удостоверяющее мою вчерашнюю болезнь...

— Выданное врачом, которого собираются дисквалифицировать.

— Но пока что не дисквалифицировали. Если вы настаиваете на формальностях, то и я вынужден к ним прибегнуть. Как вам известно, я утром присутствовал в суде. Во-вторых, Королева отказалась от намерения вызвать меня свидетелем и завершила свое дело.

— Да, но его не завершила защита. И вас все еще могут вызвать свидетелем — не важно, какой из сторон.

Спенсер Хьюм аккуратно положил сигарету на край стола и скрестил на груди руки:

— Вы не вызовете меня свидетелем, сэр Генри. Если вы это сделаете, я разнесу ваше дело в пух и прах за пять секунд.

— Ого? Выходит, речь идет об отказе от судебного преследования за вознаграждение?

Лицо Хьюма напряглось, и он быстро взглянул на нас.

Г. М. спокойно продолжал:

— Не имеет значения — я неортодоксален, чтобы не сказать весьма гибок. Но неужели вам хватает дерзости угрожать, что вы поведаете выдумку о виденном вами убийстве, если я осмелюсь извлечь вас из укрытия? *Bay!* Честное слово, сынок, я вами восхищаюсь.

— Нет, — спокойно сказал Хьюм. — Мне будет достаточно сообщить чистую правду.

— Исходящую от вас...

— Это не пойдет, — прервал Спенсер Хьюм, подняв палец. — Как вам известно, сегодня утром было установлено, что это не суд нравов. То, что Мэри поддалась зову плоти, не основание для дискредитации ее показаний об убийстве. Точно так же то, что я намеревался бескровно и безболезненно отправить шантажиста туда, где ему самое место (уверяю вас, это куда менее оскорбительно для британских ушей), не явля-

ется причиной для дискредитации моих показаний о том же преступлении.

— Угу. Если вы так ненавидите шантажистов, то почему шантажируете теперь меня?

Доктор Хьюм глубоко вздохнул:

— Я и не думаю этого делать, а всего лишь предупреждаю: не вызывайте меня свидетелем. Все ваше дело основано на пропавшем фрагменте пера. Вы упорно и монотонно твердили каждому свидетелю: «Где этот кусок пера?»

— Ну?

— Он у меня, — просто ответил доктор Хьюм. — Вот он.

Снова достав портсигар, Спенсер Хьюм осторожно вытащил из-под ряда сигарет кусок голубого пера длиной около дюйма с четвертью и шириной в дюйм и положил его на стол.

— Обратите внимание, — продолжал он, — что края здесь более зазубрены, чем на другом куске. Но думаю, они полностью совпадут друг с другом. Я подобрал перо на полу кабинета в вечер убийства. Это был всего лишь инстинкт аккуратности, а не собирания улик. Вижу, вы хотите спросить, почему я никому его не показал. Друг мой, вы знаете единственного человека, которого когда-либо интересовало это перо? Это вы. Полиция о нем практически не думала — как, впрочем, и я. Честно говоря, я начисто забыл о нем. Но если перо представить в качестве доказательства, вы скоро увидите результат. Я убедил вас?

— Да, — ответил Г. М. с жутковатой улыбкой. — Наконец-то вы убедили меня в том, что знали об «окне Иуды».

Спенсер Хьюм резко поднялся, сбросив на пол лежавшую на краю стола сигарету. Со свойственным ему инстинктом аккуратности он машинально наступил на нее, и тут в дверь снова постучали. На сей раз она открылась более решительно. Рэндолф Флеминг, нырнув под низкую перемышку, шагнул в комнату и заговорил тоном таким же агрессивным, как его рыжие усы:

— Мне сказали, Мерривейл, что вы... — Он оборвал фразу и уставился на доктора. В своем роде Флеминг бы не меньшим щеголем, чем Спенсер Хьюм, — на голове у него красовалась мягкая серая шляпа, чуть сдвинутая набок, а в руке он держал трость с серебряным набалдашником. Его сморщенные щеки раздувались, покуда он разглядывал Спенсера. — Черт возь-

ми! — наконец заговорил Флеминг, закрыв за собой дверь. — Я думал, вы...

— Сделали ноги? — предположил Г. М.

Флеминг удовлетворился замечанием, брошенным через плечо Спенсеру Хьюму:

— У вас не будет неприятностей, если вы объявитесь теперь? — Потом он повернулся к Г. М.: — Прежде всего, позвольте сказать, что я на вас не в обиде за то, что вы вчера доставали меня в суде. В конце концов, у каждого своя работа. Ха-ха-ха! Но я хотел бы кое-что знать. Говорят, что вы тоже можете вызвать меня свидетелем. Это верно?

— Нет, — ответил Г. М. — Думаю, будет достаточно показаний Шенкса. Если вас о чем-то спросят, то лишь для проформы. Я раздобыл арбалет, который, надеюсь, идентифицируют как принадлежавший Эйвори Хьюму. Шенкс отлично сможет это сделать.

— Мастер на все руки? — Флеминг пригладил усы рукой в перчатке. — Не возражаете сказать мне... — Он заколебался.

— Не возражаю, — подбодрил его Г. М.

— Вы все еще считаете, что беднягу Хьюма застрелили из арбалета?

— Я всегда так считал.

Флеминг задумался.

— Я не рассчитываю, что к моему мнению прислушаются, — сказал он. — Но должен сказать вам одну вещь. Вчера вечером я немного поэкспериментировал и убедился, что такое могли проделать с достаточно близкого расстояния. И еще...

— Выкладывайте, сынок. — Г. М. бросил взгляд на доктора, который сидел неподвижно и издавал негромкие звуки, словно прочищая пересохшее горло.

— Я пробовал три раза выпускать стрелы из арбалета, — продолжал Флеминг, иллюстрируя слова жестами. — Направляющее перо может застрять в зубах ворота, если не быть осторожным. Один раз стрела застряла, и перо целиком оторвалось от стержня, когда я ее вытаскивал. В другой раз перо разрезало пополам — как то, которое вы показывали в суде. Не то чтобы я отказывался от своих слов, но такие вещи меня беспокоят. Я подумал: если тут есть что-то сомнительное, то я должен об этом сообщить. Если вы думаете, что я делаю это

с удовольствием, то ошибаетесь. Но я собираюсь предупредить также генерального прокурора. Кстати, — строго между нами, — что произошло с этим чертовым куском пера?

Несколько секунд Г. М. молча на него смотрел. На столе, почти полностью скрытый тарелками, лежал фрагмент голубого пера, который положил туда Спенсер Хьюм. Услышав вопрос Флеминга, Спенсер сделал быстрое движение, но Г. М. опередил его. Подобрав перо, он поместил его на тыльную сторону ладони и протянул руку вперед, словно собираясь подуть на него.

— Странная штука, — заметил Г. М., не глядя на Спенсера. — Мы как раз обсуждали этот пункт, когда вы пришли. Вам не кажется, что это пропавший кусок?

— Где вы его нашли?

— Ну... это один из предметов обсуждения. Будучи экспертом, могли бы вы взглянуть на этот кусочек и определить, тот ли это, который нам нужен?

Флеминг взял перо, с подозрением посмотрел на Г. М. и Спенсера и отошел к окну, чтобы лучше видеть. Во время обследования его маленькие глазки несколько раз скользнули по комнате.

— Чепуха! — резко заявил он.

— Что чепуха, сынок?

— Мысль, будто это кусок того пера.

Спенсер Хьюм достал из нагрудного кармана сложенный носовой платок и начал тереть им лицо, словно полируя его. Его взгляд, выражавший сомнение или печаль, показался мне знакомым. Интересно, почему?

— Вы абсолютно уверены, что это не так? — мягко осведомился Г. М. — Почему?

— Это перо индейки. Я же говорил вам — вернее, вы это из меня вытянули, — что бедный старина Хьюм использовал только гусиные перья.

— Между ними большая разница?

— Большая разница? Ха! — Флеминг щелкнул по полям своей шляпы. — Если вы пойдете в ресторан и закажете индейку, а вам вместо нее подадут гуся, вы заметите разницу, не так ли? То же самое с перьями. — Казалось, ему пришла в голову новая мысль. — Что вообще здесь происходит?

— Все в порядке, — проворчал Г. М. — Небольшая приватная конференция. Мы...

Флеминг поднялся.

— Я не собирался задерживаться, — с достоинством произнес он. — Я пришел сюда облегчить душу. Теперь моя совесть чиста, и я с удовольствием откланяюсь. Скажу только, что здесь творится что-то чертовски странное. Кстати, доктор, если я смогу повидать генерального прокурора, могу я сказать ему, что вы вернулись и готовы давать показания?

— Говорите ему что хотите, — спокойно ответил Спенсер.

Поколебавшись, Флеминг кивнул и направился к двери. Каким-то непонятным образом его присутствие вносило в атмосферу беспокойство. Г. М. встал и посмотрел на Спенсера сверху вниз.

— Вы рады, что не пошли в суд? — сказал он. — Успокойтесь — я не собираюсь вызывать вас свидетелем. При вашем теперешнем душевном состоянии я бы не рискнул это делать. Но, строго между нами, признайтесь — вы сфабриковали эту улику, не так ли?

— Полагаю, это можно назвать и так.

— Но зачем?

— Потому что Ансуэлл виновен.

И тогда я понял, что напоминали мне его глаза, — выражение глаз самого Джеймса Ансуэлла и ту же искренность, с которой он встречал обвинения. Г. М. сделал жест, который я не мог понять, не отрывая при этом взгляд от Спенсера.

— Понятие «окно Иуды» ничего для вас не означает? — осведомился он с тем же непонятным жестом.

— Ровным счетом ничего — клянусь вам.

— Тогда послушайте меня, — сказал Г. М. — Перед вами два пути. Вы можете исчезнуть или пойти в суд во второй половине дня. Если Уолт Сторм отказался от намерения вызывать вас и если у вас действительно имеется медицинское свидетельство относительно вчерашнего дня, вы не можете быть арестованы — разве только Чокнутый Рэнкин выйдет из себя, что крайне маловероятно. На вашем месте я бы пошел в суд. Вы можете услышать кое-что интересное, что пробудит в вас желание говорить. Но вы должны знать, где находится подлинный кусок пера. Существуют две его части. Одна половинка застря-

ла в зубах арбалета, который я собираюсь предъявить в суде. Другая осталась в «окне Иуды». Предупреждаю, что, если течение повернется против меня, я вызову вас свидетелем, какую бы опасность вы ни представляли. Но не думаю, что это понадобится. Это все, что я хотел сказать. Теперь я удаляюсь.

Мы последовали за ним, оставив Спенсера сидящим за столом с отблесками тлеющего огня на лице. Вчера в это время мы впервые услышали об «окне Иуды». Менее чем через час ему предстояло стать таким же очевидным, большим и функциональным, как буфет, хотя и несколько иных пропорций, и накрыть своей значимостью зал суда номер 1. Но в тот момент мы знали лишь то, что комната была заперта.

На площадке Эвелин схватила Г. М. за руку.

— Можете вы ответить хотя бы на один маленький вопрос, который до сих пор не приходил мне в голову? — осведомилась она.

— Угу. Ну?

— Какой формы «окно Иуды»?

— Квадратной, — сразу же ответил Г. М. — Осторожно, здесь ступенька.

Глава 16

Я САМ НАКЛАДЫВАЛ ЭТУ КРАСКУ

— Правду, только правду и ничего, кроме правды.

— Мм.

Свидетель не жевал резинку, но постоянные движения челюстей и цоканье языком создавали впечатление, что он занят именно этим. У него были узкое лицо, становившееся то добродушным, то настороженным, очень тонкая шея и волосы, казалось обладающие не только цветом, но и консистенцией лакрицы. Когда он хотел что-то подчеркнуть, то мотал головой из стороны в сторону, словно проделывая трюк с невидимой жвачкой, и в упор смотрел на допрашивающего. Его стремление обращаться ко всем, кроме Г. М., с титулованием «ваше лордство» могло быть признаком завуалированного благоговейного страха или, напротив, коммунистических тенденций, на мысль о которых наводили презрительная складка рта и рисунок на галстук в виде серпа и молота.

— Ваше полное имя Хорас Карлайл Грейбелл, и вы проживаете на Бенджамин-стрит, 82 в Путни? — приступил к допросу Г. М.

— Верно, — бодро согласился свидетель, словно бросая вызов каждому, кто в этом усомнится.

— Вы работали в «Д'Орсе Чеймберс» — многоквартирном доме с гостиничным обслуживанием, где живет обвиняемый?

— Верно.

— Какую работу вы там выполняли?

— Я был «дополнительным уборщиком».

— Что это означает?

— Ну, жильцы создают беспорядок, который не нравится горничным, — вытряхивают пепельницы в мусорные корзины, запикивают старые бритвенные лезвия куда попало, лишь бы с глаз долой, разбрасывают вещи и так далее. Тут-то и нужен «дополнительный уборщик», особенно после вечеринок.

— Работали ли вы там приблизительно 3 января?

— Не приблизительно, а именно в тот день, — поправил Хорас Карлайл Грейбелл, мотнув головой.

— Вы знали покойного мистера Хьюма?

— Я не имел чести быть знакомым с ним лично...

— Ограничьтесь ответом на вопрос, — резко прервал судья.

— Хорошо, ваше лордство, — спокойно отозвался свидетель, выпятив подбородок и приподняв верхнюю губу. — Я хотел сказать, мы тесно пообщались только однажды — когда покойный дал мне десять фунтов, чтобы я помалкивал о том, что он вор.

Должно быть, протоколисту несколько раз представлялась возможность написать слово «сенсация». Хотя, быть может, это заявление едва ли можно было назвать полновесной сенсацией, так как Грейбелл произнес его обычным тоном и никто не знал, что оно означает. Судья медленно снял очки, извлек дужки из-под парика и уставился на свидетеля.

— Вы понимаете, что говорите? — осведомился он.

— Хорошо понимаю, ваше лордство.

— Хотел бы я в этом убедиться. Продолжайте, сэр Генри.

— Мы постараемся убедиться в этом, милорд, — сказал Г. М. — Каким образом вы так хорошо знали покойного в лицо?

— Я часто работал в другом месте — неподалеку. Каждую неделю, в субботу утром, недельную выручку в кожаной сум-

ке доставляли в банк «Кэпитал каунтис». Ну, я был вроде телохранителя — хотя не скажу, чтобы в этом была нужда. Покойный не забирал деньги через прилавок, а просто выходил из задней двери банка, стоял снаружи, заложив руки за спину, и кивал мистеру Перкинсу, который приносил деньги, как бы давая свое благословение.

— Сколько раз вы видели его там?

— Много.

— Дюжину?

— Куда больше. — Свидетель скептически покачал головой и втянул воздух через дыру между зубами. — Каждую субботу в течение примерно полугода.

— Где вы были утром в пятницу 3 января?

— Очищал мусорное ведро в квартире 3С, где живет мистер Ансуэлл. — Грейбелл дружелюбно кивнул в сторону подсудимого, ткнул себя кулаком под подбородок, как будто стараясь поддержать его, и сразу же принял напыщенно-серьезный вид.

— Где находилось мусорное ведро?

— В кухне.

— Кухня выходит в столовую?

— Да, как обычно, — согласился Грейбелл.

— Дверь между ними была закрыта?

— Да. Вернее, почти закрыта — оставалась щелочка.

— Что вы видели или слышали тогда?

— Ну, я старался особо не шуметь. Стоя в кухне, я услышал, как дверь столовой открылась — другая дверь, ведущая в прихожую. Меня это удивило, так как я не ожидал, что мистер Ансуэлл вернется. Я выглянул в щелочку и увидел, как в столовую быстро и бесшумно вошел мужчина. Было очевидно, что он замышляет недоброе. Шторы на окнах в столовой были опущены. Сначала он простучал стены, словно ища сейф, потом стал открывать ящики буфета. Сперва я не видел, что он вытащил, так как он стоял спиной ко мне. Потом он подошел к окну и поднял штору, чтобы лучше это разглядеть. Тогда я увидел, кто это и что он держит в руке.

— Кто же это был?

— Покойный — мистер Хьюм.

— И что было у него в руке?

— Пистолет капитана Ансуэлла, который лежит на том столе.

— Передайте его свидетелю. Посмотрите на него как следует и убедитесь, что это тот самый пистолет, который покойный забрал из ящика буфета в пятницу утром.

— Это он и есть, — сказал свидетель, разглядев серийный номер пистолета, прежде чем его ему передали. Вытащив обойму, он вставил ее на место и повертел пистолет в руке, заставив ближайшую к нему женщину-присяжного испуганно отпрянуть. — Однажды мне пришлось самому разряжать его, когда они хватили лишнего на вечеринке.

— Расскажите нам, что произошло после того, как вы узнали мистера Хьюма.

— Я не мог поверить своим глазам. Он достал записную книжечку и заглянул в нее, словно о чем-то справляясь, а потом положил пистолет в карман. Ну, это уже было чересчур. Я вошел в столовую и сказал: «Привет». Мне было незачем проявлять уважение к типу, который пришел воровать. Он здорово струхнул, хотя попытался это скрыть — повернулся ко мне, заложил руки за спину и сдвинул брови, что ваш Наполеон, и спросил: «Вы знаете, кто я?» Я ответил: «Да, и знаю, что вы только что украли пушку капитана Ансуэлла». Он сказал, чтобы я не болтал вздор и что это всего лишь шутка, тоном, которым говорят важные шишки, проделывая грязные дела и пытаясь выйти сухими из воды. Когда лорда Борфастли застукали с козырными тузом, королем и валетом в жилетном кармане...

— Опустите это, — прервал судья.

— Хорошо, ваше лордство. «Шутка или нет, — ответил я, — но вам придется пройти к управляющему и объяснить, почему вы взяли пистолет капитана». — «Ладно, — говорит он, сбавив тон, — но вы знаете, с какой стороны ваш хлеб намазан маслом?» — «Не знаю, начальник, — ответил я, — так как не видел никакого масла ни разу в жизни». — «Получите фунт, если будете держать язык за зубами», — предложил он. «Фунт — это не масло, а маргарин, начальник, — сказал я. — Такого я повидал достаточно на моем хлебе». — «Хорошо, десять фунтов, но не больше». И он ушел с пушкой.

— Вы взяли десять фунтов? — осведомился судья.

— Взял, ваше лордство, — с вызовом ответил Грейбелл. — А как бы вы поступили на моем месте?

— По этому поводу я не стану выносить суждение, — сказал судья Рэнкин. — Продолжайте, сэр Генри.

— Итак, он ушел с пистолетом, — сказал Г. М. — Что вы сделали потом?

— Как я говорил, я знал, что он замышляет недоброе, поэтому решил, что лучше предупредить капитана Ансуэлла.

— Вот как? И вы его предупредили?

— Да. Хотя цена ему грош, но я думал, что это мой долг.

— Хмф. Когда же вы это сделали?

— Не сразу, так как он уехал в деревню. Но капитан неожиданно появился на следующий день...

— Угу. Выходит, капитан Ансуэлл все-таки был в Лондоне в день убийства, не так ли? — Г. М. сделал паузу, покуда Грейбелл двигал челюстями. — Когда вы видели его?

— Около десяти минут седьмого в субботу вечером. Он подъехал к дому сзади, где паркуют машины. Больше там никого не было, и я сообщил ему, что вчера мистер Хьюм побывал в квартире и прикарманил его пушку.

— Как на это прореагировал капитан Ансуэлл?

— Подумал с минуту, потом сказал: «Благодарю вас, это пригодится», дал мне полкроны, развернулся и уехал.

— Теперь слушайте внимательно, сынок. Вот этот пистолет, который нашли в кармане обвиняемого и который он якобы взял с собой в субботу вечером, чтобы опробовать его на мистере Хьюме, в действительности был украден из квартиры в пятницу самим мистером Хьюмом? Это правда?

— Истинная правда, — ответил свидетель.

Г. М. молча сел.

Возможно, Грейбелл был дерзким и болтливым свидетелем, но факты сами по себе произвели колоссальное впечатление. Однако мы знали, что основная борьба еще впереди. Антагонизм между свидетелем и сэром Уолтером Стормом стал очевидным, прежде чем генеральный прокурор произнес хоть слово. Повинуясь свойственному всем лондонцам инстинктивному почтению перед красной мантией, представляющей собой туманную концепцию «Закон с империей», Грейбелл выказывал по отношению к судье покорность, граничащую со смирением. Однако к обвинению он не испытывал подобных чувств. Для него оно являло собой всего лишь силу, стремя-

щуюся одержать над ним верх. Должно быть, Грейбелл занял свидетельское место, готовый ошестиниться. Это намерение отнюдь не уменьшал высокомерный вид сэра Уолтера.

— Э-э... Грейбелл, вы заявили, что приняли десять фунтов от мистера Хьюма?

— Да.

— По-вашему, это был достойный поступок?

— А по-вашему, достойный поступок предлагать их?

— Думаю, привычки мистера Хьюма не обсуждаются...

— Значит, их следует обсудить. Из-за них вы пытаетесь вздернуть этого беднягу.

Внезапно выражение лица генерального прокурора стало таким угрожающим, что свидетель слегка отпрянул.

— Вам известно, что такое неуважение к суду, Грейбелл?

— Да.

— Если нет, то милорд может быстро вам это объяснить. Дабы избежать любых неприятных последствий, напомним вам, что вы должны отвечать на мои вопросы, и ничего более. Я ясно выразился?

Побледневший Грейбелл выглядел так, словно был готов сорваться с цепи, но тем не менее молча кивнул.

— Отлично. Рад, что вы это понимаете. — Сэр Уолтер привел в порядок свои бумаги. — Я вынужден сделать вывод, — продолжал он, покосившись на жюри, — что вы последователь учения Карла Маркса?

— Никогда о нем не слышал.

— Вы коммунист?

— Может быть.

— Вы еще сами не решили? Так вы приняли взятку от мистера Хьюма или нет?

— Да. Но после этого я все рассказал капитану Ансуэллу.

— Понятно. «В бесчестье коренится честь его»¹. Вы хотите убедить нас, что выглядите более достойно, потому что дважды обманули чье-то доверие?

— О чем вы? — проворчал свидетель, нервно озираясь.

— Вы заявили, что 3 января работали в «Д'Орсе Чеймберс» на Дьюк-стрит. Сейчас вы там не работаете.

¹ Цитата из «Королевских идиллий» английского поэта Алфреда Теннисона (1809—1892).

— Нет... Я ушел.

— Почему?

Молчание.

— Вас уволили?

— Можно сказать и так.

— По какой причине?

Молчание.

— Отвечайте на вопрос, — резко произнес судья.

— Я не поладил с управляющим, а им и так хватало работников.

— Управляющий дал вам рекомендацию, когда вы уходили?

— Нет.

— Но если вы ушли по причинам, которые назвали, он должен был дать вам характеристику, не так ли?

Сэр Уолтер Сторм не был подготовлен к этому свидетелю, но благодаря долгому опыту знал без предварительной информации, в каком направлении следует атаковать.

— Вы говорили нам, что в пятницу утром 3 января очищали мусорное ведро в квартире обвиняемого?

— Да.

— Сколько времени отсутствовали мистер Ансуэлл и капитан Ансуэлл?

— Около двух недель.

— Какой тогда был смысл очищать мусорное ведро, если их не было так долго?

— Они могли вернуться.

— Однако несколько минут назад вы информировали моего ученого друга, что не ожидали их возвращения.

— Все равно иногда это нужно было делать.

— Но за прошедшие две недели это не было сделано?

— Нет.

— Но ведь, по вашим словам, ведро должны очищать и во время отсутствия жильцов?

— Да, но я не уверен... Слушайте, ваше лордство...

— Далее вы сказали нам, — продолжал генеральный прокурор, опираясь на стол обеими руками, — что, когда вы пришли в квартиру, шторы были опущены и вы старались не шуметь?

— Да.

- Вы привыкли очищать мусорные ведра в темноте...
- Слушайте, я и не думал об этом...
- ...или стараться не шуметь, чтобы никого не побеспокоить в пустой квартире? Думаю, если вы действительно были в квартире в указанное вами время, то не для очистки ведра, а с другой целью.
- Нет!
- Или вас вовсе там не было?
- Вы не даёте мне вставить слово. Повторяю: я был там и видел, как старый Хьюм украл эту пушку!
- Кажется, в «Д'Орсе Чеймберс» есть портье?
- Да.
- Вы поверите мне, если я скажу, что этот портье, будучи опрашиваемым полицией, заявил, что не видел никого похожего на покойного в «Д'Орсе Чеймберс» в пятницу или в любое другое время?
- Может, и не видел. Он поднялся по черной лестнице.
- Кто?
- Мистер Хьюм. Во всяком случае, спустился по ней. Я видел, как он выходил черным ходом.
- Тогда вы сообщили эту информацию полиции?
- Как я мог это сделать? На следующий день я ушел с работы...
- На следующий день?
- Меня уведомили об увольнении месяц назад, и это была суббота. Кроме того, я не знал, что это важно.
- Очевидно, нет. Похоже, у некоторых возникают странные идеи насчет того, что могло быть неважным тогда, но стало очень важным теперь, — сухо заметил сэр Уолтер. — Когда вы якобы видели капитана Ансуэлла на автостоянке, там был кто-то еще, кто мог бы подтвердить ваше заявление?
- Никого, кроме капитана Ансуэлла. Почему бы вам не спросить его?
- Замечание свидетеля, хотя и нарушает правила, сделано по существу, — вмешался судья Рэнкин. — Капитан Ансуэлл присутствует в зале суда? Учитывая, что часть показаний зависит от информации, которую он, быть может, в состоянии предоставить...
- Г. М. быстро поднялся:

— Милорд, капитан Ансуэлл собирается появиться в качестве свидетеля защиты. Вам незачем посылать за ним. Он уже давно вызван в суд, и мы позаботимся о его присутствии, хотя я не уверен, что он охотно будет свидетельствовать от себя лично.

— Что все это значит? — шепотом спросила Эвелин. — Ты ведь слышал, как этот парень сам говорил, что его не вызовут как свидетеля. Он должен был знать, что это не так, если получил повестку. В чем тут дело?

Я знал лишь то, что это какой-то трюк со стороны Г. М.

— У меня больше нет вопросов к этому свидетелю, — заявил сэр Уолтер Сторм.

— Вызовите Джозефа Джорджа Шенкса, — сказал Г. М.

Покуда Грейбелл покидал свидетельское место, а Джозеф Джордж Шенкс занимал его, представители Короны совещались друг с другом. Обвинение оказалось в странной и двусмысленной ситуации, из которой ему предстояло выбираться. С одной стороны, теперь почти не вызывало сомнения, что Джеймс Ансуэлл стал жертвой ошибки, что Хьюм планировал ловушку для Реджиналда; выяснилось даже, что Хьюм украл пистолет. Но с другой стороны, это отнюдь не доказывало невиновность подсудимого. Я припоминал слова в резюме одного знаменитого юриста в другом *cause célèbre*¹: «Члены жюри, иногда косвенное свидетельство бывает не менее убедительно, чем прямое... Приведу пример. Представьте себе комнату с закрытым окном и одной дверью, к которой ведет коридор. Человек подходит по этому коридору к двери, входит в комнату и застает там другого человека, стоящего с пистолетом над мертвецом, лежащим на полу. В данном случае косвенное свидетельство было бы почти полностью, если не полностью убедительным...»

Перед нами была такая же ситуация. Обвиняемого застали в запертой комнате, и косвенные свидетельства все еще оставались убедительными. Ответ на единственно важный вопрос по-прежнему не вызывал и тени сомнения. Какие бы потери ни понесло обвинение, сэр Уолтер будет следовать прежним курсом.

Голос Г. М. пробудил меня от размышлений:

¹ Знаменитое дело (*фр.*).

— Ваше имя Джозеф Джордж Шенкс и вы исполняли обязанности мастера на все руки в доме 12 на Гроувнор-стрит?

— Да, сэр, — отозвался свидетель. Это был маленький, толстый человечек, настолько похожий на карликовую модель Джона Буля¹, что с трудом вмещался в свою лучшую воскресную одежду. Высокий белый воротничок врезался ему в шею, словно мешая говорить.

— Сколько времени вы там работали?

— Около шести лет.

— Каковы были ваши обязанности?

— В основном содержать в порядке принадлежности мастера Хьюма для стрельбы из лука и чинить их.

— Взгляните на стрелу, которую использовали для убийства покойного (свидетель тщательно вытер руки о брюки, прежде чем взять стрелу), и скажите присяжным, видели ли вы ее раньше.

— Конечно, видел, сэр. Я прикреплял к ней перья. Помню вот это — краска немного темновата.

— Вы часто прикрепляли перья к стрелам покойного и красили направляющие? Так говорил нам вчера мистер Флеминг.

— Да, сэр.

— Предположим, я покажу вам кусок пера, — продолжал Г. М., — и спрошу, действительно ли он оторвался от среднего пера этой стрелы? Вы сможете ответить?

— Смогу, сэр. Кроме того, он должен подойти к остатку пера в стреле.

— Разумеется. Вы работали в маленькой мастерской или сарае в заднем саду, не так ли?

— Да, работал.

— Мистер Хьюм хранил там арбалеты?

Шорох в зале придал Шенксу ощущение собственной важности. Он расслабился и оперся локтями на перила, но поспешно выпрямился, очевидно осознав неуместность позы. Вероятно, чей-то строгий взгляд наблюдал за ним с галереи.

— Да, сэр, три штуки.

— Где именно он их хранил?

¹ Джон Буль — персонаж аллегии шотландского сатирика Джона Арбатнота (1667—1735), ставший нарицательным обозначением типичного англичанина.

— В большом ящике с ручкой, сэр, похожем на чемодан для инструментов, под верстаком. — Свидетель моргал, стараясь сосредоточиться.

— Скажите, вы заходили в этот сарай в воскресенье утром 5 января, на следующий день после убийства?

— Да, сэр. Я знаю, что это было воскресенье, но, учитывая...

— Вы заметили в сарае какие-нибудь перемены?

— Заметил, сэр. Кто-то открывал ящик, который я называю чемоданом для инструментов. Он стоит прямо под верстаком, сэр, и на него падают стружки и пыль, так что сразу заметно, если к нему прикасались.

— Вы заглянули в ящик?

— Конечно, сэр. Одного из арбалетов там не оказалось.

— Что вы сделали, обнаружив это?

— Сообщил мисс Мэри, но она сказала, чтобы я не беспокоился из-за таких мелочей.

— Могли бы вы опознать этот арбалет, если бы увидели его снова?

— Да, сэр.

Г. М. подал знак Лоллипоп. Свидетелю предъявили оружие, внешне очень похожее на арбалет, который Г. М. вчера использовал для иллюстрации. Оно было не таким длинным и с более широкой головкой; ручку украшали ряд стальных гвоздей и стальная пластинка.

— Это тот арбалет? — спросил Г. М.

— Да, сэр. На пластинке даже выгравировано имя мистера Хьюма.

— Взгляните на зубчатый барабан ворота. Не застряло ли в нем что-нибудь?.. Вытащите это и покажите жюри. Что это такое?

— Кусочек голубого пера, сэр.

Генеральный прокурор поднялся. Теперь он был не саркастичен, а серьезен и вежлив.

— Милорд, следует ли нам предполагать, что это тот самый таинственный кусок пера, о котором задавали так много вопросов?

— Только его часть, милорд, — сказал Г. М. — Если его обследовать, видно, что маленький фрагмент все еще отсутствует — размером всего лишь около четверти дюйма на полдюйма. Это

второй кусок. Всего их три — один еще предстоит найти. — Он повернулся к свидетелю: — Могли бы вы ответить точно, является ли кусочек, который вы держите в руке, частью сломанного направляющего пера этой стрелы?

— Думаю, мог бы, сэр.

— Тогда взгляните на него и скажите нам.

Покуда Шенкс, сторбившись, разглядывал кусочек пера, люди в зале приподнимались, пытаясь его увидеть. Заключенный тоже смотрел на него, но выглядел таким же озадаченным, как остальные.

— Кусочек является частью этого пера, сэр, — заявил Шенкс.

— Вы в этом уверены? Даже если это гусиное перо и покрыто специальной краской, каким образом вы можете опознать его как принадлежащее именно этой стреле?

— Сэр, я сам накладывал эту краску кисточкой, как художник. Вот что я подразумевал под соответствием. Краска в одном месте облупилась, и на голубом фоне появилось светлое пятно, похожее на вопросительный знак. Здесь находится его верхняя часть, но низ и точку я не вижу...

— Вы можете поклясться, что кусочек, застрявший в арбалете, оторвался от пера на этой стреле?

— Могу, сэр.

— Пока это все, — сказал Г. М.

Генеральный прокурор встал. За его вежливостью скрывалось некоторое раздражение. Под взглядом сэра Уолтера Шенкс явно нервничал.

— Эта стрела датирована 1934 годом. Означает ли это, что вы изготовили или покрасили ее в 1934 году?

— Да, сэр. Думаю, весной.

— С тех пор вы когда-нибудь видели ее достаточно близко, чтобы обследовать? После победы на ежегодном состязании в 1934 году мистер Хьюм повесил эту стрелу на стене кабинета?

— Да, сэр.

— С тех пор вы находились достаточно близко от нее?

— Нет, сэр, пока этот джентльмен... — он кивнул в сторону Г. М., — не попросил меня взглянуть на нее месяц назад.

— Значит, с 1934 года и до тех пор вы практически не видели стрелу?

— Да, сэр.

— Полагаю, в течение этого времени вы изготовили много стрел для мистера Хьюма?

— Да, сэр.

— Сотни?

— Ну, сэр, я бы не заходил так далеко.

— Попытайтесь назвать приблизительное число. Будет ли правильным предположить, что вы изготовили или подготовили более сотни стрел?

— Да, сэр. Их было очень много.

— Понятно. Тем не менее вы утверждаете, что по прошествии стольких лет можете опознать одну из более чем сотни стрел, которую вы красили в 1934 году? Напоминаю вам, что вы находитесь под присягой.

При этом грозном напоминании свидетель бросил взгляд на зрительскую галерею, словно ища поддержки.

— Понимаете, сэр, это моя работа...

— Пожалуйста, отвечайте на вопрос. Можете ли вы после стольких лет определить среди более чем сотни стрел ту, которую вы красили в 1934 году?

— Я бы не хотел клясться, сэр. Чего доброго, попаду в ад...

— Отлично, — кивнул генеральный прокурор, довольный произведенным эффектом. — А теперь...

— Но я уверен, что это та самая стрела!

— Хотя не можете в этом поклясться. Понимаю. А теперь... — продолжал сэр Уолтер, подобрав тонкие листы с машинописным текстом. — У меня здесь копия заявления обвиняемого полиции... Пожалуйста, передайте это свидетелю... Возьмите заявление, мистер Шенкс, и прочитайте нам первый абзац.

Испуганный Шенкс взял лист бумаги и, моргая, уставился на него. Потом он начал шарить в карманах без очевидного результата, побуждая суд все сильнее сомневаться в его умственных способностях.

— Не могу найти мои очки, сэр. Боюсь, что без них...

— Насколько я понимаю, — осведомился генеральный прокурор, правильно интерпретируя моргание, — без очков вы не можете прочитать заявление?

— Не то чтобы не могу, сэр, но...

— Однако вы смогли опознать стрелу, которую красили в 1934 году? — добавил сэр Уолтер и сел.

На сей раз Г. М., готовый к бою, возобновил прямой допрос, но он оказался кратким.

— Сколько раз Эйвори Хьюм выигрывал ежегодные состязания?

— Три раза, сэр.

— В этих случаях стрела служила специальным призом, не так ли?

— Да, сэр.

— Значит, она не являлась «одной из более чем сотни»? Это был специальный сувенир?

— Да, сэр.

— Эйвори Хьюм показывал вам стрелу и привлекал к ней ваше внимание после того, как выиграл первое состязание?

— Да, сэр.

— Ха! — Г. М. приподнял мантию, чтобы подтянуть брюки. — Это все. Нет, не сюда, сынок, — это судейская скамья. Пристав проводит вас. — Подождя, пока Шенкса уведут, он снова поднялся. — Вызовите Реджиналда Ансуэлла.

Глава 17

ЧЕРЕЗ «ОКНО ИУДЫ»

Реджиналд Ансуэлл был не совсем под охраной — когда пристав провожал его к свидетельскому месту, он выглядел свободным человеком. Но позади него я заметил знакомую фигуру старшины Карстерса, который охраняет вход в логово Г. М. в Уайтхолле. На лице старшины застыло выражение благодушия.

Глаза всех тут же начали искать Мэри Хьюм, но ее в зале не оказалось. Длинное, худое лицо Реджиналда было бледным, но решительным. Помню, я тогда подумал, что он выглядит хитрым субъектом и с ним лучше держать ухо востро, каковы бы ни были намерения Г. М. Впрочем, эта волна неприязни могла быть вызвана выражением холодного самообладания, присущего его чертам. Он принес присягу четким, приятным голосом.

Набрав воздуха в легкие, Г. М. приступил к допросу:

— Ваше имя Реджиналд Уэнтурт Ансуэлл, вы не имеете постоянного места проживания, но, будучи в Лондоне, останавливаетесь в «Д'Орсе Чеймберс» на Дьюк-стрит?

— Да.

— Я хочу, чтобы вы поняли, — продолжал Г. М., — что вы не обязаны отвечать на вопросы, которые могут повредить вам. — Он сделал паузу. — Однако этот вопрос к таковым не относится. Когда полиция расспрашивала вас о ваших передвижениях вечером 4 января, вы сказали всю правду?

— Нет.

— А вы готовы сказать всю правду теперь, под присягой?

— Готов, — ответил Реджиналд как будто с неподдельной искренностью. Его глаза блеснули.

— Вы были в Лондоне в начале вечера 4 января?

— Да. Я ехал на автомобиле из Рочестера и прибыл к «Д'Орсе Чеймберс» в начале седьмого.

Странное чувство напряжения снова начало возрастать. Г. М. склонил голову набок:

— Та-ак. Насколько я понял, было десять минут седьмого, не так ли?

— Нет, немного раньше. Я четко помню, как посмотрел на часы на щитке автомобиля.

— Вы собирались повидать покойного тем вечером?

— Да.

— Когда вы подъехали к «Д'Орсе Чеймберс», то видели свидетеля Хораса Грейбелла?

— Видел.

— Он рассказал вам о визите покойного в вашу квартиру в пятницу?

— Да.

— А что покойный взял ваш пистолет и ушел с ним?

— Да.

— Что вы сделали тогда?

— Я не мог понять его поступка, но мне это не понравилось. Поэтому я решил не встречаться с мистером Хьюмом. Я... немного поколесил вокруг, потом вскоре уехал из города и... не возвращался допоздна.

Г. М. быстро сел. Слово «вскоре» прозвучало с какой-то странной интонацией, которую он наверняка уловил. Сэр Уолтер Сторм так же быстро поднялся.

— Вы сказали, капитан Ансуэлл, — начал он, — что «немного поколесили вокруг» и «вскоре» уехали из города. Как вскоре?

— Через полчаса или, возможно, чуть позже.

— Через полчаса? Колесили так долго?

— Да. Я хотел подумать.

— Куда вы ездили?

Молчание.

— Повторяю вопрос. Куда вы ездили, капитан Ансуэлл?

— К дому мистера Хьюма на Гроувнор-стрит, — ответил свидетель.

Какую-то секунду смысл сказанного не доходил до нас. Даже генеральный прокурор заколебался. Откровенность свидетеля напоминала «обаятельного» Реджиналда Ансуэлла, которого я видел вчера.

— Вы говорите, что ездили к дому мистера Хьюма?

— Да. Я надеялся, что вы об этом не спросите. — Он бросил взгляд на подсудимого, который в свою очередь уставился на него. — Я говорил им, что не могу помочь кузену. Я рассчитывал, что меня не будут вызывать свидетелем.

— А теперь вы осознали, что вам придется говорить правду? Отлично. Почему вы поехали к дому мистера Хьюма?

— Точно не знаю. Мне это казалось очень странным, каким-то шоу. Я не собирался входить в дом — только поездить рядом и понаблюдать... что там творится.

— В котором часу вы подъехали к дому? — осведомился генеральный прокурор. Даже он был не в состоянии говорить бесстрастным голосом.

— В десять минут седьмого.

Судья вскинул голову:

— Минутку, сэр Уолтер... — Он устремил маленькие глазки на свидетеля: — Получается, что вы прибыли туда одновременно с обвиняемым?

— Да, милорд. Фактически я даже видел, как он входил.

Вероятно, не существует степеней измерения человеческой неподвижности. Однако я ни разу не видел Г. М. более неподвижным, чем тогда. Его исполинская фигура в черной мантии застыла с карандашом в руке; казалось, он не дышал. Стул Джеймса Ансуэлла неожиданно скрипнул. Подсудимый сделал странный жест, как школьник, начавший поднимать руку в классе и внезапно передумавший.

— Что вы сделали потом? — спросил генеральный прокурор.

— Я не знал, что делать. Меня интересовало, почему Джим там. Когда я видел его в Фроненде, он не говорил, что собирается туда. Меня заинтересовало, не касается ли это моих бывших отношений с мисс Хьюм. — Свидетель выпрямился. — Я не раскаиваюсь в том, что сделал. Любой на моем месте поступил бы так же. Я знал, что есть открытый проход между домом мистера Хьюма и соседним домом...

Сэр Уолтер Сторм прочистил горло. Он походил не на прокурора, ведущего прямой или перекрестный допрос, а на мыслителя, пытающегося добраться до истины.

— Вы бывали в этом доме раньше, капитан Ансуэлл?

— Да, несколько раз, хотя никогда не встречал мистера Хьюма. Я бывал там с мисс Хьюм. Ее отец не одобрял нашего знакомства.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Я... я...

— Вы слышали, что сказал вам обвинитель, — вмешался судья. — Продолжайте ваш рассказ.

— Я много слышал о кабинете мистера Хьюма от мисс Хьюм и знал, что если он принимает Джима, то именно там. Выйдя из машины, я двинулся по проходу рядом с домом — без какого-либо конкретного плана, только чтобы быть поближе к ним. Справа я обнаружил короткую лестницу, ведущую к двери с кружевной занавеской на стеклянной панели. Дверь вела в маленький коридор возле кабинета мистера Хьюма. Заглянув сквозь занавеску, я увидел дворецкого, который подвел Джима к кабинету и постучал в дверь.

Казалось, подул сквозняк, разметав на столе обвинителя бумаги.

— Что вы сделали потом?

— Я... ждал.

— Ждали?

— За дверью. Я не совсем знал, как мне поступить.

— Сколько времени вы ждали?

— От десяти—двенадцати минут седьмого до немногим позже половины.

— И вы, как и остальные, — осведомился сэр Уолтер, — до сих пор ни при ком об этом не упоминали?

- Нет. Думаете, я хотел, чтобы моего кузена повесили?
- Это неподобающий ответ, — указал судья.
- Прошу прощения у вашего лордства. Я боялся, что это интерпретируют подобным образом.
- Что вы видели, стоя за дверью со стеклянной панелью? — снова заговорил сэр Уолтер.
- Я видел, как Дайер вышел из кабинета около четверти седьмого. Потом, около половины седьмого, мисс Джордан подошла к кабинету и постучала в дверь. Дайер вернулся, и я слышал, как она крикнула ему, что они дерутся...
- Одну минуту. Между четвертью седьмого, когда Дайер вышел из кабинета, и половиной седьмого, когда спустилась мисс Джордан, вы видели, как кто-нибудь приближался к кабинету?
- Нет.
- Вам было хорошо видно?
- Да. Хотя в коридоре не было света, но он проникал из главного холла.
- С того места, где вы стояли... передайте свидетелю план... вам были видны окна кабинета?
- Да. Они находились слева от меня, как вы можете видеть на плане.
- Кто-нибудь приближался к этим окнам в то время?
- Нет.
- А мог кто-нибудь подойти к ним незаметно для вас?
- Нет. Полагаю, меня подвергнут наказанию за то, что я не сообщил это...

Здесь я делаю паузу, ибо такая же пауза воцарилась в зале. Мы часто слышали о появлявшихся в последнюю минуту свидетелях защиты, но Реджиналд Ансуэлл, хотя и вызванный защитой, стал появившимся в последнюю минуту свидетелем обвинения, крепко затянувшим петлю на шее подсудимого. Лицо Джеймса Ансуэлла приобрело цвет, какой еще не приобретало ни разу во время процесса; он с недоумением смотрел на своего кузена.

Но в зале суда ощущалась также иная пауза или перемена — если, конечно, она не существовала только в моем преду-

бежденном уме. До сих пор Реджиналд внушал веру в себя. Он привнес в это дело то, что отсутствовало в нем раньше, — свидетельства очевидца, подтверждающего косвенные доказательства. Но последняя фраза: «Полагаю, меня подвергнут наказанию за то, что я не сообщил это...» — представила его в несколько ином аспекте. На миг от его речи пахнуло лицемерием, которое уже давало о себе знать прежде. Я был уверен, что этот человек лжет и, более того, занял свидетельское место, намереваясь лгать именно таким образом. Он сознательно пытался навлечь на себя атаку сэра Уолтера Сторма.

Но знал ли об этом Г. М.? Был ли он к этому готов? Г. М. по-прежнему сидел неподвижно, прижав кулаки к вискам. Впечатленными казались присяжные, а не он.

— Вопросов больше нет, — сказал сэр Уолтер. Он выглядел озадаченным.

Г. М. поднялся для продолжения прямого допроса, который фактически являлся перекрестным допросом собственного свидетеля. Когда он заговорил, то использовал слова, которые не звучали в Олд-Бейли со времен судьи Арабина¹. Но в них слышалась не только угроза, но и удовлетворение, казалось делавшее его на фут выше ростом.

— Я даю вам две секунды, — сказал Г. М., — на признание в том, что у вас произошел приступ белой горячки и что все сказанное вами на этом допросе — ложь.

— Откажитесь от вашего требования, сэр Генри, — сказал судья. — Вы имеете право задавать вопросы свидетелю по любому поводу, возникшему в процессе перекрестного допроса сэром Уолтером, но извольте выражаться подобающим образом.

— Как угодно вашему лордству, — отозвался Г. М. — Когда я начну допрос, станет понятно, почему я придерживаюсь этой линии... Капитан Ансуэлл, вы желаете отказаться от какого-либо из сделанных вами заявлений?

— Нет. Почему я должен это делать?

— Отлично, — кивнул Г. М. — Вы видели все это через стеклянную панель, не так ли?

— Да.

¹ А р а б и н — английский юрист XIX в., прославившийся остроумными замечаниями.

— Дверь была открыта?

— Нет, я не входил внутрь.

— Понятно. Когда вы последний раз посещали этот дом до 4 января?

— Должно быть, около года назад.

— Угу. Так я и думал. Но разве вы не слышали, как Дайер, давая показания вчера, говорил, что старая дверь со стеклянной панелью полгода назад была заменена целиком деревянной? Если у вас имеются сомнения на этот счет, взгляните на отчет официального землемера — это одно из вещественных доказательств, — и вы увидите, что он прямо заявляет об этом. А что вы собираетесь сообщить нам теперь?

Казалось, голос свидетеля звучит из бездны.

— Возможно, дверь была открыта...

— Это все, — кратко произнес Г. М. — В завершение допроса, милорд, я предлагаю принять меры по поводу происшедшего.

Сказать, что удар был сильным, было бы слишком мягко. Реджиналд возник из небытия, чтобы подтвердить виновность Джеймса Ансуэлла, и спустя всего восемь секунд был пойман на лжесвидетельстве. Но это еще не самое важное. Впервые я увидел, как некоторые присяжные с сочувствием смотрят на обвиняемого. Слово «подтасовка» почти физически ощущалось в атмосфере. Если Г. М. и ожидал такого трюка от Реджиналда, это не уменьшало эффект.

— Вызывайте вашего следующего свидетеля, сэр Генри, — мягко произнес судья.

— Милорд, если генеральный прокурор не возражает, я бы хотел повторно вызвать одного из свидетелей Короны — всего лишь с целью опознать некоторые предметы, которые я собираюсь предъявить в качестве доказательств. Лучше всего это мог бы сделать обитатель дома, чье знакомство с этими предметами было установлено.

— У меня нет возражений, милорд, — сказал сэр Уолтер Сторм, потихоньку вытирая лоб носовым платком.

— Очень хорошо. Этот свидетель присутствует в суде?

— Да, милорд. Я бы хотел повторно вызвать Херберта Уильяма Дайера.

Мы не успели подумать о новом обороте дела, когда Дайер занял свидетельское место. Но подсудимый выпрямился, и его

глаза сияли. Серьезный Дайер, одетый так же аккуратно, как вчера, хотя и менее мрачно, внимательно склонил седую голову. Тем временем Лоллипоп раскладывала на столе таинственные предметы, завернутые в коричневую бумагу. Первым делом Г. М. продемонстрировал коричневый твидовый костюм для гольфа. Мы с Эвелин посмотрели друг на друга.

— Вы когда-нибудь видели этот костюм раньше? — обратился Г. М. к свидетелю. — Передайте костюм ему.

— Да, сэр, — ответил Дайер после паузы. — Это костюм для гольфа доктора Спенсера Хьюма.

— Поскольку вызвать доктора Хьюма не представляется возможным, полагаю, вы в состоянии его опознать? Превосходно. Этот костюм вы искали в вечер убийства?

— Да.

— Загляните в правый карман пиджака. Что там находится?

— Штемпельная подушечка и две резиновые печати, — ответил Дайер, вытащив их.

— Это те подушечка и печати, которые вы искали в вечер убийства?

— Да.

— Отлично. У нас имеется еще кое-что, — небрежным тоном продолжал Г. М. — Белье из стирки и пара турецких комнатных туфель, но это, так сказать, не ваша епархия. Их сможет идентифицировать мисс Джордан. А вот это вы в состоянии опознать?

На сей раз был предъявлен большой чемодан из черной кожи с инициалами, вытисненными золотом на клапане возле ручки.

— Да, сэр, — отозвался Дайер. — Несомненно, это чемодан доктора Хьюма. По-моему, его упаковала для доктора мисс Джордан в вечер... прискорбных обстоятельств. Мисс Джордан и я забыли о нем — она впоследствии тяжело болела, а когда спросила меня, что произошло с чемоданом, я не мог вспомнить. С тех пор я его не видел.

— Да, но здесь еще одна вещь, которую вы можете идентифицировать. Взгляните на этот графин из граненого стекла. Как видите, он наполнен виски, за исключением примерно двух стаканов. Вы когда-нибудь видели его раньше?

На секунду я подумал, что Г. М. держит в руке одно из вещественных доказательств обвинения. Предъявленный им графин был неотличим от представленного Короной. Очевидно, Дайер думал так же.

— Он похож на графин, который стоял на буфете в кабинете мистера Хьюма. Совсем как тот...

— Так и было задумано. Можете вы отличить их друг от друга?

— Боюсь, что нет, сэр.

— Возьмите оба графина в руки. Можете вы поклясться, что мой графин в вашей правой руке не тот, который вы купили у Хартли на Риджент-стрит, а первый экспонат в вашей левой руке не копия из стекла худшего качества?

— Не могу, сэр.

— Вопросов больше нет.

Три человека быстро сменили друг друга на свидетельском месте, пробыв там не более пяти минут. Мистер Рирдон Хартли из фирмы «Хартли и сын» на Риджент-стрит удостоверил, что графин, который Г. М. называл «моим», был оригиналом, проданным им мистеру Хьюму, а экземпляр обвинителя — копией, которую Эйвори Хьюм приобрел в пятницу 3 января. Мистер Деннис Мортон, химик-аналитик, подтвердил, что обследовал виски в «моем» графине и обнаружил в нем сто двадцать гран брудина, производного от скополамина. Доктор Эштон Паркер, профессор прикладной криминологии Манчестерского университета, дал более подробные показания:

— Я обследовал арбалет, который, как мне сказали, принадлежал Эйвори Хьюму. В желобке в центре, очевидно предназначенном для стрелы — вот здесь, — микроскоп обнаружил чешуйки засохшей краски. Я пришел к выводу, что они стерлись с деревянного снаряда, выпущенного из арбалета, вследствие внезапного трения. Анализ показал, что краска относится к типу «Лак Икс», используемому исключительно господами Хардиган, которые продали покойному стрелу, о которой идет речь. Я сделал письменное заключение по этому поводу.

Стрела была любезно предоставлена мне инспектором Мотттрамом. Микроскоп показал, что чешуйки краски облупились вдоль стержня по неровной линии.

В зубцах ворота арбалета я обнаружил фрагмент голубого пера, который сейчас перед вами. Я сравнил его со сломанным

пером на конце стрелы. Два фрагмента составили целое перо, за исключением исчезнувшего маленького кусочка. У меня здесь фотографии обоих фрагментов в десятикратном увеличении. Соединения волокон пера четко видны, и у меня нет сомнений, что оба фрагмента принадлежат одному и тому же перу.

— По вашему мнению, стрелу выпустили из этого арбалета?

— По моему мнению, безусловно.

Правда, на перекрестном допросе доктор Паркер признал теоретическую возможность ошибки.

— А я признаю, милорд, — заявил Г. М. в ответ на вопрос судьи, — что пока мы не объяснили, откуда взялись этот арбалет и другие предметы и что произошло с исчезнувшим кусочком пера. Но сейчас мы это исправим. Вызовите Уильяма Кокрана.

— А это еще кто? — шепнула Эвелин.

Г. М. уже говорил, что в суде под председательством Чокнутого Рэнкина беспорядка должно быть не больше, чем на шахматной доске, но любопытство в зале приближалось к точке кипения и было лишь стимулировано появлением на свидетельском месте скромно одетого пожилого мужчины.

— Ваше полное имя?

— Уильям Рат Кокран.

— Какова ваша профессия, мистер Кокран?

— Я управляющий камерами хранения вокзала Пэddингтон — терминала железной дороги Грейт-Уэстерн.

— Думаю, мы все знаем процедуру, — сказал Г. М., — но я кратко ее обрисую. Если вы хотите оставить на несколько часов чемодан, сумку, пакет или еще что-нибудь, вы передаете вещь через прилавок и получаете квитанцию, позволяющую забрать ее потом. Так ведь?

— Совершенно верно.

— Вы можете назвать дату и время суток, когда вещь была передана на хранение?

— Да. Они указаны на квитанции.

— Предположим, — продолжал Г. М., — вещь оставлена, но никто не заявляет на нее права. Что происходит с ней тогда?

— Зависит от того, когда ее оставили. Если вещь пробыла у нас очень долго, ее передают в камеру, специально предназначенную для таких целей, а если ее не требуют в течение двух месяцев, то могут продать и направить выручку в благотвори-

тельные железнодорожные организации, но мы прилагаем все усилия, чтобы найти владельца.

— Кто заведует этим отделом?

— Я. Все осуществляется под моим руководством.

— 3 февраля кто-нибудь приходил в ваш офис и осведомлялся о чемодане, оставленном на определенное время и в определенную дату?

— Да. Вы, — ответил свидетель с подобием улыбки.

— Кто-то еще присутствовал при этом?

— Да, двое мужчин, которых я теперь знаю как мистера Паркера и мистера Шенкса.

— Спустя неделю после нашего визита кто-нибудь еще приходил и справлялся об этом чемодане?

— Да, мужчина, который назвался...

— Имя не имеет значения, — быстро прервал Г. М. — Это нас не касается. Вы открывали чемодан в присутствии первых трех посетителей?

— Да, и убедился, что он принадлежит одному из них, — ответил Кокран, строго глядя на Г. М. — Содержимое чемодана — весьма необычное — было описано, прежде чем чемодан открыли.

Г. М. указал на черный кожаный чемодан с инициалами Спенсера Хьюма.

— Посмотрите на него и скажите нам, тот ли это чемодан?

— Тот самый.

— Я бы также хотел, чтобы вы опознали кое-какие предметы, которые тогда находились в этом чемодане. Попрошу секретаря поднимать их по очереди. Это?

Лоллипоп подняла костюм для гольфа.

— Да.

— Эти?

Последовали различные предметы одежды, включая пару красных кожаных шлепанцев.

— Это?

Одежду и обувь сменил неполный графин с виски, куда добавили наркотик.

— Это?

Следующим оказался сифон с содовой водой, чье содержимое уменьшилось на пару дюймов. Его сменили перчатки с

именем «Эйвори Хьюм», написанным на подкладке несмываемыми чернилами, маленький штопор, два стакана и пузырек с экстрактом мяты.

— И наконец, этот арбалет был в чемодане? — осведомился Г. М.

— Был. Он идеально в нем поместился.

— А этот кусочек пера застрял в зубах ворота?

— Да, вы привлекли к нему мое внимание. Это тот самый кусочек.

— Угу. Итак, вечером в субботу 4 января некое лицо явилось в камеру хранения и оставило там чемодан?

— Да.

— В случае необходимости это лицо могут опознать?

— Один мой подчиненный полагает, что может, так как...

— Благодарю вас, это все.

Поколебавшись, генеральный прокурор приподнялся с места:

— Вопросов нет.

Зал шумно выдохнул. Судья Рэнкин, чье запястье казалось неустойчивым, упорно продолжал записывать. Наконец он сделал паузу и поднял голову. Г. М. окинул взглядом зал.

— Милорд, у меня остался только один свидетель. Я пригласил его с целью продемонстрировать альтернативную теорию того, как убийца проник в запертую комнату и вышел из нее. Этот свидетель, — продолжал Г. М., — находится в суде с начала процесса. Единственная беда в том, что он не может говорить. Следовательно, я вынужден дать кое-какие объяснения. Если есть возражения, я могу сделать это в заключительной речи. Но так как краткое объяснение может предъявить еще одно доказательство в пользу защиты, я прошу снисхождения суда, поскольку без этого доказательства наше дело не может быть завершено.

— Мы не возражаем против предложения моего ученого друга, милорд.

Судья кивнул.

— Я вижу за солиситорским столом инспектора Моттрэма, — заговорил Г. М. после долгой паузы. Инспектор резко повернул к нему массивное лицо. — Я попрошу его предъявить одно из вещественных доказательств Короны. Нам по-

казывали стальные ставни на окнах кабинета и тяжелую дубовую дверь. Давайте снова взглянем на дверь...

Инспектор и все присутствующие здесь полицейские, безусловно, слышали о маленьком приспособлении, именуемом «окном Иуды». Его использование считается ограниченным дверями тюремных камер. Это маленькое квадратное отверстие с панелью над ним, сквозь которое надзиратель может наблюдать за заключенным незаметно для него. В этом деле оно нашло свое применение.

— Я не понимаю вас, сэр Генри, — резко сказал судья. — В двери, находящейся перед нами, нет никакого «окна Иуды».

— Есть, — возразил Г. М. — Если вы немного подумаете, милорд, то поймете, что «окно Иуды» имеется почти в каждой двери. Я имею в виду, что у любой двери должна быть ручка. У этой она есть, и, как я уже указывал некоторым людям, очень большая!

Если вы удалите из этой двери ручку, что вы обнаружите? Стальной стержень квадратного сечения, проходящий сквозь квадратное отверстие, подобное «окну Иуды». С обеих сторон к стержню посредством винтика прикреплены ручки. Если вы извлечете ручки и стержень, в двери останется отверстие размером около половины квадратного дюйма. А если вы не знаете, насколько большим может оказаться такое отверстие и как много можно через него увидеть, мы попытаемся продемонстрировать это через минуту. Вот почему я возражал против слова «запечатанная».

Предположим, вам нужно приготовить этот простейший маленький механизм заранее. Для этого вы отвинчиваете с наружной стороны двери ручку от стержня. Обратите внимание, что в чемодане, оставленном на вокзале Пэддингтон, есть очень маленькая отвертка, поэтому я попрошу инспектора проделать это для нас... Ага! Как видите, в конце стержня остается дырочка для винта. В эту дырочку вы продеваете длинный отрезок плотной черной нитки и завязываете его узлом. Потом вы пальцем проталкиваете стержень через отверстие на внутреннюю сторону двери, то есть в комнату. На стержне остается только одна ручка — с внутренней стороны, — а к другому концу привязана ваша нитка. Когда вы хотите вернуть стержень и ручку назад, вы просто тянете нитку. Вес ручки достаточен, чтобы

нитка висела абсолютно вертикально, поэтому вы без труда вытягиваете квадратный стержень в квадратное отверстие — он поднимается вверх и скользит внутрь, когда его край пересекает край «окна Иуды». Как только стержень входит полностью, вы отрываете вашу нитку, надеваете наружную ручку на стержень и привинчиваете ее назад... Все необычайно просто, но дверь теперь выглядит «запечатанной».

Снова предположим, что вы подготовили механизм заранее, уже продев нитку. Кто-то находится в комнате с запертой на засов дверью. Вы начинаете работать с вашим механизмом. Человек внутри ничего не замечает, пока внезапно не видит, что ручка и стержень начинают понемногу продвигаться внутрь. Вам нужно, чтобы он это видел. Вы даже обращаетесь к нему через дверь. Ему интересно, что происходит, — он подходит к двери и наклоняется, как сделал бы любой, стараясь взглянуть на ручку вблизи. Когда он склоняется вперед — цель находится всего в трех футах от вашего глаза, и вы не можете промахнуться...

— Милорд! — воскликнул сэръ Уолтер Сорм. — Мы охотно предоставили защите свободу действий, но должен протестовать против подобного аргумента...

— ...вы выпускаете через «окно Иуды» вставленную в него стрелу, — закончил Г. М.

На момент воцарилась мертвая тишина. Инспектор Моттрам застыл с отверткой в руке.

— Я был вынужден произнести все это, милорд, — виновато заговорил Г. М., — дабы сделать очевидным то, что я собираюсь вам продемонстрировать. Эта дверь была в распоряжении полиции с вечера убийства. Никто не мог ничего с ней проделать — она пребывает в прежнем состоянии... Инспектор, вы отвинтили одну ручку от стержня? Отлично. Не сообщите ли вы милорду и присяжным, что продето в дырку для стержня и привязано к нему?

— Пожалуйста, говорите, — сказал судья Рэнкин. — Отсюда мне ничего не видно.

В тишине голос инспектора Моттрама звучал жутко. Едва ли я забуду, как он стоял под белым куполом Олд-Бейли, переводя взгляд с отвертки на стержень, в желтом свете, среди желтой мебели и дубовых панелей, перед рядами людей, под-

нявшихся с мест. Даже фигуры обвинителей в белых париках и черных мантиях выпрямились, мешая нам видеть.

— Милорд, — заговорил инспектор, — в дырке для стержня остался кусок черной нитки.

Судья сделал запись аккуратным почерком.

— Понятно. Продолжайте, сэр Генри.

— А теперь, инспектор, — сказал Г. М., — просто толкните стержень внутрь пальцем — воспользуйтесь острием отвертки, если это удобнее, — и вытащите стержень из отверстия... Вот так! Мы хотим взглянуть на «окно Иуды» и... Кажется, вы что-то нашли, не так ли? Что-то застряло между стержнем и стенками отверстия? Что именно?

Инспектор Моттрам обследовал предмет, лежащий у него на ладони, и выпрямился.

— Похоже на маленький кусочек пера, покрашенного в голубой цвет, размером около четверти дюйма, треугольной формы, очевидно оторвавшийся от...

Каждая половица деревянного пола, каждая скамья, каждый стул, казалось, издали отдельный скрип. Эвелин неожиданно села, шумно выдохнув.

— Это, милорд, — вежливо произнес Г. М., — вместе с идентификацией последнего фрагмента пера завершит дело защиты.

Глава 18

ВЫНЕСЛИ ЛИ ВЫ ВЕРДИКТ?

16.15—16.32

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ СЭРА ГЕНРИ МЕРРИВЕЙЛА

— ...Итак, я только что попытался обрисовать вам то, что мы назовем отдаленными фазами этого дела. Думаю, вы убедились, что обвиняемый стал жертвой подтасовки. Вы слышали, что он пришел повидать человека, которому хотел понравиться, и не имел при себе пистолета. Вы слышали детали, которые извращали все, им сказанное, до такой степени, что вынуждали меня действовать крайне осмотрительно. Подтасовка была задумана и осуществлена несколькими людьми — в особенности

активен был тот, кого вы слышали сегодня и кто намеренно пытался отправить подсудимого на виселицу. Помните обо всем этом, когда будете обдумывать ваш вердикт.

Но ваше дело не жалость и сочувствие, а только правосудие, и это все, о чем я прошу. Поэтому я собираюсь строить линию защиты, базируясь на двух предметах — куске пера и арбалете.

Корона убеждает вас, что этот человек без всякого мотива внезапно сорвал со стены стрелу и вонзил ее в Эйвори Хьюма. Это простое обвинение и требует простого ответа. Либо он сделал это, либо нет. Если он сделал это, он виновен, а если нет — невиновен.

Сначала возьмем перо. Когда Дайер оставил обвиняемого в кабинете наедине с Эйвори Хьюмом, перо оставалось в стреле, целое и невредимое. Этот простейший факт не оспаривал никто, что может подтвердить вам генеральный прокурор. Когда дверной засов отодвинули и Дайер с мистером Флемингом вошли в кабинет, половина пера исчезла со стрелы. Они сразу же обыскали комнату, но куска пера там не оказалось — это также простейший факт. Инспектор Моттрам тоже обыскал кабинет и тоже не обнаружил обрывка пера. Все это время, как вы помните, обвиняемый не покидал комнату.

Где же был кусок пера? Единственное предположение, которое в состоянии сделать полиция, — что обвиняемый, сам того не зная, унес его на своей одежде. Заявляю вам, что это не может быть правдой по двум причинам. Во-первых, вам продемонстрировали, что два человека не могли разорвать это перо в борьбе так, как оно было разорвано. Следовательно, никакой борьбы не было, и что в таком случае остается от дела Короны? Во-вторых, что еще важнее, мы знаем, где действительно находился обрывок пера.

Вы слышали в показаниях управляющего камерами хранения вокзала Пэджингтон, что некое лицо — не обвиняемый — оставило чемодан на вокзале в начале вечера 4 января. (Обвиняемый в любом случае не мог этого сделать, находясь под присмотром полиции со времени обнаружения тела до следующего утра.) Чемодан содержал арбалет, который вы видели, а в его зубах застрял фрагмент исчезнувшего куска пера.

Думаю, не может быть сомнений, что это часть пера в стреле. Вы видели микроснимки, на которых могли сравнить все

детали; вы слышали, как его опознал человек, который прикреплял перо к стреле, — короче говоря, как и во всех прочих аспектах дела, вы сами могли принять решение. Как же фрагмент пера попал туда? Как этот факт соответствует теории обвинения, будто обвиняемый сорвал со стены стрелу и использовал ее как кинжал? Даже если он заколол покойного, есть много вещей, которые он никак не мог сделать. Обвиняемый не мог разорвать перо, не мог засунуть обрывок в зубья арбалета и, безусловно, не мог положить весь аппарат в чемодан Спенсера Хьюма, который, как вы помните, не был даже упакован или принесен вниз до половины седьмого.

Несколько слов об этом чемодане. На мой взгляд, он сам по себе уничтожает всякие сомнения в невиновности подсудимого. Я не предполагаю, что мисс Джордан упаковала для поездки на уик-энд арбалет вместе с воротничками и шлепанцами. Нет, я имею в виду, что чемодан стоял внизу в коридоре и кто-то им воспользовался. Но как это применимо к обвиняемому? Чемодан упаковали и принесли вниз в половине седьмого. С тех пор и до того, как три свидетеля вошли в кабинет, он находился у кого-то на глазах. Обвиняемый хоть раз покидал кабинет? Нет. Вы часто это слышали — особенно от обвинения. Приближался ли он к чемодану, чтобы положить в него арбалет, графин или что-либо еще (что, как я думаю, было уже где-то собрано, ожидая упаковки)? Короче говоря, имел ли он вообще дело с чемоданом? У него не было такой возможности до обнаружения убийства и, безусловно, не было после.

Я привлекаю ваше внимание к еще одному моменту. Кусок пера находился в чемодане, который, как мы выяснили, призрак Джеймса Ансуэлла не относил на вокзал Пэддингтон. Но был и другой, совсем маленький фрагмент. Вы знаете, где он находился, и видели его там. Он находился в месте, которое я для удобства буду именовать «окном Иуды». Как же это сочетается с уверенностью обвинения, что Ансуэлл использовал стрелу как кинжал?

Никак не сочетается. Нет никаких сомнений, что перо оказалось там во время убийства. Инспектор Моттрам, как вы слышали, изъял дверь в вечер убийства и с тех пор держал ее в полицейском участке. От обнаружения убийства до изъятия двери в кабинете постоянно кто-то находился, так что частица

пера могла попасть туда только в момент преступления. Только что вы слышали, как профессор Паркер идентифицировал этот кусочек как последний недостающий фрагмент пера и объяснил, по каким причинам. Как же мой ученый друг объяснит его нахождение в «окне Иуды»? Уверяю вас, я здесь не для того, чтобы отпускать глупые шутки в адрес обвинения, которое вело свое дело со скрупулезной честностью в отношении обвиняемого и предоставляло защите всю свободу действий, на которую мы могли рассчитывать. Но что я могу сказать? Просто подумайте о невероятном предположении, будто Джеймс Ансуэлл внезапно вскочил со стула и убил Эйвори Хьюма и в то же самое время кусочек пера с этой стрелы оказался в отверстии, поддерживающем стержень дверной ручки. Можете найти самое изобретательное объяснение, которое не звучало бы нелепо?

Вы уже слышали о причинах, по которым обвиняемый не мог приблизиться к арбалету или чемодану, — фактически такое никогда не предполагалось. То же самое относится к перу в двери и маленькому приспособлению в виде нитки на стержне. Думаю, вы согласитесь, что механизм был подготовлен заранее. Раньше Ансуэлл никогда не бывал в доме, а приспособлением следовало оперировать снаружи, чтобы вытолкнуть внутреннюю ручку. Ансуэлл находился в кабинете с запертой на засов дверью. Как я говорил, глупые шутки бессмысленны, но я уверен, что чем больше вы об этом думаете, тем сильнее убеждаетесь, что Ансуэлл не мог установить механизм. В противном случае вы просто группа тупоголо... хмф!.. вы не являетесь толковыми английскими присяжными, каковыми я вас считаю.

Тем не менее перо каким-то образом попало в «окно Иуды». Рискну предположить, что если вы, вернувшись вечером домой, вытащите ручки из всех ваших дверей и даже из дверей ваших соседей, то не найдете перьев в отверстиях для стержня. Рискну также предположить, что лишь при одном стечении обстоятельств вы могли бы найти и перо, и приспособление с ниткой в «окне Иуды». Это не имеет отношения к стреле, сорванной со стены и использованной как кинжал. Речь идет об обстоятельствах, на которые я недавно намекал: кто-то, стоявший снаружи двери, запертой на засов, выпустил стрелу прямо в сердце Эйвори Хьюма, когда тот оказался достаточно близко.

С вашего позволения, я собираюсь изложить вам то, как, по нашему мнению, действительно было совершено убийство, и попытаюсь продемонстрировать, как известные вам факты поддерживают защиту и противоречат обвинению.

Но прежде чем сделать это, я хочу сказать кое-что еще. Вы не можете игнорировать жука у вас на затылке или необъяснимое заявление в зале суда. Члены жюри, вчера во второй половине дня вы слышали, как обвиняемый во всеуслышание произнес единственную ложь, которую произносил в этом зале, признав свою вину. Конечно, он заявил это не под присягой, и, может быть, именно потому вы были склонны ему поверить, но теперь вы знаете, почему он так поступил. Вероятно, тогда его не заботило, надел он себе петлю на шею или нет, — как вам известно, это упорно пытались сделать за него другие. Вам судить, за или против обвиняемого говорит его поступок. Но теперь я могу встать и обвинить моего собственного клиента во лжи. Ибо он заявил, что ударил Эйвори Хьюма стрелой, чье перо сломалось во время борьбы. Если вы не верите заявлению моего подзащитного, то не сможете и не осмелитесь вынести вердикт «виновен», а этому заявлению вы не сможете и не осмелитесь верить, и я объясню вам почему.

Члены жюри, вот, как мы считаем, было совершено это преступление...

16.32—16.55

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ
СЭРА УОЛТЕРА СТОРМА

— ...Таким образом, моему ученому другу нечего опасаться. Я не стану ждать, пока милорд обратится к вам, чтобы сказать следующее: если вы не удовлетворены доказательствами обвинения, ваш долг вынести вердикт «невиновен». Не думаю, что кто-либо из вас, слышав мою вступительную речь, может пребывать в заблуждении на этот счет. Я говорил вам тогда, что бремя доказательств лежит на обвинении, и всегда буду это повторять, излагая дело перед жюри, поскольку это мой долг.

Но в равной степени моим долгом является подчеркнуть факты, свидетельствующие против обвиняемого. Речь идет

именно о фактах, на что я неоднократно указывал. Поэтому я должен спросить вас, так уж ли много существенных фактов этого дела было изменено или опровергнуто?

Мой ученый друг попытался все красноречиво объяснить, но я вынужден напомнить вам то, что ему объяснить не удалось.

Что остается? Факт, что обвиняемый был обнаружен с заряженным пистолетом в кармане. Он отрицает, что принес его в дом, но что подтверждает его отрицание? Далее показания свидетеля Грейбелла. Вы слышали его ответы на мои вопросы и наблюдали за его поведением. Только он один заявляет, что видел покойного в «Д'Орсе Чеймберс» в пятницу утром. Каким образом незнакомец в многоквартирном доме мог избежать внимания другого зрителя? Как покойный получил доступ в квартиру обвиняемого? Чего ради Грейбелл пришел туда очищать мусорное ведро в темноте, когда он сам признал, что ведро должны были очистить две недели назад? Грейбелл — о чьих представлениях насчет чести и правдивости вы сами в состоянии судить — единственный свидетель визита покойного в квартиру. Есть еще хоть один свидетель, который мог бы подтвердить предполагаемую кражу пистолета Эвори Хьюмом, пусть даже получив об этом информацию из вторых рук? Есть — Реджиналд Ансуэлл. Но тут я в затруднении. Признаю откровенно, что, когда он поведал вам историю, которая должна была убедить вас в виновности подсудимого, я ему не поверил. Вы сможете решить, воспользовался ли мой ученый друг этими показаниями в суде, где ни обвинение, ни защита не должны извлекать пользу из лжи. Но Реджиналд Ансуэлл — тот самый свидетель, который заявил о своем разговоре с Грейбеллом насчет пистолета. Если мы считаем, что человек лгал в последней части своих показаний, должны ли мы верить, что он говорил правду в первой их части?

Если же обвиняемый пришел с пистолетом в дом мистера Хьюма, налицо преднамеренность. А я считаю, что он это сделал.

Какие еще остаются факты? Отпечатки пальцев обвиняемого на стреле. Они, несомненно, указывают, что его рука держала стрелу, если только, как предположил мой ученый друг, отпечатки не были нанесены на стрелу другими, пока обвиняемый был без сознания.

А каковы доказательства этого предполагаемого обморока и предполагаемого приема наркотика, на которых должны основываться все выводы относительно отпечатков пальцев? Если вы отказываетесь верить, что подсудимому дали наркотик, то отпечатки становятся решающей уликой. В чемодане, обнаруженном в камере хранения вокзала Пэддингтон, находились графин, похожий на первый, но с виски, содержащим наркотик, и сифон, откуда исчезло некоторое количество воды. Несомненно, подобных графинов достаточно в Лондоне, но я хотел бы видеть доказательство, что обвиняемый пил виски с наркотиком или вообще какое-либо виски. Напротив, вы слышали мнение участкового полицейского врача, что подсудимый не принимал наркотик. К сожалению, свидетель, который должен был заявить то же самое, — доктор Спенсер Хьюм — исчез необъяснимым образом, но мы не можем считать эти два обстоятельства связанными, не заслушав доктора Хьюма. Вот что я подразумеваю под фактом.

Вы слышали инсинуации, сделанные по адресу доктора Стокинга. Несмотря на это, я не думаю, что мнение человека с таким долгим опытом работы в больнице Сент-Прейд, как доктор Стокинг, можно игнорировать.

А другие факты? Вы слышали показания свидетеля Дайера о замечании, сделанном обвиняемым покойному: «Я пришел сюда не убивать кого-либо, если только это не станет крайне необходимым», которое ныне фигурирует с добавлением обвиняемого: «Я пришел сюда не красть ложки», подчеркнутым моим ученым другом. Обратите внимание, что мой ученый друг благожелательно принял все прочие заявления Дайера, так как от них зависели многие его доказательства, но не принимает это. Какой мы должны сделать вывод? Что Дайер — свидетель, который говорит правду в час дня и лжет в пять минут второго?

Чтобы сделать окончательно ясным то, как я прошу вас отнестись к этому делу, давайте рассмотрим все показания с самого начала...

...Перейдем к предположению относительно арбалета и трех фрагментов пера — обвинение не ожидало этого контрудара. То, что обвинение не получило предупреждений, вполне законно и этично — защита вправе придерживать информацию, хотя обвинение обычно уведомляет ее, каким линиям собирается

следовать. Что касается арбалета и пера, то в мои намерения не входит это комментировать. Мой долг — изложить вам доказательства Короны. Каким образом кусочек пера — если это действительно кусочек пера из лежащей перед вами стрелы — попал в отверстие для стержня дверной ручки, я не знаю. Каким образом другой фрагмент пера оказался в зубах арбалета, мне тоже неизвестно. Я только соглашаюсь, что они находились там. Если вы считаете, что эти и другие факты говорят в пользу обвиняемого, вы обязаны позволить им повлиять на ваш вердикт. Вы не можете осудить этого человека, если не уверены, что изложенное нами дело без всяких сомнений указывает на его виновность. Конечно, последнее слово остается за милордом, но я не сомневаюсь, что он скажет вам...

16.55—17.20

ИЗ РЕЗЮМЕ СУДЬИ РЭНКИНА

— ...Как известно членам жюри, дело основано на косвенных доказательствах. Проверкой ценности подобных доказательств может служить то, исключают ли они все другие теории или возможности. Если вы не в состоянии сказать это об уликах против обвиняемого, значит, не можете признать его виновным. Закон в этом отношении не допускает никаких двусмысленностей. Человек не может быть осужден за любое преступление, особенно за убийство, если доказательства против него допускают какие-либо сомнения или иные толкования. Если вы допускаете другие возможности, значит, не можете сделать вывод о справедливости обвинения. Вопрос не в том, кто совершил это преступление, а в том, совершил ли его подсудимый. Вы слышали показания свидетелей, речи обвинения и защиты, и теперь моя задача — сделать краткий обзор услышанного. Помните, что о фактах судить вам, а не мне, если я опущу или, напротив, подчеркну какой-то момент в противовес вашему мнению.

Давайте рассмотрим то, что можно назвать существенными фактами. Вначале много говорилось о поведении обвиняемого. Как вам известно, в суде дозволены показания, касающиеся того, как выглядел человек — счастливым, несчастным, воз-

бужденным и так далее. Вам следует отнестись к этому с должным вниманием. Но мне кажется неразумным придавать слишком большое значение подобным заявлениям. Вы, безусловно, знаете, что в вопросах о повседневной жизни они не всегда надежны. Размышляя о поведении какого-либо человека, вы вынуждены предполагать, что его реакция на событие — трагическое, странное или даже ничем не примечательное — должна быть аналогична вашей, а мне незачем говорить вам об опасности такого подхода. Что касается представленных вам фактов...

...Таким образом, я полагаю, что дело сводится не только к самим фактам, но и к их интерпретации. Учебник арифметики должен состоять не только из ответов, но и из задач. Дело такого рода должно складываться не только из следствий, но и из причин, и именно причины должны обсуждаться. Вам предстоит решить, во-первых, замыслил ли Эйвори Хьюм план усыпить капитана Ансуэлла наркотиком, подтасовать улики, свидетельствующие о нападении капитана Ансуэлла на него, и поместить капитана Ансуэлла под надзор, как сумасшедшего, и, во-вторых, был ли обвиняемый ошибочно принят за капитана Ансуэлла.

Я только что указал вам причины, побуждающие меня считать, что многое свидетельствует в пользу обоих предположений. Вы слышали показания доктора Питера Куигли, агента Международного медицинского совета, относительно услышанных им слов покойного. Эйвори Хьюм, как утверждает доктор Куигли, говорил, что собирается завладеть пистолетом капитана Ансуэлла, пригласить его в свой дом, добавить брудин в виски с содовой, избавившись впоследствии от улик, имитировать внешние признаки борьбы, поместить отпечатки пальцев капитана Ансуэлла на стрелу, а его пистолет ему в карман. Вы верите, что это произошло? Если нет, то должны принять соответствующее решение. Но если вы этому верите, любые разговоры о «фактах» приведут вас только к путанице.

Имел ли покойный в виду, что пистолет должен быть найден в кармане человека, которого он принимал в своем доме? Если да, думаю, «факт», что пистолет действительно там нашли, не свидетельствует против подсудимого. Если покойный намеревался дать гостю виски с наркотиком, избавившись по-

том от улик, и успешно осуществил задуманное, то мне кажется, это тоже не говорит против обвиняемого. Если же покойный собирался поместить отпечатки пальцев гостя на стрелу — и если вы считаете, что он в этом преуспел, — именно эти отпечатки мы и должны были найти. Если, к примеру, А обвиняют в краже бумажника у Б и бумажник найден в кармане А, то этот факт не свидетельствует против него, если вы убеждены, что бумажник положил туда В.

Признаюсь, что я не смог обнаружить в показаниях мотив убийства со стороны обвиняемого. В самом деле, нам не предлагалось ничего, кроме самого факта антагонизма мистера Хьюма по отношению к подсудимому, а если верить показаниям, этого антагонизма не существовало. Обвиняемый приходит в дом без мотива и без оружия. Вы слышали показания, свидетельствующие о признаках ссоры в кабинете, и должны тщательно их обдумать. Но если каждый пункт, основанный на косвенных доказательствах, в равной степени свидетельствует и о виновности, и о невинности обвиняемого, обилие таких пунктов может не привести вас к выводу о виновности.

Возьмем для начала показания отдельных свидетелей...

...И наконец, члены жюри, возникает вопрос, ответ на который должен стать стержнем вашего решения: был ли покойный убит стрелой, направляемой рукой обвиняемого?

Если подсудимый взял стрелу и намеренно ударил ею покойного, он виновен в убийстве. С одной стороны, на стреле его отпечатки пальцев, а дверь и окна были заперты изнутри. С другой стороны, существуют альтернативные объяснения. Мы слышали, что, когда обвиняемый остался в кабинете наедине с мистером Хьюмом, направляющее перо на стержне стрелы было целым. Вы также слышали, что во время обыска комнаты сразу после обнаружения тела в пере не хватало куска около дюйма с четвертью длиной и около дюйма шириной. Ни мистер Флеминг, ни Дайер, ни инспектор Моттрам не нашли его. Обвинение предположило, что он попал на одежду обвиняемого.

Вопрос заключается не столько в том, что произошло с исчезнувшим куском пера, а в том, составляют ли два фрагмента пера, предъявленные защитой — один из арбалета, другой из отверстия для стержня дверной ручки, — исчезнувший ку-

сок. Принадлежат ли они перу на стреле, использованной для этого преступления? Если вы решите, что нет, значит, они не должны нас беспокоить. Обстоятельства, при которых они найдены, несомненно, любопытны, но это не наше дело. С другой стороны, если вы сочтете, что один или оба фрагмента относятся к перу в стреле, трудно избежать разумных сомнений в справедливости обвинения.

Признаюсь, я не вполне понимаю позицию обвинения в этом вопросе. В своих записях я нашел предположение, что первый фрагмент пера, найденный в арбалете, не является частью пера в стреле, но я не обнаружил дальнейших объяснений. Давайте рассмотрим доказательства в том виде, в каком они были представлены, и посмотрим, могут ли они привести нас к выводу, что...

17.20—17.26

ИЗ ЗАПИСЕЙ СТЕНОГРАФИСТА, М-РА ДЖОНА КИСА

Жюри после шестиминутного отсутствия вернулось в зал. *Секретарь суда.* Члены жюри, вынесли ли вы вердикт?

Старшина присяжных. Да.

Секретарь суда. Вы признаете подсудимого виновным или невиновным в убийстве?

Старшина присяжных. Невиновным.

Секретарь суда. Единодушны ли вы в своем решении?

Старшина присяжных. Да.

Судья Рэнкин. Джеймс Кэплон Ансуэлл, жюри, рассмотрев представленные доказательства, сочло вас невиновным в убийстве. С этим вердиктом я полностью согласен. Остается добавить, что вы свободны, и пожелать вам всяческих успехов. Подсудимый свободен.

Примечание. На лице генерального прокурора улыбка, — похоже, он рад такому вердикту. Старый Мерривейл встает и ругается на чем свет стоит, непонятно почему — ведь его клиент свободен. Подсудимый берет шляпу, но, кажется, не может найти выход. Люди обступают его, включая молоденькую девушку. Галерея в восторге.

ИЗ ИСТОРИИ ОЛД-БЕЙЛИ

В зале суда номер 1 выключали свет. Оба надзирателя, совсем не похожие на полицейских без своих шлемов, казалось, остались в одиночестве в опустевшем «классе». Голоса и топот ног постепенно замирали снаружи. Дождь упорно барабанил по стеклянной крыше. Щелчок — и ряд ламп, скрытых в одном из карнизов, погас; дубовые панели и белый камень над ним приобрели более густые оттенки. Еще два щелчка — и почти все помещение погрузилось в темноту. Шум дождя словно стал громче, как и шаги надзирателей по деревянному полу. Высокие остроконечные спинки судейских стульев и тусклую позолоту карающего меча едва можно было различить. Дверь в вестибюль скрипнула во мраке, когда один из надзирателей распахнул ее.

— погоди! — внезапно сказал другой, и его голос отозвался эхом. — Не закрывай дверь. В зале кто-то остался.

— Ты видишь призраков?

— Нет, человека. Вон сидит там, за скамьей подсудимых. Эй!

Конечно, вполне возможно было увидеть призраков в здании, построенном на костях Ньюгейта¹, но на краю скамьи действительно прикорнула сгорбленная женская фигура, не шевельнувшаяся даже при окрике надзирателя, который направился к ней.

— Пожалуйста, покиньте зал, — ворчливо потребовал он.

Женщина отозвалась, не поднимая взгляд:

— Не знаю, смогу ли я. Только что я кое-что выпила...

— Выпили?

— Какое-то дезинфицирующее средство. Я думала, что смогу это выдержать, но мне очень плохо... Отправьте меня в больницу.

— Поди-ка сюда, Джо, — подозвал напарника надзиратель.

— Понимаете, я убила его. Поэтому выпила яд.

— Убили кого, мэм?

— Бедного Эйвори. Но мне жаль, что я это сделала. Я бы хотела умереть, если бы это не было так больно... Меня зовут Амелия Джордан.

¹ Здание Центрального уголовного суда построено в 1902—1907 гг. на месте снесенной Ньюгейтской тюрьмы.

Эпилог

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

— Мне кажется, — заметила Эвелин, — что самую сильную речь произнес генеральный прокурор. Этот человек произвел на меня огромное впечатление. До последней минуты я боялась, что он может добиться решения в свою пользу.

— Хо-хо! — усмехнулся Г. М. — Так вот о чем вы думали, девочка. Ну нет, Уолт Сторм слишком хороший юрист. Не хочу сказать, что он сделал это намеренно, но он изложил дело таким образом, чтобы судья смог свести его на нет. Самый аккуратный трюк с подставой подбородка под удар, какой я когда-либо видел! Уолт Сторм слишком поздно осознал, что парень невиновен. Он мог отказаться от обвинения, но я хотел, чтобы все было доказано окончательно — с полной историей преступления. Поэтому его речь звучала впечатляюще, но отнюдь не преследовала цели осуждения обвиняемого.

Мартовским вечером мы собрались в офисе Г. М. на верхнем этаже ярко освещенного здания, с окнами выходящими на набережную Виктории. Приготовив пунш с виски (по его словам, в память о деле Ансуэлла), Г. М. сидел закинув ноги на стол. В камине потрескивал огонь, и Лоллипоп примостилась за столиком у окна, очевидно составляя какие-то отчеты. Г. М., которому сигарный дым попадал в глаза, а запах пунша с виски щекотал ноздри, то усмехался, то кашлял.

— Не то чтобы существовали какие-то сомнения по поводу вердикта... — продолжал он.

— Вы так думаете? — отозвалась Эвелин. — Разве вы не помните собственное поведение? Когда присяжные вернулись с вердиктом, кто-то подошел вас поздравить и случайно столкнул книгу с вашего стола. Вы целых две минуты поливали его отборной бранью...

— Ну, всегда испытываешь облегчение, когда можешь выбросить такое дело из головы, — проворчал Г. М. — Однако на скачках нервничаешь, даже будучи твердо уверенным, что фаворит придет первым. Понимаете, я рассчитывал, что кое-какие намеки в моей заключительной речи благотворно подействуют на настоящую убийцу...

— Амелию Джордан! — добавил я. Какое-то время мы молчали, покуда Г. М. разглядывал кончик своей сигары и допивал пунш с виски. — Значит, вы все время знали, что это она?

— Конечно, сынок. И могу это доказать, если нужно. Но сначала я должен был добиться оправдания подсудимого. Я не мог заявить о ее виновности в суде. Но я написал в хронометраже, который показывал вам, что не может быть сомнений в личности подлинного убийцы. Сейчас я расскажу обо всем подробно, так как приятно произносить речь, не подчиняясь никаким правилам.

Мне незачем восстанавливать все происшедшее от начала до конца. Вам все известно вплоть до того, как Джим Ансуэлл выпил виски с наркотиком и свалился в обморок в кабинете Хьюма. Фактически вы знаете все, кроме того, что казалось мне достаточным основанием, чтобы считать виновным конкретное лицо.

Как я вам уже говорил, я с самого начала отбросил теорию безумия. Меня мучил вопрос, как произошло убийство, если Ансуэлл не совершал его. Потом Мэри Хьюм упомянула, что ее парень больше всего ненавидит в тюрьме «окно Иуды», и мне пришла в голову возможность наличия такого «окна» в каждой двери. Я ходил взад-вперед, напряженно думая, потом сел, набросал хронометраж, и все начало понемногу проявляться.

Сначала я считал, что план с целью прищучить Реджиналда Ансуэлла замыслили только двое — Эйвори и Спенсер. Я и теперь так думаю. Однако было очевидно, что кто-то узнал о заговоре и настоял на своем участии в последний момент.

Почему? Подумайте сами! Если «окно Иуды» использовалось для убийства, значит, убийца должен был действовать заодно с Эйвори Хьюмом — по крайней мере, быть достаточно близок к нему, чтобы знать о происходящем в кабинете. Именно убийца должен был унести лишний графин — я задал вопрос о графине в своих записях, — чтобы его не нашла полиция. Все это указывает на сотрудничество с Эйвори. Кто-то еще участвовал в заговоре и воспользовался им, чтобы убить старика.

Кто же? Конечно, в первую очередь в голову приходила мысль о дядюшке Спенсере, так как он, несомненно, был участником заговора. Но он никак не мог совершить убийство соб-

ственноручно, поскольку имел железное алиби, подтверждаемое половиной персонала больницы.

Тогда кто еще? Примечательно, как одна лишь уверенность в еще одном участнике заговора сужала поле. У Эйвори Хьюма было мало друзей и не было близких людей, помимо собственной семьи. А рассказать о плане — даже под давлением — он мог только очень близкому человеку.

Как вы понимаете, на том этапе я всего лишь сидел и думал. Хотя чисто теоретически кто-то посторонний (например, Флеминг) мог пробраться в дом и совершить убийство, это выглядело крайне сомнительным. Флеминг не был даже очень близким другом Эйвори — об этом можно легко судить по манере их разговора. Более того, постороннему пришлось бы пробираться под прицелом наблюдательных глаз Дайера и Амелии Джордан — кто-то из них постоянно находился в доме. Учитывая такую возможность, следовало рассмотреть другую теорию.

Она приводила к уверенности, что еще одним участником заговора мог быть либо Дайер, либо Амелия Джордан. Это настолько просто, что для полного осознания требуется долгое время. Но Дайер, безусловно, не был соучастником. Не стану говорить о своей уверенности, что болезненно респектабельный Дайер был последним человеком, которого столь же болезненно респектабельный мистер Хьюм допустил бы к семейным скелетам в шкафу. Дворецкий годился в качестве свидетеля безумия капитана Реджиналда, но никак не в качестве коллеги. То, что соучастником не мог быть Дайер, явствует из моих записей.

По известным вам причинам я уже пришел к выводу, что Хьюма убили стрелой, выпущенной из арбалета. Кто-то должен был дождаться, пока наркотик подействует на Джима Ансуэлла, потом войти в кабинет к Хьюму, помочь влить мятный экстракт в горло потерявшего сознание человека и забрать графин и сифон. Кто-то должен был иметь предлог для того, чтобы забрать стрелу из комнаты. Кто-то должен был заставить Хьюма закрыть дверь на засов — я не знал, как его удалось убедить это сделать, когда стрела все еще находилась за пределами комнаты. Кто-то должен был привести в действие механизм «окна Иуды», убить Хьюма, избавиться от арбалета и графина и все аккуратно убрать.

Итак, Дайер впустил в дом Джима Ансуэлла в десять минут седьмого (это установлено). Прошло еще минимум три минуты, прежде чем Ансуэлл выпил виски с наркотиком в кабинете, и еще больше, прежде чем наркотик ударил ему в голову (установлено самим Ансуэллом). Дайер покинул дом в четверть седьмого (установлено мною — я отметил в правой колонке записей, куда помещал только абсолютно бесспорные факты, что он подошел к гаражу в 18.18, а гараж, как Дайер правильно указал в суде, находится в трех-четыре минуты ходьбы). Возможно ли, что за полторы минуты он проделал весь фокус-покус, необходимый для убийства Эйвори Хьюма? Нет. Временной элемент делает это невозможным.

Это привело меня к тому факту, что в течение семнадцати минут, пока Дайер не вернулся с машиной в 18.32, только Амелия Джордан находилась в доме с Хьюмом и потерявшим сознание человеком.

Подумайте как следует об этой женщине. Соответствует ли она характеристикам соучастника заговора? Амелия Джордан прожила с Хьюмами четырнадцать лет — это достаточный срок, чтобы квалифицировать ее как члена семьи. Она была — по крайней мере, внешне — фанатично предана Эйвори. В состоянии волнения она — как вы должны были заметить на процессе — называла Хьюма по имени, что никто не осмеливался делать, кроме его брата. Она занимала положение, позволяющее знать многое о происходящем в доме. Если Эйвори был вынужден доверить свой замысел кому-то, то самой вероятной кандидатурой выглядела практичная, компетентная особа, прожившая в доме достаточно, чтобы быть допущенной в замкнутый семейный круг.

Давайте вспомним, что делала Амелия Джордан в течение этих таинственных семнадцати минут между 18.15 и 18.32. В половине седьмого (по ее словам) она спустилась вниз, упаковав чемоданы. Здесь я прошу вас следить за показаниями, данными ею в суде, так как ранее она дала точно такие же показания полиции, которые я тщательно изучил, как и показания остальных. Амелия говорила, что упаковала саквояж для себя и чемодан для дядюшки Спенсера, а потом спустилась на первый этаж.

В показаниях Дайера есть интересный фрагмент, который это подтверждает. Вернувшись из гаража, Дайер застал Аме-

лию Джордан стоящей перед дверью кабинета. Она с плачем сообщила ему, что люди в комнате убивают друг друга, и велела бежать в соседний дом за Флемингом. В этот момент, говорит Дайер, «она споткнулась о большой чемодан, принадлежащий доктору Спенсеру Хьюму».

Меня заинтересовало, почему чемодан оставили в коридоре, ведущем к кабинету. Главная лестница в этом доме — вы видели ее, Кен, — находится неподалеку от парадной двери. Это означало, что Амелия Джордан спустилась с чемоданом и саквояжем и, намереваясь пойти в кабинет, чтобы попрощаться с Эйвори, прошла назад в коридор, все еще неся багаж — во всяком случае, чемодан. Чего ради? Знаю по опыту, что люди, спустившись на первый этаж с парой чемоданов, всегда ставят их у подножия лестницы, откуда недалеко до входной двери, а не тащат их с собой на заднюю сторону дома, чтобы с кем-то проститься.

Тогда я начал многое понимать. Изучая хронометраж, я поставил вопросительный знак напротив действий Амелии Джордан. Что я тогда знал об убийстве? В противоположность мнению полиции я не сомневался, что, во-первых, Хьюм был убит стрелой, выпущенной из арбалета через «окно Иуды», и арбалет исчез из сарая с того вечера; во-вторых, Амелия была единственным человеком, который находился в доме один, помимо Хьюма и Ансуэлла, в течение семнадцати минут; в-третьих, Амелию застали у двери кабинета в необъяснимой компании большого чемодана, о котором с тех пор, похоже, никто не слышал; и, в-четвертых, твидовый костюм дядюшки Спенсера исчез из дома также в тот вечер.

Вау! Мы даже знаем, когда было обнаружено исчезновение этого костюма. Сразу после находки тела Флеминга осеняет идея взять у обвиняемого отпечатки пальцев. Дайер упоминает, что наверху в кармане костюма Спенсера лежит штемпельная подушечка. Он поднимается за ней, но не находит ни подушечки, ни костюма. Дайер не может этого понять и спускается озадаченным. Но где же был костюм? Если бы все не были так взбудоражены убийством, какое наиболее вероятное местонахождение костюма сразу пришло бы в голову, а?

Последовало молчание.

— Знаю! — воскликнула Эвелин. — Чемодан!

— Верно, — согласился Г. М., выпустив облако дыма. — Женщина только что упаковала чемодан для владельца этого костюма. Дядюшка собирался в деревню на уик-энд. Что в первую очередь кладут мужчине в чемодан для такого случая? Твидовый спортивный костюм.

В 18.39, как указывает хронометраж, Флеминг просит Амелию поехать в больницу и привезти Спенсера. Практически одновременно он выдвигает идею взятия отпечатков пальцев. Если бы только, говорит он, у них была штемпельная подушечка! Дайер упоминает о подушечке в костюме для гольфа и идет за ней. Как видно из записей, женщина все еще там. Она слышит это. Почему же она не встает и не говорит: «Нет смысла подниматься и искать этот костюм. Я положила его в чемодан, который стоит в коридоре»? (Даже если она бы вытащила из кармана подушечку, прежде чем упаковать костюм, то могла бы сказать: «Не ищите в костюме. Я положила подушечку туда-то».) В любом случае, почему она промолчала? Амелия не могла забыть, что совсем недавно упаковала костюм, и со свойственной ей практичностью привыкла на службе у Эйвори Хьюма думать обо всем. Но она ничего не сказала. Почему?

Обратите внимание на кое-что еще. Костюм не только исчез тогда, но так и не появился. Добавьте к этому тот факт, что пара красных турецких шлепанцев (запомнившихся благодаря неординарному виду) также исчезла, и вы начнете сознавать, что исчез весь чемодан.

Есть еще одно «почему». Знаем ли мы об исчезновении еще какой-либо вещи? Конечно! Арбалет исчез тоже — короткий арбалет, но с очень широкой головкой. Слишком широкой для маленького саквояжа, но вполне вмещающейся в большой чемодан.

Г. М. сердито затягивался потухшей сигарой. В глубине души я считал, что настоящее дело — величайший успех, но остерегался говорить это, так как он бы только преисполнился самодовольства и усладил себя очередной мистификацией.

— Вы не подали нам ни единого намека, что мисс Джордан виновна, вплоть до вашей заключительной речи в суде, — сказал я, — но вы всегда все делаете по-своему, так что продолжайте.

— Предположив теоретически, что арбалет был спрятан в этом чемодане, вы получаете объяснение того, почему женщина не сообщила Дайеру, что костюма для гольфа наверху нет. Она едва ли могла посоветовать дворецкому открыть чемодан и найти в нем арбалет и едва ли стала бы открывать его сама в чьем-либо присутствии. Дайер собирался пойти наверх за костюмом, и мисс Джордан, несомненно, подумала, что, как только обнаружит его исчезновение, кот выпрыгнет из мешка с пронзительным мяуканьем. Дайер наверняка бы подумал об очевидном и сказал: «Пожалуйста, мисс, откройте чемодан и позвольте нам взять штемпельную подушечку». Следовательно, чемодан нужно было срочно вынести из дома. К счастью, у нее нашелся великолепный предлог для отлучки — поездка за доктором. Покуда Флеминг был в кабинете, а Дайер — наверху, она легко могла подобрать в коридоре чемодан и незаметно пройти с ним к машине.

До тех пор я полагал, что шагаю по достаточно безопасной почве. Но...

— Погодите, — нахмурилась Эвелин. — Есть одна вещь, которую я не понимаю и никогда не понимала. Что, по-вашему, было в чемодане? Я имею в виду, кроме одежды дядюшки Спенсера?

— Один арбалет, — ответил Г. М. — Один графин из граненого стекла. Один неполный сифон. Один пузырек с жидкостью для уничтожения запаха виски. Возможно, одна отвертка и, несомненно, два стакана.

— Знаю. Об этом и речь. Зачем Эйвори Хьюму или кому-то еще было выносить из дома или прятать столько вещей? Зачем нужны были два графина? Разве не легче было бы вылить виски с наркотиком, ополоснуть графин и наполнить его заново обычным виски? Не было бы проще ополоснуть стаканы и поставить их на место? А если просто поместить сифон с содовой на полку в буфетной, какие он мог бы вызвать подозрения? Я не говорю об арбалете, так как это была идея не Хьюма, а убийцы, но как насчет остального?

Г. М. усмехнулся.

— Не забыли ли вы, — осведомился он, — что сначала в заговоре участвовали только Эйвори и Спенсер?

— Ну?

— Взгляните на картинку, которую мы нарисовали, — продолжал Г. М., жестикулируя потухшей сигарой. — Дайер ничего не знает о плане, Амелия Джордан тоже. Реджиналд Ансуэлл должен закрыться в кабинете с Эйвори. Как мог бы Эйвори между этим моментом и временем, когда Реджиналда обнаружат в невменяемом состоянии, покинуть кабинет? Либо Дайер, либо мисс Джордан будут находиться в доме: Джордан — куда Дайер выйдет за автомобилем, а Дайер — пока Джордан поедет за Спенсером. Теперь понимаете? Эйвори не мог выбежать в кухню, вылить виски, ополоснуть графин, наполнить его заново и вернуться, куда его гость лежит без сознания в кабинете, а один из свидетелей наблюдает, как он ополаскивает графин. Это невозможно проделать, пока кто-то присутствует в доме — особенно кто-то, готовый к неприятностям, как Дайер, благодаря предупреждению хозяина, и, безусловно, женщина. Точно так же Эйвори не мог ополоснуть стаканы, вытереть их и принести назад. Он не может поставить сифон в буфетную. Он должен притаиться в кабинете. Вот почему я подчеркивал, что сперва в заговоре участвовали лишь двое.

Как планировалось вначале, Эйвори поместил дубликаты графина, сифона и стаканов внутри буфета, готовыми к подмене. Не забывайте о том, что он не собирался вызывать полицию! Не должно было произойти никакого тщательного обыска комнаты, а тем более дома. Эйвори намеревался лишь одурачить двух своих свидетелей. Ему оставалось лишь спрятать графин, сифон, стаканы и мятный экстракт на дно буфета и запереть дверцы. Он мог избавиться от виски с наркотиком и всего лишнего, когда увели бы едва пришедшего в себя Реджиналда. Разве вы не помните (взгляните на примечания Моттрама к плану), что ключ к дверцам буфета нашли в кармане у Эйвори?

Но когда Амелия вступила в заговор, она не намеревалась следовать плану. Она собиралась убить Эйвори. Это означало вмешательство полиции. Таким образом, все инкриминирующие сувениры нельзя было просто оставить в буфете — их следовало убрать из дома, иначе вину не возложили бы на «плохого парня», лежащего без сознания.

— Мне она нравится, — неожиданно сказала Эвелин. — Проклятие! Я имела в виду...

— Слушайте дальше, — прервал Г. М.

Выдвинув ящик стола, он извлек одну из жутких голубых папок, которые я часто видел раньше (эта пролежала не так долго, чтобы собрать пыль), и открыл ее.

— Вы знаете, что Амелия Джордан умерла прошлой ночью в больнице Святого Варфоломея, — сказал он. — Вы также знаете, что перед смертью она сделала заявление, которое было записано. Вот кония. Послушайте один-два абзаца:

«...Я работала на Эйвори четырнадцать лет. Но я не возражала против тяжелой и нудной работы, так как долгое время мне казалось, что я люблю его. Я думала, что после смерти жены Эйвори женится на мне, но он этого не сделал. Многие предлагали мне брак, но я всех отвергала, думая, что выйду замуж за Эйвори. Но он заявил, что всегда будет верен памяти жены. Я осталась в доме, так как другого выхода у меня не было.

Я знала, что в своем завещании Эйвори оставил мне пять тысяч фунтов. Это единственное, на что я могла рассчитывать. Потом мы узнали, что Мэри собирается замуж. И внезапно Эйвори объявил мне о своей безумной идее изменить завещание и оставить все до последнего пенни под опеку для внука, который еще даже не родился. Я не могла вынести такое.

...Конечно, я знала обо всем, что собирались сделать Эйвори, Спенсер и доктор Трегэннон, — знала с самого начала, хотя Эйвори об этом не догадывался. Он считал, что женщинам не следует участвовать в подобных делах, и ничего мне не сказал. Я очень любила Мэри, поэтому никогда не стала бы убивать Эйвори и пытаться возложить вину на мистера Кэплана Ансуэлла. Но Реджиналд Ансуэлл шантажировал Мэри, и мне казалось, что он этого заслуживает. Откуда мне было знать, что в кабинете не тот человек?»

— Это правда, — проворчал Г. М. — Вот добрая половина причины, по которой она слегла с воспалением мозга, узнав, что натворила.

— Но почему она не призналась потом? — спросила Эвелин. — Ведь Амелия под присягой заявила в суде, что старый Эйвори ненавидел Джима Ансуэлла.

— Она защищала семью, — ответил Г. М. — Неужели это кажется вам странным? Она защищала семью так же, как защищала себя.

«Я сказала Эйвори, что знаю о его плане, только за четверть часа до того, как убила его. Когда Дайер вышел из дома за машиной, я спустилась с чемоданами, подошла к двери кабинета, постучала и сказала: «Я знаю, что вы держите его в кабинете, накачав брудином, но больше в доме никого нет, поэтому откройте дверь и позвольте помочь вам».

Как ни странно, Эйвори не казался особенно удивленным. Он тоже нуждался в поддержке — это был первый нечестный поступок в его жизни, и он охотно положился на меня. В моей жизни это тоже был первый нечестный поступок, но я была лучше подготовлена к нему, поэтому смогла заставить его слушаться меня.

Я сказала ему, что когда капитан Ансуэлл (я думала, что в кабинете находится он) проснется, то непременно поднимет шум и потребует обыскать дом, тем более что здесь будет Флеминг, а такой человек обязательно будет настаивать на поисках стаканов, графина и сифона. Эйвори знал, что это правда, и страшно испугался. В течение семи лет я любила Эйвори, но тогда я его ненавидела.

Я объяснила, что мой саквояж стоит снаружи, что я собираюсь в деревню и могу забрать вещи, чтобы избавиться от них. Он сразу согласился.

Мы положили пистолет в карман человека, лежащего на полу, и попытались влить мятный экстракт ему в горло. Я боялась, что он захлебнется. Потом мы сорвали стрелу со стены, порезали Эйвори руку, и нанесли на стрелу отпечатки пальцев человека, лежащего на полу, чтобы все выглядело реально... Для меня было труднее всего вынести стрелу в коридор незаметно для Эйвори. Вот как я это проделала. Графин, стаканы и прочие вещи уже были там. Я притворилась, будто слышу возвращающегося Дайера, выбежала из комнаты, держа стрелу за наконечник, и крикнула Эйвори, чтобы он быстро запер дверь на засов. Он подчинился не задумываясь, так как был старым человеком и не привык к подобным делам.

Потом мне пришлось поспешить. Я уже поместила арбалет в темном коридоре и собиралась отнести его в сарай, когда все будет кончено. Нитка уже была прикреплена к дверной ручке...»

Г. М. бросил папку на стол.

— Хуже всего было то, что, закончив работу, Амелия действительно услышала шаги Дайера, едва она успела снова «запечатать» дверь (в перчатках Эйвори Хьюма, которые мы нашли в чемодане). Она не собиралась прятать арбалет в чемодан — было достаточно вернуть его в сарай, где он не вызвал бы подозрений. Но теперь на это не оставалось времени. Она даже не успевала вытащить из ворота кусочек пера. Через полминуты Дайер появится в коридоре и увидит все.

Это едва не направило меня по ложному следу. У Амелии были маленький саквояж и большой чемодан — оба стояли в коридоре. Конечно, она намеревалась положить более мелкие вещи в свой саквояж, чтобы потом избавиться от них, и отнести арбалет назад в сарай. Но Дайер вернулся слишком скоро, и арбалет пришлось положить в чемодан Спенсера, так как в саквояж он не умещался.

Это заставило меня подозревать (и достаточно долго), что Спенсер замешан в убийстве. Она воспользовалась его чемоданом, а когда все вещи для уик-энда внезапно исчезли, Спенсер не поднял шум...

— Конечно, — сказал я. — Во второй половине первого дня процесса он уверял, что отправил костюм для гольфа в чистку.

— Поэтому я и решил, что Спенсер и Амелия вдвоем спланировали все шоу и он подготовил себе алиби в больнице. Мы реконструировали события вплоть до того момента, когда Амелия выбежала из дома, чтобы ехать в больницу за Спенсером. Их совместное участие в грязной работе выглядело весьма вероятным.

Но когда я сидел и думал, меня беспокоила одна вещь. Амелия выбежала из дома с чемоданом и не могла привезти его назад — во всяком случае, в тот вечер, — так как кто-то мог что-то заподозрить или все еще продолжать поиски штемпельной подушечки. Ей нужно было избавиться от него, и притом срочно, так как она должна была ехать прямо в больницу и привезти дядюшку Спенсера. Если бы Амелия и Спенсер были соучастниками, она могла бы оставить чемодан в больнице, где у Спенсера наверняка имелась комната или хотя бы личный шкаф. Но этого не произошло. Хронометраж, вернее, примечания к нему указывают, что портье больницы видел, как Амелия приехала и

уехала со Спенсером, не оставив никакого чемодана. Тогда куда же он делся? Она не могла выбросить его в сточную канаву или отдать слепому нищему, а избавиться даже временно от чемодана, полного опасных улик, чертовски трудно. За то ограниченное время, которым, как показывает хронометраж, располагала Амелия, можно было сделать только одно. Больница на Прейд-стрит, как вам известно, а если нет, как вам указали, находится рядом с вокзалом Пэддингтон. Чемодан могли оставить в камере хранения. Это неизбежный вывод, ребята.

Конечно, в какой-то мере мне повезло. Я пришел к этому выводу в феврале. В вечер убийства Амелия слегла с воспалением мозга и тогда все еще не выходила. Значит, она не могла забрать чемодан из камеры и он должен был все еще находиться там.

Как глупый мальчик из анекдота, я отправился туда и нашел чемодан. Вы знаете, что я прихватил с собой моего старого друга доктора Паркера и мастера на все руки Шенкса. Я хотел, чтобы они были свидетелями находки чемодана и его обследования, ибо тогда уже не мог остановить судебный процесс. Во-первых, он готовился уже месяц. Во-вторых, что еще важнее, вы знаете, что бы мне пришлось сказать властям? Старик, никогда не пользовавшийся особой популярностью в министерстве внутренних дел, припелелся бы и заявил: «Ребята, у меня имеются для вас кое-какие указания. Я хочу, чтобы обвинение было отозвано по следующим причинам: Амелия Джордан лжет, Спенсер Хьюм лжет, Реджиналд Ансуэлл лжет, Мэри Хьюм лгала. Короче говоря, в этом чертовом деле лгали все, кроме моего клиента». По-вашему, мне бы поверили? Нет, мне нужно было привести всю компанию к присяге и заставить их говорить. Вот вам причина моей скрытности.

Вы знаете, где и почему я нашел своих свидетелей. Но одна проблема продолжала меня беспокоить вплоть до второго дня суда. Был Спенсер Хьюм замешан в убийстве или нет?

Я раздобыл чемодан, но он пробыл на вокзале с вечера убийства. Если Амелия и Спенсер работали вместе, она бы велела ему срочно забрать чемодан, покуда какой-нибудь любопытный парень не сунул в него нос. Ведь она не лежала в бреду больше месяца. Но только спустя неделю после моего визита на вокзал какой-то мужчина — не Спенсер — пришел и стал расспрашивать о чемодане.

Я начал видеть проблески света вечером первого дня суда. Спенсер сбежал, но написал Мэри, клятвенно уверяя, что видел, как Джим Ансуэлл совершил убийство. Письмо выглядело правдивым, в отличие от большинства заявлений Спенсера. Тем не менее я знал, что это должно быть ложью, пока внезапно не понял, в чем дело. Во всей этой истории Амелия выглядела простодушной и невинной, а Спенсер — хитрым и лживым. Но в действительности беда дядюшки Спенсера состояла в том, что он был слишком простодушным. В течение четырнадцати лет он верил — вероятно, не без оснований — каждому слову этой практичной женщины. Амелия сказала ему, что видела, как Ансуэлл совершил преступление, и он ей поверил. Неужели вам не ясно, что этот человек искренне верит во все изрекаемые им цветистые банальности? Согласно ее заявлению, Амелия сообщила ему, что присоединилась к Эйвори в этом маленьком заговоре, воспользовалась чемоданом Спенсера, чтобы спрятать графин, стаканы и прочие атрибуты ловушки, и бросила чемодан в реку, поэтому ему придется примириться с потерей. Ибо, если эти вещи найдут в его чемодане, у него будут серьезные неприятности. Разумеется, об арбалете она не сказала ни слова. Поэтому Спенсер держал язык за зубами. Он даже в письме к Мэри не выдал Амелию и не сообщил, что его информация не из первых рук. Думаю, мы неверно судили о дядюшке Спенсере. Он вел себя слишком по-рыцарски.

— Но послушайте! — запротестовал я. — Кто же был мужчина, который через неделю после вас приходил на вокзал Пэддингтон и справлялся о чемодане? Вы спрашивали об этом управляющего на суде. Я был уверен, что этот человек — убийца. Кто же приходил на вокзал?

— Реджиналд Ансуэлл, — с довольным видом отозвался Г. М.

— Что?!

— Наш Реджиналд, как вы знаете, отправится на пару лет в тюрьму за лжесвидетельство. Он заявил под присягой, что практически видел, как было совершено убийство. Я хотел, чтобы Реджиналд дал показания. Не было достаточных доказательств, чтобы предъявить ему обвинение в шантаже, но, если бы он попытался солгать (на что я надеялся), я мог прижать его к стенке в одну секунду. Я сказал ему, что полученная им пове-

стка — чистая формальность и что его, вероятно, вообще не вызовут. Естественно, я не хотел, чтобы Реджиналд сбежал как Спенсер — что он наверняка бы сделал, если бы я сообщил ему, что намерен затронуть тему шантажа Мэри Хьюм. Поэтому Реджиналд спокойно занял свидетельское место и попытался обвести меня вокруг пальца, а в результате заработает два года за лжесвидетельство. Но самая прекрасная и самая извращенная часть всего этого заключается в том, что Реджиналд сказал правду — он действительно видел, как произошло убийство.

— Неужели?

— Разумеется. Реджиналд не знал, что мне все известно о его разговоре с Грейбеллом — я имею в виду, о его осведомленности о краже пистолета Хьюмом — до второго дня процесса. Реджиналд был зол на меня за то, что я затронул вопрос о шантаже, когда он сидел за солиситорским столом, поэтому напустился на меня. Но первая часть его показаний была абсолютно правдивой. Реджиналд был на Гроувнор-стрит и поднялся в проходе между домами к боковой двери. Если вы помните примечания Моттрама к плану, эта дверь была найдена незапертой...

— Но, черт возьми, вы же сами доказали, что он ничего не мог видеть через деревянную дверь!

— Вы забываете о двух стаканах виски, — мягко произнес Г. М.

— О двух стаканах виски?

— Да. Эйвори Хьюм налил два стакана — один для себя, к которому не прикоснулся, не желая пить брудин, а другой для гостя, который выпил только половину. Вы также слышали, как Амелия Джордан потом упаковала эти стаканы в чемодан. Но она никак не могла упаковать туда две порции виски — ей пришлось опустошить стаканы. Так как раковины вблизи не оказалось, а она не хотела открывать окна, дабы не нарушать впечатление запертой комнаты, она попросту отперла боковую дверь, открыла ее и выплеснула содержимое стаканов, таким образом открыв Реджиналду доступ. Помните, что он сказал, когда я разоблачил ложь о стеклянной двери? Он слегка позеленел и промолвил: «Возможно, дверь была открыта», что являлось истинной правдой. Дверь была открыта. Реджиналд даже не заметил, что это за дверь, — он просто помнил прежнюю дверь со стеклянной панелью и упомянул о ней, не

желая признавать, что совал нос в дом. Но должно быть, Реджиналд видел достаточно, чтобы получить средство для шантажа Амелии Джордан, и хорошо знал, что в чемодане было нечто сомнительное. Беда в том, что чемодан исчез, и он не знал куда. Трудно сказать, что происходило у него в голове или как он подобрался к Амелии. Она попала в такое положение, что я невольно начал ее жалеть, но не собирался позволить из-за этого вздернуть моего клиента. Но, думаю, ее порадовало лицемерие Реджиналда, корчившегося на свидетельском месте, как на раскаленных углях. А меня радует то, что эта свинья работает длительный срок в кутузке за то, что, по существу, сказала правду.

Мы с восхищением смотрели на Г. М., поглощавшего пунш с виски. Он хотел выглядеть старым маэстро, и нужно было признать, что ему это удалось.

— Я склонна подозревать, — сказала Эвелин, — что вы позорите все великие традиции справедливого английского закона.

— Полагаю, вы правы, — задумчиво признал Г. М. — Формально я нарушил закон, поручив моему приятелю-взломщику Малышу Кэллоуэю проникнуть одной прекрасной ночью в полицейский участок инспектора Моттрама и убедиться в правильности моих выводов относительно кусочка пера в «окне Иуды». Отсутствие там пера испортило бы весь эффект в суде... Старику нравится видеть, что молодые счастливы, и я надеюсь, что у Джима Ансуэлла и Мэри Хьюм будет такой же счастливый брак, как у вас двоих. Так что стоит ли ко мне придирааться?

Он снова глотнул пунша с виски и зажег потухшую сигару.

— Таким образом, — сказал я, — наш Реджиналд отправится в тюрьму из-за искажения священных правил правосудия, а Джим Ансуэлл оправдан с помощью трюка, да и вообще все движется благодаря... как вы это называете?

— Я называю это ужасающей извращенностью мира в целом, — серьезно ответил Г. М.

СОДЕРЖАНИЕ

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА. Роман	
<i>Перевод с английского В.В. Тирдатова.</i>	7
«ОКНО ИУДЫ». Роман	
<i>Перевод с английского В.В. Тирдатова.</i>	183

Литературно-художественное издание

Карр Джон Диксон

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

Романы

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

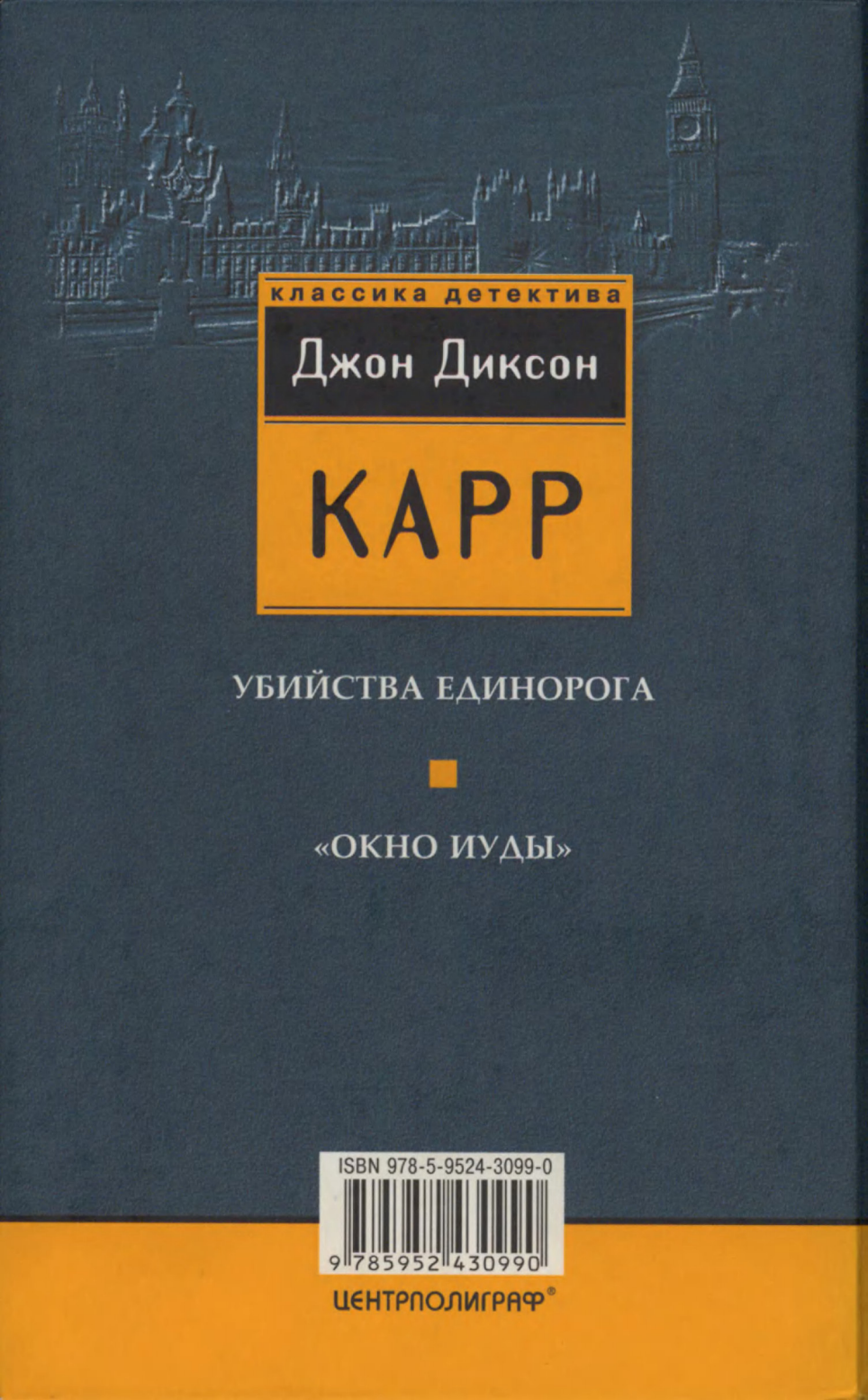
Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.06.2007.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.16. Уч.-изд. л. 19.47.
Тираж 6 000 экз. Заказ № 4715

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

классика детектива

Джон Диксон

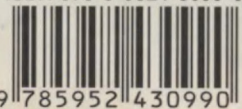
КАРР

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

«ОКНО ИУДЫ»

ISBN 978-5-9524-3099-0

9 785952 430990

ЦЕНТРОЛИГРАФ®